

Станислав ДАЩИНСКИЙ

**ПРЕЗИДЕНТ
СААМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**Мурманск
1999**

Мурманская областная общественная организация
Союза журналистов

Мурманский «Мемориал»

Станислав ДАЩИНСКИЙ

ПРЕЗИДЕНТ
СААМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Мурманск
1999

ББК

Д

УДК

Дащинский С. Н. Президент Саамской республики. Очерки.

Д Мурманск, 1999, 108 стр.

ISBN

В сборник вошли очерки о периоде беззаконий 30-х годов и репрессированных по политическим мотивам жителях Кольского полуострова. Автор стремится не просто показать явление, о котором достаточно хорошо известно, а понять и осмыслить, почему это происходило в каждом конкретном случае, какова роль в несправедливых судилищах, наравне с верхними эшелонами власти, местных - районных и городских исполкомов, райкомов и горкомов партии, отделов милиции, начальников и следователей низовых звеньев НКВД, трудовых коллективов, товарищей по работе, соседей.

Книжка, насыщенная конкретными фактами и густонаселенная именами людей, представит интерес для преподавателей гуманитарных дисциплин вузов и учителей, студентов и школьников, для всех, кто любит свою Родину - Россию, ее историю и искренне желает, чтобы мрачные страницы не повторились никогда.

ББК

ISBN

© Дащинский С.Н., 1999.

ДУШЕНОВ

Рыбаки Мурманского тралфлота в 1937 году назвали своим кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР командующего Северным флотом Константина Ивановича Душенова. И его, и их вздымало на штормовых волнах одно море - Баренцево. На рейдах и у причальных стенок судоремонтных предприятий сторожевики, тральщики, подводные лодки прижимались просоленными бортами к рыболовным траулерам и сейнерам.

В записных книжках Душенова теснился плотный график встреч с жителями Кольского полуострова.

16 ноября - Мурманск, Дом культуры имени С. М. Кирова, кинотеатр «Северное сияние».

17 ноября - Кировск, клуб.

18 ноября - Мурмаси, клуб «Энергетик».

19 ноября - Мончегорск, клуб Металлургов.

20 ноября - Полярный, Дом Красного флота.

Междуречье, Порт-Владимир, Озерко, Ура-Губа, Чан-Ручей, Ловозеро, Гремиха, Териберка...

Встречи превращались в многолюдные собрания и митинги. Никто не снимал с Душенова обязанностей командующего флотом, и, возвратившись в Полярный, он до глубокой ночи, прогоняя усталость и сон крепким чаем, изучал сводки, радиограммы с моря, выслушивал доклады, отдавал приказы.

Доверенные лица рассказывали биографию кандидата в депутаты. Она была крута, как морская волна; дробясь на годы и события, вливалась в стремительный поток, которым бурлила страна в начале двадцатого века.

Родился 10 августа 1895 года в Вологодской губернии, в семье крестьянина. В тринадцать лет отправился на заработки в город. Мать плакала - как бы не встал сын на скользкую дорожку, в том мире легко было опуститься на дно. Но он не боялся соблазнов.

Два года бегал посыльным в аптеке, колол дрова и топил печи, чистил и мыл посуду, таскал тяжелые ящики и корзины с бутылями. Вечерами падал на тонкую подстилку под лестницей. Хозяева заботились о том, чтобы он меньше спал и ел, а больше работал. Потом, уже в Петрограде, были еще четыре года на химико-аптекарских складах, где он чувствовал себя уже вроде специалиста.

В пятнадцатом увидел море. Вначале рассматривал его с кронштадтского берега - там, во флотском экипаже, познавал азы матросской службы. После учебного транспорта «Русь», долго казавшегося громадным и таинственным существом, поднялся по трапу крейсера «Аврора». Грозный был для того времени корабль: водоизмещение 6731 тонна, мощность двигателей - 11 600 лошадиных сил, вооружение - сорок орудий различного калибра, три торпедных аппарата, экипаж - 570 человек.

Вскоре на палубу «Авроры» ворвались октябрьские события, будто шквальные ветры, они сметали моряков на берег. Дрался с юнкерами за Николаевский мост и Душенов. А 25-го вечером оказался в рядах штурмовавших Зимний дворец. Доверили ему потом охрану исторического здания. Он старался делать все возможное, чтобы сберечь и сами помещения, и находившиеся в них богатства. Да еще разрывался между «Авророй» и Смольным, выполняя одновременно обязанности связного.

Потом ходил в атаки против Юденича и Краснова, командовал матросской ротой под Гатчиной. Занесло его и на Волгу, в десантный отряд будущего командующего Черноморским флотом Ивана Кузьмича Кожанова. В гражданскую со старым режимом воевали все братья Душеновы.

После гражданской в послужном списке Константина Ивановича будут значиться Саратовский и Астраханский военные порты - он восстанавливал их, углублял фарватер Волги; Севастопольский военно-морской...

Только через семь лет после революции представилась возможность учиться, да не где-нибудь, а в Военно-морской академии РККА в Ленинграде. При низком общем уровне знаний осваивать академический курс военных наук оказалось невероятно тяжело. Но учился, как прилежный школьник, только на «хорошо» и «отлично». Выручали трудолюбие, настойчивость, желание знать и уметь больше.

В музее Северного флота хранится фотокопия удостоверения, выданного 4 июля 1927 года: «Командир Р.К.К.А. Душенов Константин Иванович выполнил все требования учебного плана и успешно окончил в 1927 году полный курс военно-морского факультета Военно-морской академии Р.К.К.А».

Душенов командовал боевыми кораблями, служил в штабах флотов. Однако все больше у него проявлялась склонность к анализу,

к науке. Еще в 1924 году в академии он подготовил доклад, где обратил внимание на необходимость взаимодействия сухопутных частей и военно-морского флота. «Это единый боевой организм, - писал он. - Флот, опирающийся на армию, грозная сила. Разобщение флота и армии, что было свойственно царской России, гибельно для интересов страны». Боевые действия Черноморского, Балтийского, Северного флотов в годы Великой Отечественной войны подтвердили эту глубокую мысль.

В 1926 году в «Морском сборнике» Душенов публикует статью «О хозяйстве и хозяйственниках», где выдвигает идею систематической подготовки армейских и флотских хозяйственников в специальных средних и высших учебных заведениях. Об этом тогда еще не помышляли! В том же журнале в 1928 году он выступает со статьей «К истории вопроса о «малой войне» на море». Здесь он обосновывает идею строительства военных кораблей разных типов и назначений - крупных и небольших, быстроходных и тихоходных, для дальних походов и для близких ходок, подводных и надводных, боевых и вспомогательных. Правильность этого подхода подтвердила война 1941-1945 годов.

Военно-научное общество страны приглашало Душенова на свои важнейшие заседания.

Наверно, эта пытливость ума, стремление проникнуть в неизведанное, заглянуть вперед сыграли не последнюю роль в том, что Душенова назначают начальником и комиссаром той академии, которую недавно закончил сам. Тут ему пригодились и опыт службы на боевых кораблях, и знание недостатков в обучении слушателей. Он имел склонность, как писали в характеристиках, к научной и преподавательской работе. Ставяясь приблизить учебный процесс к интересам флота, он прежде всего привлекает к преподаванию и научной работе опытных командиров кораблей и частей.

Одной из важных научных разработок того времени стало исследование Душеновым теоретических и практических основ обороны флота... с суши! И опять, в который уже раз, обращаясь к опыту Великой Отечественной войны, убеждаешься, насколько прозорливо глядел в будущее Константин Иванович. Залогом боевых успехов, скажем, Северного флота в годы войны были именно его крепкий тыл, мужество и стойкость воинов 14-й армии Карельского фронта.

После академии Душенов принял дела и обязанности начальника штаба морских сил на Черном море. И здесь его работой оставались довольны самые высокие инстанции. В июле 1935 года Высшая военная аттестационная комиссия, возглавляемая С. М. Буденным, отмечала: «Под руководством товарища Душенова штаб флота, как орган управления, работал вполне удовлетворительно. Лично товарищ Душенов - хорошо подготовленный, волевой командир». Вскоре после этого Константин Иванович принял командование Северной военной флотилией.

В 1935 году, ко времени прихода Душенова, в составе флотилии было всего три эсминца, три сторожевика (их в шутку называли дивизионом плохой погоды - «Ураган», «Смерч» и «Гроза»), три подводные лодки, два тральщика, плавбаза «Умба». Почти не имелось зенитных батарей и вообще береговой обороны, авиации, отсутствовала ремонтная база кораблей и подводных лодок.

Чтобы обеспечить высокую боеготовность флота, новый командующий проводит серию дальних походов - в Баренцево, Норвежское, Гренландское моря, на запад и на восток от Полярного. В 1935 году подводные лодки Северной флотилии достигли Новой Земли, затем через пролив Маточкин Шар прошли в Карское море, намереваясь обогнуть с востока северную оконечность острова. Встретив сплошные льды, повернули назад и вдоль западного побережья Новой Земли прошли к мысу Желания и спустились к Нордкапу. В этом походе находился и сам командующий. В следующем году - новые походы дальностью до семи тысяч миль.

Сложными оставались условия плавания надводных судов. Но, казалось, Душенова радовала, бодрила неустойчивая, переменчивая арктическая погода: чем свирепее штормы, чем гуще и плотнее туманы, тем чаще посыпал он корабли в море, да еще ночью, да без огней. При этом смело брал на себя ответственность за судьбы людей.

Командир отдельного дивизиона эскадренных миноносцев, впоследствии адмирал Виталий Алексеевич Фокин с благодарностью вспоминал: «Настоящая боевая организация флота началась только при товарище Душенове. Мы... с ним вместе начали совершать большие подводные походы, весь театр излазили на подводных лодках... совершали на Севере такие большие автономные плавания, каких не совершала ни одна подводная лодка других стран».

«Командующий сам часто выходил в море, - вспоминал будущий начальник политотдела Павел Моисеевич Клипп, - и тогда команда корабля знала, что будет более сложное учение, больше, чем обычно, тревог».

Обмерзали корабли, и моряки учились бороться с этим опасным явлением. Густая пелена тумана надолго закрывала море - экипажи тренировались и в таких условиях. После учений разрабатывали новые методики и правила. В 1935 году три четверти всех стрельб выполнили на «хорошо» и «отлично». Душенова наградили орденом Красной Звезды (в апреле 1938-го он получит еще награду - орден Красного Знамени).

Как дальше развивать и укреплять военно-морские силы на Севере? В 1936 году об этом шла речь на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), куда пригласили и Душенова. Город Полярный решили сделать столицей будущего флота. Намечалось создать ряд маневренных баз и аэродромов, судостроительных и судоремонтных предприятий. Это бодрило, окрыляло.

11 мая 1937 года нарком обороны СССР издал приказ о реорганизации флотилии в Северный флот. Менялось не только название. Быстро и основательно усиливаясь корабельный состав флота, строились его базы, оборудовались новые причалы, аэродромы, прокладывались дороги.

Широко становились известными на флоте, почти крылатыми фразами высказанные Душеновым мысли: «Тот не моряк, кто боится глубоких погружений», «Без риска и ответственности не бывает серьезных решений», «Штаб не собиратель сведений, а командный пункт», «Без разведки можно стать жертвой слепого случая», «Командир и комиссар одно дело делают».

Североморцы ценили и уважали командующего. Кроме деловых, привлекали и его человеческие качества. Обходя корабль, Константин Иванович обязательно заглядывал в матросские кубрики. Оставался простым и доступным. Его можно было видеть в семьях офицеров и сверхсрочников, на субботниках и вечерах флотской самодеятельности, на лыжных вылазках и беговой дорожке стадиона. Он не терпел показухи ни в чем.

Осмотрев причал или аэродром, Душенов непременно направлялся на строительные площадки, где возводились жилые дома. Рабочие-строители не раз видели командующего в рабочей спецовке на стройпло-

щадке нового Дома флота. По его указанию в военные городки завозили коров, чтобы детям было свежее молоко. В частях появлялись теплицы, где выращивали лук, другие овощи. Повсюду оборудовались стадионы, спортивные площадки.

Еще одна любопытная деталь: очень уважительно относился командующий к газетчикам, хотя не любил, чтобы «выставляли» на газетных страницах его самого. Звонил, подсказывал темы, хвалил за удачные выступления, брал в поездки, посыпал за журналистами свою машину. Часто писал сам; не терпел статей, написанных за него, которые приносят только на подпись, - такой подход считал развратом.

Но было бы заблуждением представлять Душенова эдаким добрецким дядей, осыпающим своими милостями всех вокруг. Он оставался волевым, требовательным, упрямым, порой жестким и даже суровым человеком. Он мог вспылить, взорваться. Но и остывал быстро, извинялся, если чувствовал себя не правым. Ни в чем не давал поблажки ни себе, ни другим. Родственники его, считая предосудительным воспользоваться хоть в чем-нибудь высоким положением Душенова, жили скромно, не выделяясь среди остальных. Мать и две сестры (отца уже не было в живых) продолжали работать в колхозе в родных местах. Старший брат занимал невысокую должность в одной из строительных организаций на Дальнем Востоке, младший работал на ленинградском заводе рядовым рабочим.

Никто не мог упрекнуть Душенова в недостаточной любви к Родине. А время было непростое - тридцатые годы. Очень много накапливалось вокруг недоверия и подозрительности. Слишком часто приклеивались обидные и опасные ярлыки. На основе непроверенных заявлений и клеветнических измышлений из партии исключались преданные люди. И он, своими руками творивший Октябрьскую революцию, авроровец, будто отвечая на возможные вопросы, говорил на одной из встреч с жителями Мурманской области:

- Я видел на фронтах гражданской войны, как зверски издевались над людьми белогвардейские офицеры. Здесь, на северном побережье, в Иоканьге, интервенты наших большевиков и всех тех, кто им сочувствовал, пачками расстреливали или суворой зимой голыми выгоняли на мороз. Кто видел эти ужасы, тот не может изменить советскому народу, который борется за счастье всего человечества...

И все же он верил сообщениям о том, что во многие учреждения прорвались вредители. Когда на Мурманском судоремонтном заводе сры-

вались плановые ремонты военных кораблей, тоже считал, что это дело их рук, и говорил об этом на собрании актива округа:

- Еще год назад на пленуме горкома партии я сигнализировал о вредительстве на судоремонтном заводе...

На том же собрании он критиковал секретаря парткома комбината «Североникель» за то, что тот не сказал, как партийная организация ликвидирует последствия вредительства на этой крупной стройке.

Но тревожные чувства не могли не закрадываться и в его сердце. Не мог он понять, почему вдруг оказывалось так много вредителей, врагов народа. Арестовывались близкие ему люди, в порядочности которых он не сомневался. Михаил Николаевич Тухачевский, маршал, первый заместитель наркома обороны... Иона Эммануилович Якир, командующий Украинским военным округом... Ян Борисович Гамарник, заместитель наркома обороны... Павел Ефимович Дыбенко, нарком по морским делам в первые годы Советской власти... Иван Кузьмич Кожанов, старший товарищ по боям и по службе на Волге, командующий Черноморским флотом...

И в Мурманске «врагами» оказывались члены окружного и городского комитетов партии, руководители учреждений и организаций, предприятий и строек. И на его Северном флоте - то же...

4 сентября 1937 года расстреляли его предшественника, бывшего командующего Северной военной флотилией Захара Александровича Закупнева. Весной 1938 года арестовали командира бригады подводных лодок капитана 1-го ранга Константина Николаевича Грибоедова. 17 мая 1938 года неожиданно вызвали в Москву члена военного совета флота Байрачного. Душенов хорошо знал его еще по службе на Черном море. Назад Петр Порфириевич тоже не вернулся. 31 мая на квартире в Полярном взяли начальника штаба флота капитана 1-го ранга Павла Спиридоновича Смирнова.

В июне нарком Военно-морского флота позвонил в Мурманск, прямо во Дворец имени С. М. Кирова, где на окружном партийном собрании находились Душенов и начальник политуправления флота Павел Моисеевич Клипп, приказал обоим срочно выехать в Ленинград. С тяжелым чувством садились в поезд. И не обманулись в худших ожиданиях - в дороге их арестовали. С того времени они уже встречались не в штабе флота, не на флотских и окружных совещаниях, а в тюрьмах - на допросах и очных ставках.

Клипп впоследствии поведал то немногое, что ему стало известно о судьбе Душенова. В частности, припомнил такой эпизод. Следователь, безуспешно пытавшийся доказать «вредительство» Душенова, дал волю рукам. Высокий и широкоплечий, гордый моряк не потерпел унижения, ответил тем же. Следователь рухнул на пол камеры и с трудом дотянулся до кнопки звонка, чтобы вызвать конвойных.

Менялись следователи, но приемы их на допросах оставались неизменными: выдумки, подтасовки, унижения, пытки. Стремились вынудить допрашиваемых дать показания против товарищей, коллег. Но и Душенов, и другие североморцы - Павел Спиридович Смирнов, Константин Николаевич Грибоедов держались достойно.

Родной брат Душенова, работавший в «Дальстрое», Николай Иванович, оказался в магаданской тюрьме. Оттуда окольными путями сумел отправить письмо Папанину. В московскую квартиру на Арбате к знаменитому полярнику пришел сын Константина Ивановича - Юрий. К кому еще было обратиться? Дядя Юрия знал Папанина еще с двадцатых годов, отец близко познакомился с ним после спасения четверки со льдины. Душенов командовал тогда всеми силами, направленными к Северному полюсу. К полярной станции по его приказу ушли гидро-графические суда «Мурман» и «Таймыр», эскадренный миноносец и четыре подводные лодки. Душенов держал связь с кораблями и с плавучей станцией круглосуточно. Сохранилось множество телеграмм Папанина командующему Северным флотом, в которых тот не скучился на благодарственные слова. Но в критическую минуту, будучи на твердой земле, в почете и славе, отважный полярник не решился обратиться к Сталину по поводу Душенова, его жены (ее тоже арестовали) и брата.

И за решеткой Константин Иванович оставался преданным своей Родине, верил, что несправедливостям в отношении его и вообще в стране будет положен конец. Но жизнь его оборвала злая пуля, и могила долгое время оставалась неизвестной. Человек как в воду канул. Даже реабилитация Константина Ивановича в 1956 году не-многое прояснила.

В 1965 году в журнале «Знамя» появились «Колымские записи» Георгия Шелеста, называвшего себя товарищем Душенова по несчастью, комбригом ВЧК-ОГПУ. Там были две главы - «Колымские самородки» и «Похороны Душенова», которые не могли не привлечь внимания. Комбриг ВЧК-ОГПУ рассказывал, что в одном звене зак-

люченных на Колыме мыли золото Ефим Голубев, Самуил Ген达尔, Константин Душенов и он, автор записей. Что однажды нашли они крупный самородок; его можно было припрятать, продать и заметно улучшить свою лагерную жизнь. Но патриоты не сделали этого - шла война, страна напрягалась, гитлеровцев только что отбросили от Москвы, но они еще хозяйничали в центре России. Этот эпизод отражен в одном из художественных фильмов, где герои, в том числе и Душенов, действовали под своими собственными именами.

В другой главе Шелест рассказывал, как умер Душенов и как его хоронили трое заключенных, те же Ген达尔, Голубев и Шелест.

Я не сомневался в правдивости публикации, такая мысль даже не закрадывалась, и все же запросил Военную коллегию Верховного суда СССР - хотел уточнить дату гибели Константина Ивановича, в таких делах привык верить только документам. Ответ потряс меня: «Душенов Константин Иванович... был необоснованно осужден 3 февраля 1940 года по ложному обвинению в совершении нескольких государственных преступлений и приговорен к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение 4 февраля 1940 года». Я написал лично председателю коллегии генерал-лейтенанту юстиции Г. Бушуеву: может, ошибка в дате гибели? Нет, все точно...

Возможно, думалось мне, за Константина Ивановича приняли на Колыме подневольные золотодобытчики его старшего брата Николая Ивановича, которого приговорили к восьми годам заключения за четыре месяца до того, как арестовали Душенова? Нет, в «записях» прямо говорилось, что Душенов - матрос с «Авроры», красный адмирал. Кроме того, Николая Ивановича, отбывшего «свои» восемь лет, от звонка до звонка, 14 февраля 1946 года выпустили за ворота лагеря на 72-м километре Колымской трассы. Спрошу-ка самого Шелеста! Но в адресной книге писателей такого не оказалось, и из Федеральной службы контрразведки (так тогда уже называли КГБ) ответили, что у них комбриг ВЧК-ОГПУ Георгий Шелест не значился.

Попытался выйти на автора через заявку на публикацию. Не нашел не только ее, но и рецензий писателей и членов редколлегии, договора с издательством, переписки с автором, ведомости или перевода на гонорар. И подумалось тогда - не фальшивка ли в «Знамени»? Основания так предполагать были.

Когда в 1954 году прокатилась первая волна реабилитаций, в тысячах семей получили справки, что их родные и близкие приговарива-

ДУШЕНОВ

лись к 10-ти годам лишения свободы «без права переписки» и их в лагерях сразил недуг. Особенно часто узников сводили в могилу простуда и сердечные заболевания. Указания изготавливать такие фальшивки поступали в КГБ сверху, из партийных и государственных органов. Фальсификация продолжалась долго, пока председатель КГБ В. Семичастный не написал Н. С. Хрущеву в 1962 году, что страна и мир уже давно знают, какая судьба на самом деле постигла этих людей, и просил отменить глумливое распоряжение, чтобы можно было выдавать справки с указанием подлинных причин смерти. Такой же липовый листок находился и в деле Душенова. Но поскольку человек был заметный, одной фальшивки кому-то показалось мало и изготовили еще одну - литературную. Надо сказать, весьма профессионально написанную.

А следы Шелеста я все-таки отыскал. Как и предполагал, он действительно писатель, немало лет провел в лагерях. Но к тому времени его уже не было в живых, вопросов я ему задать не мог, и простим его, скорее всего, невольное прегрешение.

С помощью московских мемориальцев удалось отыскать, где захоронены останки североморца. Это Донское кладбище в Москве, братская могила № 1.

Страна возвратила честное имя Душенова прежде всего Заполярю: в Североморске, Полярном, Гаджиево появилось оно в названиях улиц; в Мурманском траловом флоте - на борту промыслового судна; 12 августа 1965 года Североморский горсовет присвоил первому командующему Северным флотом звание «Почетный гражданин города Североморска».

«ЧАЙКА»

Нет-нет да и раздаются еще голоса в прессе, в житейских разговорах: хватит о репрессиях, сколько можно? Когда я слышу подобное, вижу печальные, неспособные улыбаться глаза Ольги Ильиничны Швец.

- Читаю в газетах, слышу по радио о довоенных капитанах мурманских рыболовецких судов, - говорила она мне. - Многих помню с детства: Буркова, Егорова, Карпенко, да еще Копытова, Скорнякова. Вместе с ними ходил в море и мой отец. Но его имя на много лет вычеркнули отовсюду...

Отец Ольги Ильиничны не вернулся из лагеря. Мать, тоже познавшая тюрьмы и лагеря, стала инвалидом. Сама же Ольга, став сиротой, намыкалась по чужим домам. Но даже выйдя замуж, не сменила отцовскую фамилию.

Я обратился к ветеранам. Они помнили капитана Швеца, однако за давностью лет - прошло более полувека - не многое могли рассказать. Но цепко хранят отражения людских судеб архивы. Они поведали мне, что этот человек, рано оставшись без отца и матери, с юных лет больше находился в море, чем на берегу. Образования недоставало, но поднапрягся, одолел мореходную школу и морской техникум, стал штурманом. Родом из Одессы, совсем еще молодым человеком оказался в Мурманске. Здесь поднимался по штурманскому трапу на капитанский мостик. Рыболовные траулеры «Засольщик», «Ким» ставил к причалам с полными трюмами. 27 июня 1940 года привел в порт РТ-7 «Семга». И тут же, на причале... его арестовали. Обвинение самое нелепое - участие в какой-то подрывной антисоветской группе, о которой и слыхом не слыхивал. В письмах из лагеря убеждал дочь, а скорее всего - самого себя, что все уладится, в НКВД разберутся. Но физических сил оказалось меньше, чем духовных.

В 1956-м Илью Елисеевича Швеца и его жену Петровну реабилитировали из-за отсутствия состава преступления. Но сделали это тихо и незаметно, будто кто-то боялся показаться нескромным.

Я написал в газете обо всем этом. Жена, дочь, внуки Ильи Елисеевича рассматривали обычный газетный лист, не веря своим глазам. Впервые видели родную фамилию без жесткого соседства убийственных слов «враг народа». Так в их семью, уже по-настоящему и навсегда, возвратилось доброе имя мужа и отца.

А ко мне пошли письма, стали раздаваться телефонные звонки.

- Илья Елисеевич - не единственный пострадавший среди капитанов, сообщали ветераны тралфлота. - Одновременно с командующим Северным флотом арестовали Михаила Степановича Беляева. Погиб начальник Мурманрыбы Михаил Сергеевич Светов. Осужден капитан Дымский Сергей Иванович.

- Поинтересуйтесь экипажем РТ-23 «Чайка» - почти всех моряков отправили в лагеря...

- В ПИНРО с 1935 по 1938 год прокатились три волны арестов...

- Даже курсантов мореходного училища забирали...

Позвонили из поморской Териберки:

- У нас помнят директора моторно-рыболовной станции Анатolia Исаковича Кагана и его заместителя по политчасти Константина Федоровича Болдышева. Оба тоже сгинули в те годы.

Из села Ура-Губа сообщили:

- До войны у нас жило много финнов. Десятки из них в довоенные годы были репрессированы, даже те «красные», которые бежали в СССР после поражения финской революции. Семьи их высланы в Карелию, на Алтай, в Сибирь, Якутию, на Дальний Восток.

Подобные сообщения поступали из многих других мест: Кандалакши, Белокаменки, Умбы. Нашли кое-что работники архивов рыбного порта, тралового флота, судоверфи. Затем появилась возможность заглянуть в уголовно-следственные дела интересовавших меня людей, эти документы сохранились в архивах. И постепенно вырисовывалась трагическая судьба тружеников рыбной отрасли Северного бассейна, разделивших в тридцатые-сороковые годы участь многих наших соотечественников...

В январе 1937 года на 30-ти судах Мурманского тралфлота из 69-ти имевшихся случились аварии. Причин имелось много. Маленькие эртээшки давно уже отжили свой век. В том месяце, например, с погасшими топками стояли у причалов 30 траулеров. Из-за усталости металла, исхлестанного соленой морской водой, выходили из строя траловые лебедки. Сказывалось и разгильдяйство, которого на флоте хватало. Столкнулись в простейшей ситуации траулеры «Кета» и «Сиг». В РТ «Микоян» в порту врезался траулер «Москва».

Кто-тоглядел в этом злой умысел. Одна из статей в мурманской «Полярной правде» так и называлась: «Вражеская рука». Замелькали другие подобные заголовки: «Кто-то вредит», «Преступное равноду-

шие», «Ненаказанное преступление». Кому-то все это представлялось заговором, цепкие щупальца которого протянулись чуть ли не до Северного полюса, опутали, разумеется, и промысловый флот Мурмана.

Включались в работу доброхоты-доносчики.

Во время одного из бассейновых совещаний по проблемам промысла в президиум поступила записка, в которой говорилось, что в годы иностранной военной интервенции начальник Мурманского тралфлота Иван Борисович Богачев находился в архангельских краях и, возможно, был завербован англичанами; не потому ли он пригрел в своей конторе многих с Северной Двины и Белого моря.

Заметьте: автор записи ничего не утверждал. Он только предполагал, хотя не мог не знать, что организаторами рыбных промыслов на Мурмане и в прошлом, и в советское время были архангельские, мезенские и двинские поморы. Неудивительно, что Богачев на них делал ставку. И все же доносчик «сигнализировал».

Я проследил дальнейший путь записи. Автора попросили «развернуть» донос, и он, не торопясь, исписал несколько страниц, теперь уже со многими именами. Донос и происшествия на флоте - большего в то время не требовалось. И вот уже сообщение в «Полярной правде»: «Вредители во главе с Богачевым разоблачены и осуждены». Мне очень хотелось выяснить, жив ли автор этого не редкого в то время документа, но под ним стояла широко распространенная фамилия, да к тому же без инициалов...

В первую очередь я заинтересовался судьбами коллег Ильи Елисеевича Швеца, капитанов.

Биевченко Андрей Иванович. Родился в Цюрупинске Николаевской губернии. С 14-ти лет ходил кухарем, матросом на парусных судах. Тянул лямку срочной в Черноморском флотском экипаже, в Дунайской военной флотилии.

В сентябре 1917 года за выступление против правительства Керенского полевой жандармский суд приговорил его к шести годам каторжных работ. Освободила Октябрьская революция. Позднее в составе партизанского отряда воевал против греческих войск, оккупировавших Херсонщину, в одном из боев против Врангеля попал в плен и восемнадцать дней провел в подвале контрразведки. От расстрела спасло стремительное наступление Красной Армии. Больной, истерзанный, лечился в Одессе, служил еще некоторое время в армии, пока в 1923 году не направили его на руководящую работу. Председатель

райисполкома, заведующий отделом окружного исполкома - везде все-го себя отдавал делу. Но четырехклассного образования не хватало, и в 32 года он становится студентом Херсонского мореходного техникума, а через три года получает диплом штурмана дальнего плавания. Но прежде чем окончательно связать жизнь с морем, три года поработал директором только что законченного техникума.

Здесь с ним и приключилась беда: исключили из партии, как было сказано в постановлении, «за необеспеченность материально-бытовых условий студенчества». У техникума перед тем отобрали общежитие, взамен выделили здание полуразрушенной синагоги и екатерининско-го театра. Их невозможно было превратить в жилье к началу учебного года. И Биевченко не согласился с несправедливым решением. Писал жалобы из Херсона и из Мурманска, куда переехал в 1934 году (здесь он ходил в море штурманом, а потом и капитаном рыболовного траулера).

Наконец, забрезжил свет. В 1938 году из Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) сообщили, что ему надлежит ждать вызова в Ленинградский обком партии. Но вместо этого его арестовали, обвинили в связях с белогвардейцами - помните восемнадцатидневный плен? Скорее всего, чтобы не смел жаловаться.

Но в тот раз судьба к нему была милостива, просидел всего с 31 мая 1938 по 23 марта 1939 года. Даже снова поднялся на капитанский мостик. Но партбилет ему не вернули.

Всякое бывало на работе: промахи, неудачи, поломки и даже аварии. Однако аттестации подтверждали, что капитан он думающий, мореход отважный. Но кто-то доставал из архива его личное дело, перелистывал страницы. 15 марта 1940-го его арестовали снова, по статье 58-6 «шпионаж». На флоте еще долго, до 23 декабря, не издавали приказ об увольнении - надеялись, как в первый раз, выпустят... Но он так и не вернулся. Сгинул, хотя Особое совещание при НКВД СССР отмерило ему «всего» 5 лет лагерей. Реабилитирован в 1956-м «из-за отсутствия состава преступления».

Невинно пострадало в те годы много других мурманских капитанов. Реабилитированы с такой же формулировкой уже упоминавшиеся Михаил Степанович Беляев и Сергей Михайлович Дымский, капитан-флагман тралфлота Степан Григорьевич Пайкачев, главный капитан Карл Оттович Никельштейн.

Сгинули в подвалах, под пулями или в лагерях штурманы Франциск Антонович Войткевич, Борис Михайлович Гурецкий, Александр Ми-

хайлович Евтюхов, Дмитрий Антонович Емец, Борис Владимирович Жданов, Андрей Иванович Сухоруков.

Не вернулись представшие перед «особыми совещаниями», «тройками» и «двойками» по политическим обвинениям механики Николай Дмитриевич Воробьев, Леонид Николаевич Горшков, Владимир Иванович Дегерт, Федор Иванович Карпенко.

Плавсостав лишился многих других отличных специалистов: трап-мейстеров, машинистов, электриков.

Целились прежде всего в крупных руководителей. Я уже называл начальника Мурманского тралфлота Ивана Борисовича Богачева. Были арестованы, осуждены, расстреляны или погибли в лагерях из этого флота также инструктор Карл Петрович Вакс, начальники отделов Иван Павлович и Михаил Петрович Кузнецова, заведующий секретной частью Альфред Яковлевич Лацис и другие.

Искали - находили! - «врагов» еще выше, в самой Мурманрыбе. Из Ленинградского института истории партии мне прислали ксерокопию личного дела Михаила Сергеевича Светова, а из одного из московских архивов - его фотографию. Высокий лоб, густые черные волосы, жесткие губы. Светов стал управляющим Мурманрыбой в 1933 году. И хотя исполнилось ему к тому времени всего тридцать пять лет, прошагал он по жизни немало. Трудился на заводе, служил в Красной Армии, был политработником, редактором солдатской газеты. Затем Наркомат торговли в Москве. Потом опять дороги - Самарканд, Хабаровск, Запорожье; бывал за границей - в Берлине, Лондоне, Харбине.

На Мурмане Светов сделал многое. Достаточно сказать, что с 1935 по 1937 год вылов рыбы в бассейне увеличился в четыре раза - с 500 тысяч до 2 миллионов центнеров в год. Один за другим вступали в строй заводы рыбокомбината. На груди управляющего в 1935 году появился орден Ленина, который в то время было совсем не просто заслужить.

Но неожиданно все резко изменилось. 5 июля 1937 года Светова арестовали. Какое только лыко не вставляли в строку! Но самое главное обвинение - участник руководящего ядра антисоветской вредительской организации. И пришло же кому-то такое в голову! Человек защищал революцию со дня ее рождения, не знал праздников и выходных после семнадцатого года. Не мог он стать врагом. Однако в протоколах допросов значилось: «завербовал» его сам начальник Главрыбы Ф. И. Андрианов, «вредил» вместе с начальником тралфлота

И. Б. Богачевым, начальником отдела И. П. Кузнецовым, главным капитаном флота К. О. Никельштейном.

Мурманский горком «вычистил» его из партии. 25 февраля 1938 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу, и в ту же ночь он был казнен. Сотрудники НКВД Терехов и Тощенко, которые вели его дело, вскоре сами были арестованы и осуждены. Но реабилитировали Светова только в 1956 году, после смерти И. В. Сталина. А восстановили его в партии еще 23 года спустя, без перерыва партийного стажа, который начался до Октябрьской революции.

Еще одно уголовно-следственное дело передо мной. Снегов Алексей Владимирович. На него ссылался, характеризуя авантюризм Берия, в закрытом докладе на XX съезде партии Н. С. Хрущев. Рассказывают, что во время беседы с Морисом Торезом, который отказывался верить в преступления Сталина, Хрущев неожиданно обратился к Снегову: «Алеша, сними рубаху». Когда тот оголил спину, французский генсек увидел многочисленные следы пыток. В ряде книг упоминает Снегова и Рой Медведев.

Богатая биография у этого человека. В Виннице он руководил вооруженным восстанием в дни кайзеровской оккупации. Был военным организатором подполья в Киеве. Работал в Подольске, Закавказье, Сибири. Избирался на многие партийные съезды, в том числе XX и XXII. Хорошо знали его Сталин, Орджоникидзе, Микоян, Каганович.

С августа 1936-го по июль 1937-го Алексей Владимирович работал в Мурманске, руководил политчастью Мурманрыбы. Выходил в море с рыбаками, бывал на побережье у поморов, добивался организованности и дисциплины. Затем начинается долгая, в семнадцать лет, черная пропасть в его жизни. Снегова обвинили в связях с троцкистами, покровительстве ранее арестованным работникам Мурманрыбы, припомнили давнюю службу в 13-й армии, которой командовали Эйдеман и Уборевич, а членами военного совета были Пятаков и Розенгольц. И что на XVI съезде представлял он зиновьевскую парторганизацию (так тогда назывался город Кировоград).

Держался Снегов стойко, обвинения в контрреволюционной деятельности отмечал начисто. И две инстанции - Ленинградский облсуд и Военная коллегия Верховного - вынуждены были его оправдать. В начале 1939-го его освободили, чтобы очень скоро упрятать почти на два десятилетия...

Не просто складывалась его жизнь и после развенчания культа личности. Работая в Центральной комиссии по реабилитации незаконно репрессированных, он многое сделал для восстановления добрых имен, для слома все еще упорствовавшей репрессивной машины. И опять попадал в немилость. Его травили с трибун, с газетных страниц. Появился фельетон в «Правде». Опять, как в годы культа, исключили из партии.

Но Снегов выстоял.

Умер он в феврале 1989 года, прожив долгую, в 90 лет жизнь.

Ежовские, а потом бериевские подручные нитями мнимых заговоров часто связывали столицу с местными организациями, а порой и наоборот - тянули паутину снизу вверх. Вместе с рыбаками в те годы были арестованы нарком рыбной промышленности П. С. Жемчужина (жена В. М. Молотова) и директор ВНИРО (исследовательский институт рыболовства) К. А. Мехонюшин. Полине Семеновне удалось выкарабкаться, а Константин Александрович, участник гражданской войны, один из создателей РККА, крупный хозяйственный работник, был расстрелян.

Меч беззакония разил налево-направо и по низам.

Мурманчане старшего поколения помнят довоенный РТ-23 «Чайка». Ходило себе суденышко по Баренцеву морю, рыбаков и их семьи кормило. Но однажды экипаж траулера настигла беда, и не в штормовом море, а на твердом берегу. И здесь отыскали «контрреволюционную вредительскую группу». За доказательствами дело не стало, благо за них принимались личные признания. А как они выколачивались, мы сегодня хорошо знаем.

Судило моряков «Чайки» Особое совещание управления НКВД по Ленинградской области 15 октября 1938 года. (Непонятно - почему не в Мурманске: с мая 1938 года бывший округ Ленинградской области стал самостоятельной Мурманской областью.) Двенадцать человек, в том числе все штурманы, получили по 10 лет лагерей, один из механиков - 8, а кочегара Емельяна Даниловича Педь приговорили к расстрелу. В чем их только не обвиняли! И в попытках уродовать машины и механизмы, портить рыбу, и даже бежать за границу. Особенно досталось 24-летнему Емельяну, возглавлявшему комсомольскую организацию. Его считали организатором и руководителем «группы». Он и был организатором, только добрых дел. Это сразу же определилось, когда Военный трибунал Северного военного округа

в 1956 году стал изучать это «дело». Лопнуло оно как мыльный пузырь. Всех его «участников» реабилитировали. Но - негласно. Потому, наверно, нам неизвестны их судьбы.

Незаконные судилища выхватывали людей из родных очагов и целями семьями. Как династию Ермошкиных. Отцы их, деды и прадеды занимались рыболовством под Астраханью. Выслали отца, сыновей, дочь с семьями. Товарные вагоны привезли их в Котлас. Потом замелькали Архангельск, Соловки, Териберка, Дальние Зеленцы, Тюва-Губа. На Кольском полуострове, хотя и беспаспортная и поднадзорная, понемногу стала налаживаться жизнь. Отец и два сына ходили в море, еще один работал в Кировске бухгалтером. Но пришел страшный 1938 год...

Отца, Федора Алексеевича, забрали, едва тот переступил порог дома после возвращения с моря. Через три дня взяли Александра, вскоре - Константина, затем Николая в Кировске. Остальных членов семьи, женщин и детей, отправили в Кандалакшу, потом сослали в Казахстан.

Ермошкины прошли «особую тройку», и тоже заочно, как большинство арестованных. Федора Алексеевича с сыном Александром расстреляли в апреле 1938-го. В отдельное «дело» сшили обвинение еще против 40 работников Морлова (так называлась организация, предшествовавшая Мурманельди). В их числе был Константин, его расстреляли в октябре. Николая приговорили к 10-ти годам, но он тоже сгинул.

В 1957 году реабилитировали всех проходивших по делу Морлова, в том числе и Константина Ермошкина. Но проклятие еще 31 год висело над отцом Федором Алексеевичем и старшим сыном Александром: они якобы еще в 1918 году служили у белых. Мурманский областной суд изучил все обстоятельства этого обвинения и снял все наговоры с этой многострадальной семьи.

Вскоре после тех страшных лет пришла на нашу землю война. Этим бы людям, здоровым, сильным, винтовки в руки да в атаку на врага. Но, раздавленные несправедливостью, они не могли подняться.

В годы репрессий с Кольского полуострова высланы в Карелию и на Алтай тысячи финнов. Большинство из них были рыбаками. Испытываешь боль, когда знакомишься с их судьбами.

Вот Кемпайнен Андрей Матвеевич. После поражения финской революции 1918 года тяжелораненым бежал в СССР. На побережье Мурмана возглавлял колхозы «Тармо», «Тайсто», «Рая Каластая». Расстрелян...

Мантере Ойво Оллиевич тоже перебежал из Финляндии, стал командиром Красной Армии, затем работал в селе Ура-Губа.... Келлинсал-

ми Эмма Давыдовна - председатель сельсовета в деревне Грязная Губа... Их постигла та же участь.

Пострадали руководители многих береговых служб. Наиболее трагична судьба одного из них - директора Мурманской судоверфи Ивана Лаврентьевича Зинского. Его арестовали 9 апреля 1937 года якобы за выпуск недоброкачественных рыболовных судов. Не все ладилось на верфи, выпускавшей небольшие суда с 1925 года. Делали их по устаревшим чертежам, в примитивных цехах. Но нелады возникали не по чьей-то злой воле. 10 августа Мурманский окружной суд определил ему 10 лет лагерей. Иван Лаврентьевич не согласился с несправедливым приговором. Обратился в Верховный суд СССР. Там мурманское решение отменили и направили дело на доследование. Особая тройка УНКВД по Ленинградской области быстро приговорила его к расстрелу. Приговор конечно же привели в исполнение...

Трудно найти страну в мире, где бы осужденному после апелляции прибавляли срок. Оставляют прежний или снижают, но чтобы прибавлять - такого не бывает. А в годы произвола у нас в стране происходило самое невероятное.

Позднее оказалось, как и следовало ожидать, что в действиях Зинского отсутствовал состав преступления.

Подобная судьба постигла заместителя Зинского - Александра Федоровича Сыроежкина, другого директора СРЗ - Михаила Григорьевича Богачева.

Не обошли стороной репрессии научные учреждения рыбной отрасли. Давно подбирались к ПИНРО. В областной газете «Полярная правда» о ПИНРО публиковались только негативные материалы, нередко примитивно-грубые и оскорбительные: «В затхлой гнилой атмосфере института чахнет всякая творческая инициатива»; «Этот доклад (крупнейшего ученого профессора М. П. Сомова) лишний раз подтверждает полную беспомощность института в разрешении задач исследований сельди»; «Такая беспечность - идиотская болезнь - вообще характерна для Хлыновского».

Но даже в таком виде обвинения не могли служить основанием для судебных преследований из-за их голословности. Более того, институт в то время как раз становился на ноги. Экспедиционные суда ПИНРО обследовали уже громадные морские пространства от Шпицбергена до Канина Носа и от Новой Земли до берегов Гренландии. Искали сельдь в открытом море. Совершенствовали орудия лова. Испытыва-

ли пелагический трал. Помогали рыбакам добывать рыбу в любое время года. Рекордными стали уловы в 1934-1935 годах. Но затем сельди не стало. Молодой институт не мог достоверно ответить, почему это произошло, когда косяки рыбы вновь появятся у мурманских берегов и обнаружат себя в море.

«Наука не может давать... указаний траулерам ждать рыбу в таких-то квадратах», - писал Сомов, заведовавший в ПИНРО лабораторией сельди. Но объяснения не принимались. В работу института вмешались сотрудники НКВД и конечно же сразу нашли виновных. Вот они, «вредители»: Георгий Иванович Хлыновский, выпускник Тимирязевской академии, ученый-рыбовод, руководил ПИНРО с 1934 года, до этого заведовал отделением торгового представительства СССР в Хакодате (Япония); Михаил Прокофьевич Осадчих, выпускник МГУ, закончил аспирантуру океанографического института, был заместителем Хлыновского по науке; Василий Васильевич Заостровский, участник первой мировой войны, выпускник Московского промышленно-экономического института; Юрий Николаевич Ментов, выпускник МГУ; Евгения Николаевна Сергеева, работала во Всесоюзном прудовом институте в Москве...

Исключительно высокие, даже для наших дней, образование и научный уровень имели эти специалисты. Каждый был на своем месте. Преданные делу, добросовестные, старательные, сколько еще они могли бы сделать для науки! Нет, сломала, искорежила их судьбы злая невежественная воля. Хлыновского и Осадчих расстреляли в один день, 3 декабря 1937 года. Жена Хлыновского получила 10 лет, и судьба ее неизвестна. 18 января 1938 года расстреляли Валерия Федоровича Шмидта, «японского шпиона». Другой «агент» Страны восходящего солнца, Заостровский, получил восемь лет. Ни тот, ни другой, в отличие от Хлыновского, никогда в Японии не были.

Изуродовали жизнь и оставшимся в живых. Отбыв «свои» 8 лет день в день, Василий Васильевич Заостровский, известный ученый, запуганный и затравленный, заведовал гаражом в отдаленном леспромхозе Нижегородской области...

Наверно, никогда не понять, кому и зачем это было нужно.

ПРЕЗИДЕНТ СААМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

С незапамятных времен обосновался на Кольском полуострове маленький олений народ - саамы. Их не было больше в начале века и не стало меньше сегодня. Этническая группа устойчиво держится на уровне 1600 человек. Неприхотливые в жизни и незлобивые люди. Никто не знает случая, чтобы саам обидел соседа или не подал кусок оленины незнакомцу. К властям у них отношение во все времена устойчивое: те - сами по себе, саамы в тундре - тоже. Но в конце 30-х годов злые вихри не по воле божьей, а по злому умыслу людей закружились над родной для саамов тундрой.

Началось с большой семьи Чапоровых в селе Западная Лица, что ютилось на берегу одноименной реки, ставшей известной в Великую Отечественную всей стране (в 1941-1944-м здесь шли жестокие бои). В один день, 9 августа 1937 года, арестовали братьев Ивана Григорьевича, 1891 года рождения, и младшего на три года Петра Григорьевича, сына Петра - Федора. Через четыре дня приехали за Петром Григорьевичем (старшим), 1888 года рождения (в больших саамских семьях нередко детей называли одинаковыми именами). В июле 1940 года вспомнили о сыне Ивана Григорьевича - тоже Иване, он к тому времени жил и работал в деревне Восмус Кольского района.

Первых четырех Тройка УНКВД по Ленинградской области судила 23 августа 1937 года. Никто из «судей» с вырванными из тундры людьми конечно же, как тогда было принято, не говорил и не видел их. Приговор вынесли на основании коротких, в четверть страницы, справок: фамилия, имя, отчество, где родился, кем и где работал, когда арестован, по какой статье, и краткого, в пять-шесть строк, изложения «преступления».

Приговор всем Чапоровым вынесли одинаковый - ВМН, как тогда для краткости называли высшую меру наказания. И в первую же ночь лишили жизней.

Где это произошло, наверно, теперь уже никто не скажет: в одной из многочисленных «клубянок» или у рвов, куда падали они в беспорядке и где их наспех засыпали землей. Скорее всего, в Левашовской пустоши за Парголовом, где покоятся останки еще более сорока тысяч таких же горемык со всего Северо-Запада России.

Судьбу Ивана Ивановича, взятого позднее, решало уже Особое совещание при НКВД СССР, и тоже без суда, по представленному списку. Ему отмерили «всего» 8 лет лагерей, но и он домой не вернулся, сгинул.

Канули в безвестность многие другие саамы-односельчане - Михаил Маркович Семяшкин, 1890 года рождения, Алексей Александрович и Алексей Степанович Федотовы. В январе 1940 года остальных, в основном женщин, стариков и детей, выслали в село Рестикент Кольского района. Причиной переселения послужила, вероятно, попытка создания Германией, по договоренности с СССР, на побережье Баренцева моря, в губе Западная Лица, секретного немецкого порта «База Норд». Вскоре союз с немцами расстроился, и в 1941-1944 годах те места занимали гитлеровские войска уже без всяких договоров.

11 октября 1937 года энкавэдэшники нагрянули в небольшое саамское селение Озерки, приютившееся среди голых скал полуострова Рыбачьего. Они сразу приступили к делу - знали, кого забирать. Первым взяли главу семьи, рыбака-помора Егора Андреевича Снаула. Он не ведал за собой вины, кроме той, что родился 72 года назад в Норвегии, хотя большую часть жизни прожил в России. Происходил из финских саамов, но в их роду так все перемешалось, что не знал, к какой национальности принадлежал, и в документах против его фамилии стояло то «финн», то «саам», то «русский». Арестовали его сыновей - Егора, Николая и Матвея; Андрея и Ганса не оказалось дома - рыбачили, и за ними приехали через месяц. Еще через 10 дней забрали последнего, шестого, сына Юрия. Все уже были крепкими мужиками: первенцу, тезке отца Егору исполнилось 37 лет, самому младшему, Юрию - 24 года.

Главу семьи и четверых сыновей - Андрея, Егора, Матвея и Николая Тройка УНКВД по Ленинградской области судила в один день, 10 января 1938 года, а 22 января их всех убили. Гансу и Юрию, взятым позднее, объявили приговор 31 декабря (и наступающий новогодний праздник оставался рабочим днем в этой конторе): первому дали 10 лет, второму - 8. Но это то же самое, что и отцу, и старшим братьям, - оба родного дома больше не увидели. (Многих приговоренных к 10-ти годам расстреливали, а с Соловков вывезли и расстреляли под Медвежьегорском 1111 человек, у которых было по шесть, пять лет лагерей и даже по три года.)

Первые аресты злой поземкой пронеслись по тундре еще в 1930 году. Они связывались с коллективизацией оленеводческих хозяйств. Не хо-

тели пастухи отдавать своих оленей в общее стадо. Но по-настоящему завихрило в 1937-1938 годах.

В конце прошлого века на Кольский полуостров пришли с берегов Печоры - из сел Бакур, Диюр, Коломицкое, Няжа, Усть-Ижемское, Усть-Цильма и других коми, или ижемцы, как их стали называть в Мурманской области. В селе Ловозере они поселились рядом с саамами, на другом берегу речки Вирмы, а в глубине тундры основали и быстро застроили новые села - Краснощелье, Каневка, Ивановка. И их не обошла беда.

Еще одна буря пронеслась в 1940-м. Правда, за годы войны (1942-1945) среди местных жителей Кольского края не отмечено арестов по политическим мотивам, и полностью они прекратились после 1946 года.

Кем же являлись жители тундры, которых так страшилась Советская власть? В большинстве - оленеводами или рыбаками. Ни в каких партиях не состояли в силу своей малограмотности. А из-за удаленности от центров и в политической жизни не участвовали. Даже в селениях жили редко, в основном только зимой. Трое оказались председателями колхозов: Никита Терентьевич Матрехин правил хозяйством в Иоканьге, Алексей Максимович Мошников - в Ниванкуле, Иван Иванович Киприянов - в Лутто. Дотошно поразыскивали тех, кто куда-либо подался из тундры, - на стройке в Хибинах, на лесозаводе в поморском селе Умба, на морских промыслах Мурмана - матроса, кустаря-сапожника, почтальона, заведующего охотничьим хозяйством.

Арестовывались люди разных возрастов. Самыми молодыми из расстрелянных саамов оказались работник Ловозерского исполкома Никон Петрович Герасимов и судья из Полярного Яков Иванович Осипов - 28 и 27 лет. Не оставляли в покое стариков, женщин.

В 1940 году на пять лет в лагеря отправили 66-летнего жителя Рестикента Василия Кирилловича Мошникова. 5 июня 1934 года арестовали и Особым совещанием при НКВД СССР (по списку!) пятью годами оценили «антисоветскую пропаганду» 57-летней неграмотной колхозницу из села Восмус Акулины Петровны Герасимовой. К тому времени она уже отсидела больше шести лет - суд состоялся в августе 1940 года. Такой же срок в том же августе «заимела» прачка школьного интерната из Рестикента Анна Андреевна Осипова. А ее односельчанке, 56-летней рыбачке-единоличнице Агафье Савватеевне Костылевой, приписали статьи 58-6-11, «шпионаж и заговоры», и 28 июля 1938 года пустили в расход. Не работай, старая, на закордонные разведки.

В 1937-1938 годах участились повторные аресты. Снова замирали сердца саамов при громком стуке в дома, в которые уже вернулись отбывшие сроки наказания и понемногу отходившие от кошмаров. Обвинения предъявлялись прежние, но приговоры оказывались куда суровее, как правило, ВМН. Так случилось с саамами из маленькой деревни Чарвозеро (ее уже давно нет) Василием Федоровичем и Иваном Ивановичем Киприяновыми. Их забрали первый раз 20 марта 1933 года - одного за антисоветскую пропаганду, другого - за шпионаж и заговоры. «Антисоветчик» поимел тогда пять лет ИТЛ, отбыл наказание, жил и работал в селе Лутто. А «шпиона и заговорщика» вообще выпустил Мурманский окружной отдел НКВД - из-за недостаточности улик. Но 20 июля 1938 года снова взяли обоих, Комиссия НКВД и Прокурора СССР (комиссия двух человек - наркома Н. И. Ежова и генпрокурора А. Я. Вышинского) приговорила обоих к ВМН, и через неделю их расстреляли.

Подобное случилось и с саамом Архиповым, работавшим плотником в Хибинах. В 1934 году всего после пятидневной отсидки (за шпионаж!) дело в отношении его прекратил Мурманский окружной отдел ОГПУ. А в 1938-м Игнатия Архиповича взяли снова и та же Комиссия НКВД и Прокурора СССР предписала ему ВМН. Оттуда дорога домой уже не виделась.

Вытаскивали людей даже из забытых богом уголков, за две-три сотни километров от райцентра. Пострадали все до единого саамские селения. В Кольском районе это Восмус, Лапландия, Лутто, Ниванкуль, Падун, Пулозеро, Рестикент, Чарвозеро, Юркино; в Ловозерском - Воронье, Каменка, Каневка, Краснощелье, Ловозеро, Чальмы-Варрэ; в Саамском - Варзино, Иоканьга, Поной, Сосновка; в Кировском - Гирвас-Озеро, Зашеек, Имандра, Экостров; в Полярном - Минькино, Озерко...

Причины для арестов оказывались самые разные: нелестно отзывался о колхозе, пьянице или вороватом председателе - антисоветская пропаганда; общался хоть единожды с оленеводом из соседней Финляндии или Норвегии - шпионаж; взяли того, с кем ты прежде работал или был знаком, - связь с врагом народа. Были поразительные случаи: признавали виновными ближайших родственников за связь друг с другом, и даже жену... за связь с мужем.

Для обвинения применялась знаменитая 58-я статья со всеми ее 14-ю пунктами Уголовного кодекса 1926 года. Но особенно «ходовыми»

оказывались пункты 1а «измена Родине», 2 «вооруженное восстание», 6 «шпионаж», 7 «подрыв государственной экономики», 8 «терроризм», 10 «антисоветская пропаганда и агитация», 11 «заговоры». Редко у кого в деле значился один пункт, обычно шел набор, иногда из пяти-шести. Видя сегодня этот перечень в уголовно-следственном «деле», можно, не читая его до конца, определить содержание - ВМН.

Приговоры менялись с годами. За первые семь лет со времени начала арестов по политическим мотивам (1930-1936 гг.) саамам и мурманским коми не вынесли ни одного смертного приговора. Да и остальные оказывались сравнительно мягкими: ссылка, 2-3 года, реже 5 лет ИТЛ.

Первым приговорили к ВМН 19 сентября 1937 года 48-летнего саама, рыбака из села Озерки, что на Рыбачьем, обвинявшегося по статье 58-1а-6 «измена Родине и шпионаж», Андрея Романовича Галкина. Это сделала Тройка УНКВД по Ленинградской области (до мая 1938 года Кольский полуостров на правах округа входил в ее состав). Через два дня он был убит. Где поконится его прах - неизвестно. Но очень важно найти место захоронения и именно там установить памятник первой жертве саамского народа.

Но все это были одиночные дела, даже если выхватывали из села сразу несколько человек. А от Москвы до самых до окраин уже катились громкие большие процессы. И в кабинетах Кольского районного и Мурманского окружного отделов НКВД родилась идея раскрыть разветвленную организацию. Заранее придумали для нее длинное заковыристое название: «Саамская националистическая повстанческая диверсионно-вредительская организация». Это открывало неограниченную возможность впихнуть туда любого задержанного по любому поводу. Определили цели подпольной пятой колонны - создание независимого саамского государства (это из 1600 человек!). Вспомнили, что еще в 1920 году ходоки из саамского села Ловозера обращались к Мурманскому Совету с просьбой образовать Советскую саамскую республику и Совет поддержал их, приняв резолюцию: «Дружно крикнем во имя мировой революции - да здравствует Советская Лопарская Республика!» На слово «советская» внимание не обратили, кто теперь дословно воспроизведет ту резолюцию. И понеслось.

Республике нужен президент. Среди неграмотных лопарей вряд ли сыскать. Нашли среди русских. «Определили» на эту роль Василия Кондратьевича Алымова, краеведа, экономиста, лингвиста, этнографа, человека высокой культуры - директора Мурманского краевед-

ческого музея. Грамотнее всех лопарей, вместе взятых. По лопарским погостам, по их чумам шастает - прикидывается, будто сказки да были записывает. Инструкции раздает! Сержант НКВД В. П. Школин в дело № 46197 В. К. Алымова поздними вечерами подшивал листок за листком, и оно быстро пухло. Школин заготовил Василию Кондратьевичу кучу обвинений, достаточных для ВМН не единожды: в 1904-1905-м поддерживал меньшевистское крыло РСДРП; общался с врагами народа в Ленинграде - преподавателями Института народов Севера А. Г. Эндюковским, З. Е. Черняковым и в Москве - с П. Г. Смидовичем, С. А. Бутурлиным. Жена, Софья Петровна, акушерка Мурманской горбольницы, расстреляна еще в декабре 1937-го (Василий Кондратьевич о ее гибели так и не узнал), да ее сын от первого брака Сергей Галицкий сидит с сентября 1936-го; научную работу вел в интересах саамских националистов...

С «министрами» пошли по тому же пути. Главный из них после президента - военный, тоже русский. Им «назначили» Александра Сергеевича Салазкина. Уж как подходит: из профессорской семьи, выпускник Петроградского университета, с отличной военной подготовкой (бывший колчаковский офицер, командир роты), в тундровые ловозерские края забрался с семьей, чтобы переждать время, накопить силы, выбрать момент.

В помощники Салазкину подобрали местного жителя, одного из немногих образованных, Ивана Ивановича Артиева. В 1904-1905 годах тот служил в царском военно-морском флоте в Кронштадте - вон куда связующие нити можно протянуть. К заговорщикам причислили и трех его братьев - Александра, Викентия и Федора, а также односельчанина из Ивановки Егора Канева.

Для убедительности в военных намерениях главарей Саамской республики собрали в селах охотниче оружие, в том числе карабины времен первой мировой войны, патроны, свалили в кучу и сфотографировали. Вот он, арсенал. Не отпретесь, националисты-вредители.

К заговорщикам приписали несколько представителей только-только рождавшейся саамской интеллигенции. Например, Никона Петровича Герасимова из села Рестикент. Бывший батрак, пастух, лесоруб, сплавщик, первый выпускник курсов ликбеза в своих родных местах, первый саамский селькор мурманской «Полярной правды» окончил к тому времени Институт народов Севера в Ленинграде. Заведовал Домом оленевода в Мурманске, избирался депутатом Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся. Незадолго до ареста стал

заведовать отделом кадров в Ловозерском райисполкоме. Он не мог обижаться на Советскую власть, при ней вышел в люди. Но ничто, противоречившее замыслу, не принималось во внимание.

После того же института прошел годичные юридические курсы и стал судьей в Полярном районе Яков Иванович Осипов - первый среди саамов юрист. Но и он работал недолго. Его арестовали в один день с Никоном Герасимовым.

В ловозерской школе преподавал еще один выпускник Института народов Севера Александр Григорьевич Герасимов - и ему нашлось место в организации.

В течение месяца - с 25 февраля по 27 марта - всех «заговорщиков» распихали по камерам - 28 человек. Все они осуждены 15 октября 1938 года Тройкой УНКВД по Ленинградской области: 15 расстреляны (3 русских, 7 саамов и 5 коми), 13 получили по 10 лет (8 саамов, 3 коми и 2 ненца).

Я много раз и подолгу размышлял, неужели ни у одного из ленинградской «тройки», когда знакомились они с куцыми и липовыми «делами», не возникло сомнения, что эти люди, пастухи, родившиеся и выросшие в тундре, действительно стали такими грамотными, что замышляли создать собственное государство? Неужели не дрогнула ни у одного рука, когда выводила свои фамилии на приговоре? Похоже, нет, коль дикий по своей нелепости приговор появился и лишил жизни многих людей. Что же это за явление такое в человеческой психике? Его надо изучать вместе журналистам, писателям, врачам, юристам, психологам.

Расстрелянные, по косвенным свидетельствам, покоятся на Левашовском кладбище к северу от Петербурга. Из осужденных к различным срокам заключения тоже никто не возвратился в родные села. Саамы, коми, ненцы, не приспособленные к жизни в ограниченном пространстве, за колючей проволокой, лишенные простора и воздуха, привычной пищи, сломленные и раздавленные несправедливостью, быстро погибали в тюрьмах и лагерях.

Последними из кольской тундры расстреляли 21 ноября 1938 года арестованных и осужденных в разное время семерых саамов и шестерых коми. В их числе был Никита Терентьевич Матрехин, 1900 года рождения, саам, председатель колхоза «Аvt-Варрэ».

Их место захоронения установить еще труднее, так как в это время уже образовалась Мурманская область и приговоры к ВМН, по тог-

ПРЕЗИДЕНТ СААМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

дашним правилам, могли исполняться (и исполнялись) в новом областном центре, в Мурманске. Да и приговаривались некоторые из них к ВМН (Матрехин И. В., Матрехин Н. Т., Осипов С. Я., Рочев А. П.) уже Тройкой УНКВД по Мурманской области. Не указано, где приводился приговор, в Ленинграде или Мурманске, в делах троих Осиповых - Николая Степановича, Прокопия Степановича и Семена Яковлевича. Только в деле одного из 13-ти, Дмитрия Самсоновича Глухих, помечено: место захоронения - Мурманск.

В деле А. П. Рочева есть деталь, которая еще раз показывает, что судьба арестованных и осужденных решалась без их участия, по телефону или телеграфу. Абрама Петровича приговорила к ВМН Тройка УНКВД по Мурманской области 21 ноября 1938 года и в тот же день он был расстрелян за 1300 километров от Мурманска - в Ленинграде, где находился в тюрьме. Оформить в Мурманске и переправить каким-либо образом документы в Ленинград в один день в то время возможности не имелось.

Всего расстреляли в 1937-1938 годах (в другое время ни до, ни после высшая мера по 58-й статье к саамам и коми Кольского полуострова не применялась) 55 человек, в том числе 13 - в 1937-м и 42 - в 1938-м, 37 саамов и 18 коми. Ненцы, к счастью, такой участи избежали.

Год	Арестовано людей			Осуждено (всех нац.)	Освобождено (всех нац.)
	саамы	коми	ненцы		
1930	3	4	—	6	—
1931	1	1	—	1	1
1932	—	—	—	—	—
1933	6	2	2	6	4
1934	2	1	—	2	1
1935	—	2	—	1	—
1936	—	—	—	—	—
1937	24	1	—	25	—
1938	37	21	3	59	2
1939	—	1	—	—	3

А саамы ни о какой республике не помышляли, и даже сегодня, когда едва ли не все народы бывшего СССР разбегаются по национальным квартирам, не думают. Оттого еще горше несправедливость 30-х годов.

КАК ЛЕНИНА В МУРМАНСКЕ СУДИЛИ

9 декабря 1937 года в вагонном депо станции Мурманск шло бурное собрание. Присутствовали 132 человека. Обсуждали вредительские действия (так в протоколе) слесаря-автоматчика.

Было ему 22 года. Родился в деревне Конец Волховского района Ленинградской области, русский. В депо работал уже четыре года, после окончания школы ФЗО. Успел жениться на Альбертине Ивановне Эглит (запомним фамилию, это нам еще пригодится), имел двух малолетних сыновей. Проживал в мурманском переулке Карьерном, в квартире номер 8 дома номер 6. Звали его Василий Алексеевич... Ленин. Отношения к Владимиру Ильичу не имел никакого, в их деревне и в соседних людей с такой фамилией немало.

Несмотря на молодость, мурманский Ленин имел значок сталинского ударника и звание почетного железнодорожника, которое и сегодня, даже в более зрелом возрасте, получить непросто. Неплохо работал парень, и вдруг - вредительские действия, которые выявила их же комиссия, осмотрев отремонтированный Лениным воздухораспределитель.

Когда собранию доложили о сути дела, вопросы посыпались не сразу. Видимо, неловко было принародно допрашивать Ленина, хотя и не того самого. Потом вагонники осмелели, но все-таки для страховки каждое обращение к Ленину сопровождали словом «товарищ».

- Товарищ Ленин, почему вы поставили в воздухоочиститель негодную нижнюю часть?

- Я не знал, что она негодная.

- Товарищ Ленин, а скажите-ка, почему вы на стержень плунжера навинтили вместо одной гайки две?

- Для прочности...

- Зачем притирку золотников делали пальцем, когда для этого инструмент есть?

- Так удобнее...

- Почему, товарищ Ленин, просверлили отверстия диаметром 8,2 миллиметра вместо 7,2?

На этом Ленин потом и попался. На собрании сказал, что сверло диаметром 7,2 миллиметра сломалось, а ждать он не мог. На следствии, уже в другом месте, говорил, что такое сверло выдали в инструментальной мастерской и проверить его не было возможности.

Собрание основательно покопалось в его непроизводственной жизни, пока вынесло свое решение. Признали Ленина, безусловно, вредителем. Постановили: отобрать у Ленина знаки сталинского ударника и почетного железнодорожника и исключить из членов профсоюза.

Вредителю место было, конечно, на нарах, и 13 декабря, на четвертый день после собрания, Василия Алексеевича Ленина арестовали. При обыске никакого компромата в квартире не нашли, но это уже не имело значения...

Мы докапываемся до причин репрессий 30-х годов. И многие, даже глубинные, называем верно: торопливость при проведении индустриализации, принудительная коллективизация, жестокие указания сверху, неграмотность и тупая исполнительность. Но вот и еще: публичный донос и предательство родного коллектива. Без суда и следствия он вынес приговор - вредитель, враг. И ни один человек не поднялся в защиту невиновного. А так бывало не раз и не два, и не только в нашей области, а по всей стране. Работал человек, старался, но стоило оступиться - всем миром толкнули в каталажку его...

В НКВД быстро выстроили логическую цепочку: один вредить не мог, действовал по чьему-то заданию, следовательно, состоял в контрреволюционной организации, получал указания. Руководителя контрреволюционной группы обнаружили быстро, благо к тому времени он уже сидел в тюрьме. А чтобы у вредителя было видно классово чуждое нутро, попутно Ленину приписали, что его жена - дочь крупного кулака. И почти в то же время арестовали в Мурманске и судили Марию Ивановну Эглит, домохозяйку, и Александра Юрьевича Эглита, председателя Мурманского окружного совета профсоюзов, - несомненно, родственников жены Ленина.

А чтобы группа прорисовалась четче, взяли через пару недель после Ленина его товарища по цеху Ивана Михайловича Садика, из среднего техперсонала. Тот был старше почти на два десятка лет и вполне мог сойти за вредителя-наставника. По судам их потом поведут вместе. Статьи обоим - 58-7-11 Уголовного кодекса 1926 года: подрыв государственной промышленности, транспорта, создание нелегальной организации; наказание по этим статьям - расстрел, и только при очень смягчающих обстоятельствах - не менее трех лет лишения свободы с конфискацией имущества. Похоже, у нашего Ленина и Садика ничего смягчающего не имелось, их ожидало мало хорошего.

Да, на первых допросах ни в каких подрывных действиях они не признавались. Но так поступали все «вредители». А попытают их по-серьезнее, и развязывают языки. Заговорили и Ленин с Садиком.

И вот 21 апреля 1938 года суд. Линейный Кировской железной дороги. Главная контора его располагалась в Ленинграде, но имелось немало выездных групп.

Неожиданное заявление подсудимых, смелое для того времени: они отрекаются от показаний, данных на предварительном следствии - их принудили оговорить себя; ни в какой контрреволюционной организации не состояли, вредительством не занимались. И свидетели, вызванные в суд, изменили свои показания в части контрреволюционной деятельности.

В начале 1938 года пик репрессий страна уже прошла. Видимо, это в первую очередь сказалось на решении суда. Но, думается, и фамилия Ленина сыграла свою роль: приговаривать Ленина к сроку или, еще хуже, - к ВМН не очень, согласитесь, уместно...

И суд отправил дело на доследование.

Материалы его второго заседания, 14 августа того же года, пестрят множеством цифр различных экспертиз, однако их результаты не удовлетворяют суд. Опять доследование.

И вот последнее заседание. Два дня судьи выслушивают свидетелей, изучают материалы, совещаются. Наконец, 14 декабря, через год и один день после ареста Ленина, выносится решение: Ленин и Садик невиновны, освободить из-под стражи обоих в зале суда.

Любопытны аргументы, приведенные в этом документе: подсудимые оговорили себя, свидетельские показания крайне неопределенны, сбивчивы, основаны на обычательских разговорах третьих лиц и в значительной степени на предположениях.

Это было что-то новое. В то время в судах подобных выражений не слышали. Они появились только в пятидесятые годы, с первой волной реабилитации. И потому я хочу назвать имена тех смелых судей: Батанов, Шестенко, Прокофьев. Они заслуживают уважения, даже если фамилия вождя магически действовала на них.

К сожалению, не знаю дальнейшей судьбы ни Василия Алексеевича Ленина, ни его товарища по несчастью Ивана Михайловича Садика, ни судей.

ПОРТРЕТ НАРКОМА

С лета 1937 года один за другим стали исчезать работники «Полярной правды».

Первым 20 июня не вышел на работу Николай Павлович Снегирев, заведующий советским отделом.

17 августа не явился уполномоченный обллита по Мурманскому округу Владимир Алексеевич Кокорев.

28 августа девался невесть куда сам редактор Александр Иванович Андреев.

Еще через десять дней пропал его заместитель Сергей Степанович Савеловский.

12 сентября последний раз видели исполняющего обязанности редактора Георгия Никифоровича Ломова.

Затем будто сквозь землю провалились заведующий отделом строительства Петр Васильевич Лавров, заведующий рыбным сектором Анатолий Семенович Быстrozоров и бывший редактор Николай Александрович Павлов. В ноябре потерялся заведующий издательством Сергей Федорович Лазаревич...

Вскоре выяснилось, что сверхъестественные силы тут не при чем. Журналистов окружной газеты подкарауливали местные работники НКВД, арестовывали, обвиняли в антисоветской вредительской деятельности, и жестокий меч внесудебных приговоров, чаще всего - заочных, обрушивался на их головы. Андреева, Кокорева, Ломова, Снегирева расстреляли; Быстrozорова, Лаврова, Павлова, Савеловского приговорили к 10-ти годам, но только одному из них, Петру Васильевичу Лаврову, удалось вырваться из небытия.

Какую же запретную черту они переступили, какой урон нанесли государству, общественному строю, народу, с энтузиазмом строившему социализм, что от имени этого народа им не позволено было оставаться среди него? У каждого времени свои измерения добра и зла. Но откуда бы мы ни глянули - из тех тридцатых или наших конца века годов, если взгляд непредвзятый и честный, эти люди не сотворили худого. Они не призывали к свержению власти. Не вели антигосударственную пропаганду и агитацию. Не были террористами. Более того, коммунисты, они искренне верили в новый строй, в светлое будущее и, как могли, приближали его, готовы были жертвовать собой ради его защиты.

Но кому-то хотелось показать видимость своей неутомимой работы, не отстать от других в поисках врагов, и разрушительное время холодными руками своих бесчувственных стражей уже выводило в протоколах убийственные строки: «протаскивал клевету на партию и правительство» (это об Андрееве); «умышленно не изымал из библиотек троцкистскую литературу» (Кокорев), «завербован в антисоветскую вредительскую группу правых» (Лавров); «подрывал советский строй, вел антисоветскую пропаганду и агитацию в составе преступной организации» - сразу три пункта, 7-й, 10-й и 11-й пресловутой 58-й статьи (Савеловский); «активно участвовал в контрреволюционной деятельности» (Снегирев).

Я перечитал все или почти все, что писали эти газетчики в тридцатые годы. Бесхитростные, часто без серьезного анализа, но всегда острые корреспонденции. Не богат словарный запас, слаб образный строй языка. Но это от недостатка образования, навыков и опыта. По содержанию же материалы точны и злободневны. И навредить стране они никак не могли.

Обвинения выдумывали следователи, часто куда менее грамотные, чем их подследственные, и невысокого, судя по протоколам допросов, составленных ими, интеллектуального уровня. Сочиняли стандартные вопросы-ответы заранее, правили-редактировали у начальства и затем добивались подписи у измученных и униженных людей.

Когда забирали одного, другие искренне верили, что тот - таившийся враг. На партийном собрании в редакции «Полярной правды» после ареста Николая Павловича Снегирева гневные слова о нем произносили Быстро́зов, Ломов, Савеловский. Что же пережили они, когда вскоре сами оказались за решеткой и когда представили, как теперь их самих клеймят теми же жгучими словами? Усомнились ли в невиновности Снегирева? Или посчитали ошибкой только случившееся с ними?

Кто же они, эти люди? Приглядимся внимательнее.

Александр Иванович Андреев. Родился в селе Кадышевка на Волге. Окончил четыре класса Симбирской духовной семинарии. В том же городе в 1919-м вступил в партию большевиков. С тридцатых годов работал в Мурманске, в «Полярной правде».

Поводом для его ареста стала искаженная фотография «любимого сталинского наркома» Н. И. Ежова, опубликованная в «Полярной правде» 29 января 1937 года. Некачественные снимки в газетах можно увидеть и сегодня, спустя шестьдесят с лишним лет, при сканерах

и компьютерах, а тогдашний уровень техники, нехватка специалистов предоставляли неограниченную возможность для этого.

Что касается фотографии Ежова 29 января, то там по левому краю всего-навсего шла малозаметная узкая полоска, более отчетливо пропустившая на лице. За это редактора «Полярной правды» сняли с работы, а затем и арестовали.

Одиночек-вредителей старались сбить в какие-либо контрреволюционные группы, и Андрееву волей следователя пришлось нести на себе крест руководителя антисоветской вредительской группы правых в «Полярной правде». Военной коллегией Верховного суда СССР 17 февраля 1938 года он был заочно приговорен к высшей мере наказания. В справке, полученной родственниками, сообщалось, что он умер 16 апреля 1940 года в Пскове. Цена этих справок известна, например, К. И. Душенова и других осужденных. Человека обычно сразу же расстреливали после приговора.

Не был реабилитирован Андреев и после суда над Ежовым, когда убрали объект преступления.

Георгий Никифорович Ломов сменил Андреева на посту руководителя областной газеты, оставаясь при этом заведующим отделом пропаганды и агитации Мурманского окружкома партии.

Военная коллегия Верховного суда СССР выносила приговор Ломову в один день с Андреевым, по одному заочному списку. И результат конечно же тот же - ВМН. Приговор приведен в исполнение.

Николаю Александровичу Павлову, бывшему редактору «Полярной правды», к тому времени исполнилось 33 года, и 16 из них он состоял в партии большевиков. В Мурманск приехал в 1930 году из ленинградской молодежной «Смены». Но к моменту ареста к печати уже не имел отношения, работал в правлении Мурманского рыбакколхозсоюза.

Сергей Степанович Савеловский, заместитель редактора «Полярки», родился в 1904 году в Москве. Конкретным поводом для его ареста послужила передовая статья 18 августа 1937 года. Ничего крамольного я в ней не нашел, даже по тем, не поддающимся логике временам придраться к чему-либо было невозможно.

Савеловского сначала исключили из партии (25 августа), а затем арестовали (28 августа). Обычно делалось наоборот - сначала арестовывали, а потом исключали. Умер (?) в тюрьме 23 января 1946 года.

Николай Павлович Снегирев заведовал отделом «Полярной правды». Родился в 1908 году в Челябинском крае. В 1932-1936 годах ре-

дактировал газеты «Валдайский колхозник» и «Псковский колхозник».

Петр Васильевич Лавров, 1907 года рождения, заведовал, как уже говорилось, отделом строительства. В деле есть документы, что показания против него давали Андреев, Быстrozоров, Лазаревич, Ломов, Савельев, Снегирев (мы знаем цену таким показаниям и как они добывались). Почти все эти газетчики вскоре отказались от вынужденных признаний, нашли силы и остались честными и мужественными людьми.

Петр Васильевич Лавров, отбыв «свои» 10 лет день в день, работал в Мончегорске. Его ценили за трудолюбие и доброту. Но на свободе оставался всего полгода. 30 мая 1949 года его арестовали снова с предъявлением обвинений... 1937 года! И по постановлению Особого совещания Министерства госбезопасности сослали в Красноярский край, где на лесоповале он провел еще пять с половиной лет. Чтобы вызволить его оттуда, уже после смерти Сталина, потребовались, кроме многоного другого, свидетельства знающих его людей. Одно из них было от Ивана Ивановича Портнягина - в «Полярной правде» помнили своих работников и старались облегчить их участь. К тому же, нельзя не отдать должное мужеству журналиста Ивана Портнягина (позднее, в 60-е годы, он редактировал областную газету).

Анатолий Семенович Быстrozоров, заведующий рыбным сектором, родился в 1905 году в Тамбове, член партии с 1932 года. Арестован 22 октября 1937 года, Особой тройкой при УНКВД по Ленинградской области 19 декабря того же года приговорен к 10-ти годам. У меня есть письмо его сына. Владимир Анатольевич пишет: «Когда забрали отца, мне было пять лет. На всю жизнь запомнилась комната после обыска. На полу валяются в беспорядке книги, вещи, посередине стоит мать и плачет. По словам матери (она тоже по профессии журналист), отец был честным, добросовестным работником, пользовался авторитетом в «Полярной правде». Его премировали серебряными часами, которые во время войны мы обменяли на хлеб, чтобы не умереть с голоду. По характеру был веселым, жизнерадостным. Физически крепкий, увлекался лыжами. В свидетельстве о смерти сказано, что умер от паралича сердца 14 августа 1938 года, через десять месяцев после ареста. Очень сомнительно».

Владимир Алексеевич Кокорев родился в семье питерского рабочего-большевика. Юность связана с комсомолом. Сергей Миронович Киров направил его в Мурманск. Работал в «Полярной правде», затем редактировал «Хибиногорский рабочий» и снова возвратился в Мур-

манск - теперь уже в новой должности уполномоченного (цензора) Ленобллага по Мурманскому округу.

Когда его исключили из партии, молодые журналисты «Полярной правды» Евгений Двинин, Борис Мойжес и Иван Портнягин, рискуя собственными жизнями, защищали этого талантливого, вдумчивого, всегда немножко грустного человека. О людях края он написал книгу «Рыбный Мурман». Она уже была набрана и гранки вычитаны. Ее тоже арестовали, и она бесследно исчезла.

Жена его, Наталья Федоровна, проживавшая позднее под Ленинградом, вспоминала последнее свидание с мужем. Улучив момент, когда надзиратель отвлекся, Кокорев шепнул: «Напишут обо мне скверно в газетах - не верь, я не совершил худого». И назвал фамилии следователей, которые пытали его.

Расстреляли Кокорева 30 октября 1937 года в Ленинграде. В тот день (или ночь) в городе на Неве были расстреляны 624 человека!

Не только «Полярная правда» оказалась пристанищем для «контрреволюционеров». Почти полностью «захватили» они «Кировский рабочий», единственную тогда городскую газету в Мурманском округе. Были арестованы редакторы А. А. Степаненко и Д. В. Молчанов, их заместители П. И. Викторов и К. Г. Зайцев, заведующие отделами, литсотрудники... Лев Ошанин, работавший в Хибинах в тридцатые годы, по моей просьбе пополнил этот список именами Евгения Бабицкого, Бориса Левитина, Михаила Майзеля. Обвиняли хибиногорцев также голословно, как и их коллег из Мурманска. Но порой доходило до абсурда. Редактор Дмитрий Васильевич Молчанов отказался печатать статью о рабочем, выполнившем план на 235 процентов. Тот ничего не внедрил, не рационализировал, а выложил все свои силы, и с места работы его унесли на носилках. «Разве такие стахановцы нам нужны?» - говорил редактор в райкоме и потом следователю. Но его обвинили в подрыве стахановского движения.

Константина Георгиевича Зайцева помнят многие по работе в газетах Мончегорска и Оленегорска. В тридцатые годы он пострадал слева и справа. Сначала его арестовали и пытали как контрреволюционера, а затем исключили из партии за навешивание ярлыков «врагов народа».

Были репрессированы в те годы редакторы районных газет «Кандалакшский коммунист» - С. И. Кубланов, «Беломорская волна» (Умба)

- Н. С. Сергеев и А. Э. Колесников; многотиражных «Ударник» (Мурснабстрой) - К. Бирюков (недостаточно отразил возмущение трудящихся убийством С. М. Кирова), «Полярный Нивастрой» - Н. И. Сандлер и другие.

И здесь доходило до нелепостей. Мать А. Э. Колесникова, кухарка у лесничего, еще до революции родила несколько детей от своего хозяина, и все они, став взрослыми, писали в анкетах: дети кухарки. Поскольку мать замуж не выходила, жила отдельно от лесничего, помочь от него не получала, а после революции тот вообще скрылся за границей. Ах-нет, следовало указывать Колесникову и его братьям и сестрам: дети богатого лесничего. За сокрытие социального происхождения журналиста исключили из партии, а потом привлекли к суду.

Газетчики, финны по национальности, были причислены к «финской контрреволюционной, националистической, шпионской, повстанческой организации».

За передачу, в которой случайно упомянули фамилию «врага народа» Уборевича, арестовали нескольких работников Мурманского радио, в том числе председателя радиокомитета Л. И. Фиалкова и заведующую радиоредакцией в Кировске М. М. Киселеву.

Репрессировали многих полиграфистов.

Не знаю, где, в каких звеньях-цепочках оказывались честные люди: в следственном ли аппарате НКВД, в прокуратуре или суде, но иные арестованные освобождались еще в те, тридцатые, годы, восстанавливались на работе и в партии.

К прежней работе после ареста возвратился редактор ловозерской районной газеты Альберт Петрович Витол и всю войну и послевоенные годы возглавлял этот небольшой коллектив. После ареста и освобождения долгое время трудился в «Полярной правде», написал интересные книжки «Порт четырех океанов» и «Край, в котором мы живем» Евгений Александрович Двинин. Редактор «Беломорской волны» Александр Колесников (сын кухарки) был освобожден и восстановлен в партии Мурманским обкомом ВКП(б). Решение Мурманского облсуда о присуждении к трем годам ИТЛ редактора «Кировского рабочего» Дмитрия Васильевича Молчанова (зажимал стахановское движение) отменил Верховный суд СССР, и журналист был восстановлен в партии.

Все остальные были реабилитированы в 50-е и последующие годы.

КОММУНИСТЫ

В тридцатые годы были арестованы, осуждены, расстреляны или иным способом загублены в следственных изоляторах, тюрьмах и лагерях секретари Мурманского окружкома ВКП(б) Абрам Израилевич Абрамов, Ермил Григорьевич Бабченко, Эдуард Михайлович Годгильдиев, Федор Александрович Пайо, Илья Николаевич Прохоров, Александр Павлович Сорокин - два полных состава секретариата, а также заведующие отделами Николай Евдокимович Зaborщиков, Георгий Никифорович Ломов, Александр Петрович Сакварелидзе, Василий Клементьевич Шаффиров.

Не обошла стороной напасть ни один райком партии, ни один партийный комитет.

Кто же они?

Родились, конечно, в разных местах: в Бессарабии, под Петербургом, в Киевской и Новгородской губерниях, в Сибири и Белоруссии, в российской столице. Самому старшему из названных, Прохорову, исполнилось чуть больше сорока лет, Сорокину - около того, остальным по 30-35, Годгильдиеву жизнь отмерила всего 27.

По национальности большинство русские. Абрамов происходил из многодетной еврейской семьи, Федор Пайо - эстонец. Были латыши, финны. Впрочем, национальность в то время не имела значения. Ее хотя и отмечали в анкетах, но ни препятствием, ни преимуществом нигде никогда и никому не служила.

Все - выходцы из трудовых семей, все очень рано начинали работать, иногда в десять-одиннадцать лет.

Почти все прошли комсомольскую или профсоюзную школу, служили в армии: старшие возрастом еще почувствовали дух царской муштровки, потом уже одевали красноармейские шинели, младшие сразу начинали с буденовок. Но те и другие прошли гражданскую войну. Иные немалого достигли, как мы сегодня сказали бы, в своей карьере. Эдуард Годгильдиев, например, в 7-й армии, где служил ряд лет, стал военным следователем, затем был на чекистской работе в Ленинграде и Новгороде, в Боровичах возглавлял горсовет и гор-, райком партии.

Учились уже после революции, потому что у всех к 1917 году имелось лишь начальное образование. Большинство прошло через Ленинградский коммунистический университет. Но старшие уже трудно догонали молодых: у Сорокина, например, так и не дополнилась запись

об окончании церковно-приходской школы, а у Ильи Прохорова - технического училища Николаевской железной дороги, что-то вроде нашего ПТУ. Дальше всех продвинулся на ниве образования Федор Пайо - после коммунистического университета он стал аспирантом, да еще какого отделения - философского!

Зато они хорошо освоили науку работать с людьми, практику ее проходили на крупнейших заводах и фабриках Ленинграда, в районных комитетах партии города на Неве. Оттуда и начиналась их дорога в Мурманск, к своей горькой и печальной судьбе.

Очень мало сведений удалось найти об Ахматове - с исчезновением людей пропадали и многие документы. Известно только, что на объединенном пленуме Мурманского горкома и окружкома партии 9 декабря 1937 года он предложил, как бы мы сегодня сказали, свой альтернативный вариант резолюции, но ее тут же окрестили троцкистской, и этого оказалось достаточно для исключения его из партии и последовавшего вскоре ареста.

В бывшем Центральном партархиве (сейчас Центральный архив хранения и изучения документов новейшей истории) на учетной карточке Александра Петровича Сакварелидзе нет даже фотографии.

Изучаешь документы, и будто обволакивает тебя та тревожная пелена. Умудренные и закаленные люди осторегались самих себя, собственного слова. Старались отгородиться от всего, что могло бросить на них хоть малейшую тень. У каждого в анкете обязательно появлялись записи: в других партиях не состоял, партвзысканиям не подвергался, в оппозициях не участвовал. Потому что любая другая, хоть в малейшей степени подозрительная строчка жирно подчеркивалась кадровиками и могла лишить жизни. Стоило, например, Годгильдиеву к машинописному тексту своей биографии приписать от руки, что его брат арестован органами НКВД, как безымянный синий карандаш многозначительно прошелся под этими строчками.

Абрамов напоминал тем, кто будет копаться в его личном деле, что во время деникинщины его родители укрывали секретаря подпольной большевистской организации, а во время борьбы с зиновьевской оппозицией он сам под руководством известного большевика И. И. Скворцова-Степанова вместе с другими товарищами составил и издал сборник материалов «Партия и новая оппозиция», который служил пособием для занятий в системе политпросвещения и агитационной работы.

Бабченко в автобиографии писал, что все его родственники - рабочие, что оба его брата - коммунисты и «не имели колебаний от линии

партии», что никто из близких не привлекался к суду и не лишался избирательных прав, в белых армиях не служил и связей с заграницей не имел, в антипартийных группировках и оппозициях не участвовал.

Александр Павлович Сорокин в автобиографии в качестве собственной заслуги отмечал, что в Луге провел партконференцию и выборы нового состава уездкома в связи с тем, что прежний секретарь вместе с ленинградской делегацией на XIV съезде партии голосовал против линии ЦК.

Первый секретарь Полярненского райкома партии, член РСДРП с 1913 года Эрнст Генрихович Лютер, революционер, участник первой мировой войны, чоновец, униженно объяснял неведомо кому в автобиографии, что жена его, Лидия Ивановна, из семьи рабочих, сама рабочая и член партии.

Но ничто не принималось во внимание. Стоило одному из восьми братьев Годгильдиевых (семеро были коммунистами) оказаться перед Особым совещанием (ОСО), как вскоре все остальные - где бы ни находились и чем бы ни занимались - пошли по тюрьмам и лагерям, под расстрелы.

Не служило смягчающим обстоятельством и то, что Абрамов, например, был делегатом XVI и XVII съездов партии.

Почти все секретари и заведующие отделами окружного комитета ВКП(б) были депутатами городского и окружного Советов депутатов трудящихся, но никогда ни у одного Совета не спросили разрешения на их арест.

В те годы были арестованы и сгинули секретари райкомов партии: Кировского - С. Д. Кислов, С. Д. Клепов, П. П. Семячкин, И. Ф. Шатров; Мончегорского - А. И. Ионов; Кольского - П. И. Архипов и П. П. Субботин; Полярненского - Э. Г. Лютер; Ловозерского - А. М. Михайлов; секретари парткомов и заместители руководителей по политчасти К. Ф. Болдырев (Териберская МРС), Н. В. Густавсон, М. М. Мяки и А. М. Куусела (рыболовецкие колхозы), М. П. Осадчий (ПИНРО), А. М. Можуйко (Мурманский тралфлот), помощник начальника по политчасти Мурманрыбы по комсомолу Я. П. Курашко и другие.

Чем же они провинились перед Советской властью? Воевали за нее, проливали кровь - многие были ранены, верили в лучшую жизнь.

Чаще всего их причисляли к какой-нибудь контрреволюционной вредительской организации, которые где только не были «вскрыты»: в «Полярной правде», в Мурманрыбе, на рыбацком траулере «Чай-

ка». Следователи изошлялись в том, кто больше навесит на обвиняемого пунктов из печально знаменитой 58-й статьи Уголовного кодекса 1926 года.

Основанием для ареста чаще всего служили донос или признание ранее схваченного человека (известно, как такие признания добывались). Брали за связь с «врагами народа» в то время, когда те еще не были арестованы и осуждены. А поскольку у партийных работников деловые встречи были повседневными, в сети НКВД попадали многие. Инструктора Полярненского райкома партии осудили за связь с... родным братом. По логике тех лет, ему следовало вычеркнуть близкого человека из своей жизни. Арестовали директора Териберской моторо-рыболовной станции и за связь с ним вскоре взяли партторга Константина Федоровича Болдышева. Любопытно, как мог партторг выполнять свои обязанности, не общаясь с руководителем? Но подобные вопросы задавать в то время не полагалось.

Политработнику 9-го погранотряда Григорию Алексеевичу Минаеву предъявили обвинение в том, что хранил дома... выписку из протокола парткома об исключении его из партии (!).

Загреметь можно было за любое высказывание. Из заявления Ильи Николаевича Прохорова от 14 сентября 1936 года: «Вчера на заседании бюро горкома, при обсуждении закрытого письма ЦК ВКП(б) о деятельности контрреволюционного террористического троцкистско-зиновьевского блока... я решением бюро был снят с должности... за антипартийное выступление. Что я сказал в своем выступлении? Что очень многие из выявленных троцкистов и зиновьевцев являлись ответственными, номенклатурными работниками...»

Его не только исключили, но арестовали и осудили.

Преступными могли стать даже публично заданные вопросы. Характерно дело Никиты Мартirosовича Оганесяна, армянина, уроженца города Гянджа. Его рекомендовал в партию С. Г. Шаумян. Слушал его выступления и одобрительно отзывался о нем С. М. Киров. Он работал заместителем секретаря Мурманского горкома партии, когда в 1936 году его направили на курсы марксизма-ленинизма в Ленинград. Старательный и дотошный слушатель, стремившийся во всем разобраться и до всего дойти, он недоумевал, почему замалчивались характеристики, данные Владимиром Ильичем Лениным Льву Троцкому, Иосифу Сталину в письме к X съезду, почему до середины 20-х годов, даже после смерти Ленина, Троцкий оставался в партии и был

членом Политбюро. Оганесян утверждал, что партия, до приезда Ленина из-за границы, совершила немало ошибок, что после октября 1917 года наряду с социалистической собственностью на средства производства некоторое время оставалась и капиталистическая. Любопытен его взгляд и на коллективизацию: по его словам, в стране происходило «вытеснение середняка».

На курсах Оганесяна исключили из партии «за пропаганду троцкизма», а через две недели, уже в Мурманске, арестовали, приписав, как водилось, участие в антисоветской диверсионно-вредительской организации правых, и 30 октября 1937 года расстреляли.

Бабаченко после комвуза в 1930 году направили в деревню «исправлять линию партии в сельском хозяйстве». Он увидел столько навороченного, что вообще усомнился в правильности линии партии и имел неосторожность высказаться по этому поводу.

Арестованным припоминали все прежние грехи. Второму секретарю Кировского райкома партии Степану Дорофеевичу Клепову пришлось держать ответ за то, что 12 лет назад, будучи комсомольским вожаком на фабрике Желябова в Питере, защищал действия ленинградской делегации на XIV съезде партии, и что кандидатуру его в состав бюро выдвинула, как потом оказалось, представительница оппозиции, и что защищал первопроходца Хибин Кондрикова. Особое совещание приговорило его к 5-ти годам ИТЛ, и он нигде после этого не объявился.

Поражает поспешность, с которой многое делалось. Скажем, первого секретаря того же Кировского райкома партии Ивана Федоровича Шатрова арестовали 11 ноября 1937 года и в тот же день исключили из партии; Военная коллегия Верховного суда СССР 18 мая 1938 года приговорила его к высшей мере наказания, и в тот же день он был казнен.

После поражения революции 1918 года в Финляндии многие ее активные участники эмигрировали в Советский Союз, оказались и на Кольском полуострове. Они не занимали крупных постов - рыбачили, вели домашнее хозяйство. Но кому-то у нас казалось, что всех их заслали с целью шпионажа, и всех арестовали. Пострадали и многие местные финны, особенно проживавшие вблизи границы. Погибли парторгги колхозов «Вперед» (Вайда-Губа) Матвей Матвеевич Мяки, «Тармо» (Ура-Губа) Арне Матвеевичу Куусела (в числе 28 односельчан), колхоза «Похьянтяхти» (Белокаменка) швед Нильс Вильгельмович Густавсон (Шеблом) - в числе 33 колхозников. Повод всегда находился.

Например, Арне Матвеевичу Куусела поставили в вину, что, после того как, не выдержав незаслуженных обвинений, застрелился первый секретарь Полярненского райкома комсомола, член райкома партии Эйна Лахденперя, его память почтили на одном из собраний вставанием, а на похоронах играл оркестр.

Когда коммунисты оказывались за решеткой, не боялись уже ничего.

Не признал своей вины в антисоветской деятельности Николай Евдокимович Зaborщиков, коренной северянин, из села Кузомень Терского района.

«Никакой антисоветской организации я не знал, - твердил он следователю. - Ни диверсионно-вредительской, ни какой-либо другой». И потом, уже из тюрьмы, приговоренный к 10-ти годам, повторял это в письмах Генеральному прокурору и в другие высокие инстанции.

Иван Федорович Шатров, первый секретарь Кировского райкома, в ходе следствия вынужден был «сознаться». Но в судебном заседании начисто отверг обвинения, рассказал, как они добывались. Впоследствии, в 1941 году, оба его следователя были преданы суду за незаконные методы добывания признаний.

Даже перед расстрелом не признал себя виновным парторг ПИНРО Михаил Прокофьевич Осадчих.

Как ни фабриковались протоколы допросов, но и они не смогли скрыть, что секретарь окружкома Александр Павлович Сорокин вел себя достойно. Наверно, поэтому он оказался в тюремной больнице, в которой умер на 52-й день после ареста. Здоровый, сильный, кипучей энергии человек быстро сошел на нет.

Вот строчки из писем жене Ильи Николаевича Прохорова.

25.02.1940 г.: «Будь здорова, не падай духом, я думаю, что добьюсь пересмотра своего дела».

20.10.1940 г.: «Меня радует все - и что вы здоровы и бодры, и что не забыли меня, и что верите, что я не виноват».

19.01.1941 г.: «Рано или поздно недоразумение с моим арестом выяснится».

24.07.1942 г.: «Духом я не падаю. Я по-прежнему остаюсь верным партии и Советской власти и по-прежнему уверен, что рано или поздно сумею доказать свою невиновность. Поддерживает меня неискоренимая вера, что правда выяснится».

Тюремные ворота должны были распахнуться на волю перед Прохоровым 15 октября 1942 года. Он в каждом письме подсчитывал, сколь-

КОММУНИСТЫ

ко до этого дней осталось: 500, 87... Прохоров умер в лагере 16 октября, хотя уже сутки должен был находиться на свободе. Жена Евдокия Дмитриевна Лопинцева до конца дней своих подозревала неладное - письма от мужа перестала получать с июня 1942 года.

Ровно через год после суда умер в лагере отважный пограничник Григорий Алексеевич Минаев...

Снегов Алексей Владимирович...

Я уже рассказывал о нем в очерке «Чайка». Это был удивительной судьбы и поразительного мужества человек.

Менее года он руководил политчастью Мурманрыбы, но оставил о себе добрый след. Выходил в море с рыбаками. Организовывал их труд и быт на берегу.

Обвиненный в связях с троцкистами, он много лет провел в лагерях. Но нигде ни разу он не покривил душой, не поступился своей совестью, не разочаровался в своей партии и не предал ни ее, ни товарищей по партии.

Так что никак не могу согласиться с писателем А. Солженицыным, что коммунисты за решеткой вели себя недостойно: во-первых, это огульное и уже только поэтому неверное утверждение и, во-вторых, напраслина на однажды уже оклеветанных людей.

Последним расстрелянным руководителем из нашего края стал Александр Дмитриевич Вербицкий, второй секретарь Мурманского обкома партии.

Все названные здесь реабилитированы.

Но случившееся с ними всегда будет нам укором, хотя нынешнее поколение россиян к тому прошлому не имеет ни малейшего отношения. Одновременно это и предупреждение: такое не должно повториться.

«ПОСТРОЕНА ВРЕДИТЕЛЬСКИ...»

Меня удивляло, что большой стройплощадкой Нижнетуломской ГЭС руководил человек по образованию - юрист, по призванию - писатель и кинематографист. Большего о Владимире Андреевиче Сутырине я не знал. Отрывочные сведения о нем мелькали в архивных и других документах, в старых газетах, и я стал делать выписки и постепенно накапливал все больше сведений.

«30 августа 1933 года Сутырин В. А. назначен помощником начальника Беломорско-Балтийского комбината (ББК), со 2 марта 1934 года - по совместительству начальником 7-го, Туломского отделения».

«13.07.1934 года введен в состав пленума и бюро Кольско-Лопарского райкома ВКП(б)».

«6.12.1934 года на съезде Советов Кольско-Лопарского района избран делегатом окружного съезда Советов».

«С 23.09.1935 года - начальник Туломгэсстроя».

В протоколе правительственной комиссии по приемке ГЭС в эксплуатацию от 24.05.1937 года Сутырин В.А. значился бывшим начальником Туломгэсстроя...

Некоторые факты наводили на размышления. Из докладной записи от 11.07.1937 года начальника Мурманского окружного управления НКВД Кравцова секретарю окружкома Эдуарду Годгильдиеву я узнал, что «ТуломГЭС построена вредительски, Сутырин и другие оказались врагами народа». Кравцов и помощник начальника 3-го отдела информировали партийное руководство и о том, что в Москве разоблачен враг народа Авербах, и «по связям с ним фигурировал начальник строительства ТуломГЭС Сутырин».

Вот почему, думалось мне, с конца тридцатых годов мы ничего не знали о Сутырине. Наверно, не пронесли и мимо него чашу яда, испитую многими нашими соотечественниками. К тому же Сутырин был то ли приятелем, то ли даже родственником предшественника Ежова - Ягоды. Николай Иванович Ежов, придя на Лубянку, убрал всех «ягодинцев», в том числе и самого Генриха Григорьевича и его родственников. Значит, размышлял я, попал в «ежовы рукавицы» и Сутырин.

Так бы и оставался в неведении, если бы случайно не оказалась в моих руках книжка об Александре Ульянове, студенте Петербургского университета, народовольце, повешенном царскими властями

в Шлиссельбургской крепости. Вышла она в 1971 году и автор ее... Владимир Андреевич Сутырин. Заглянул в справочник Союза писателей - есть еще Сутырин, но Константин Павлович. Значит, о старшем брате Владимира Ильича Ленина написал бывший строитель Туломской ГЭС и он был жив через тридцать пять лет после Туломы!

Полистал литературные издания. Киносценарий В. Сутырина «На острове Дальнем» по повести А. Борщаговского опубликован в 1957 году. Совместный с А. Борщаговским киносценарий «Поезд в завтрашний день», о переезде Советского правительства из Петрограда в Москву в 1967-м.

Человек и жив был, и в тени не оставался, а мы не знали, ни разу не пригласили на Тулому, ни слова не сказали о нем в печати.

И я пошел по второму кругу - по архивам, музеям и библиотекам. От туломском периоде жизни Сутырина узнавалось не сложно. В опубликованных дневниках Александра Афиногенова, автора в будущем знаменитых пьес «Машенька», «Москва, Кремль», «Салют, Испания», нашел запись: «Уехал Сутырин строить гидростанцию на Севере... и как умер для людей кино, которым раньше руководил». Я уточнил: уезжал Владимир Андреевич с должности заместителя начальника Главного управления по делам кинематографии при Совете Народных Комиссаров СССР.

В журнале «Знамя» (1991, № 6) прочитал документальную повесть писателя Витковского «Полжизни». Дмитрий Петрович в чине заключенного прошел Сибирь, Соловки, Беломорканал, Тулому, и его свидетельства потому весьма любопытны.

«Все на Туломе кажется не так, как на Беломорканале. Людей здесь гораздо больше, - рассуждал он, будто глядя сверху вниз на огромную строительную площадку. - Но бог мой, что это за люди! Здесь совсем нет медлительных, рассудительных и таких хороших в работе и лагерном быту крестьян-раскулаченных. Почти сплошь вся масса - развратная, распущенная, развинченная, все проигравшая в карты, в бога, в душу, в горло изматерившаяся шпана-уркаганы. И сверху совсем немного, тоненькая пленочка - бывших инженеров, бывших артистов, бывших наркомов, бывших директоров. Но зато там начальником лагерей Сутырин. Он хорошо разбирается в деле и в людях, с ним легко работать. И помощников он подбирает под стать себе».

Когда Витковский освобождался, Сутырин предложил ему остаться вольнонаемным, но Дмитрий Петрович отказался. У выхода за колючую проволоку его ждал секретарь Сутырина.

- Я выведу вас из лагеря, иначе будут долго и нудно обыскивать... В этом был весь Сутырин. Он не в силах изменить режим, но сделать хоть малость для человека способен и не упустит возможности.

И еще свидетельство, актера и режиссера Дворжецкого, сидевшего дважды - восемь и четыре года. Написанное им опубликовано через два года после его смерти, в 1965 году, в книге «Театр ГУЛАГа». Вацлав Янович (зрители, наверно, помнят его Ланддорфа в сериале «Щит и меч») рассказывает, что Сутырин Владимир Андреевич был основным «рычагом» строительства Туломской ГЭС, главной фигурой, исключительной личностью и от него «зависела вся тактика». Но он находил время помогать и лагерному театру, который размещался в нынешнем мурмашинском Доме культуры; освобождал актеров от изнурительной работы в карьерах, появлялся на репетициях, присутствовал на сдаче спектаклей. Хотя обращаться к нему лично запрещалось - только с заявлением через начальника КВЧ (культурно-воспитательной части).

В июне 1935 года совершила поездку по Кировской железной дороге ленинградская литературная бригада. Входившие в ее состав писатель Юрий Герман и критик Лев Левин были знакомы с Сутыриным еще по РАППу, и он пригласил их на Тулому. Юрий Левин написал об этом четыре абзаца в своей книжке «Дни нашей жизни. Книга о Юрии Германе и его друзьях», первое издание которой появилось в 1981 году. Приведу их почти без сокращения, так как каждое слово там многое значит.

«...Сутырин жил в крошечном, но все же двухэтажном домике, где все было по-семейному: три раза в день уютная старушка накрывала на стол, подавая что ни на есть домашние блюда. Приходил симпатичный, вежливый и опрятный парикмахер. За руль машины садился добродушный старый шофер, один из тех, с которыми Герман всегда умел находить общий язык.

Я не уставал их нахваливать, а Сутырин молча посмеивался. В конце концов более проницательный Герман - хотя это было еще до его знакомства с Бодуновым и другими «орлами-сыщиками» - объяснил мне, что и уютная старушка, и вежливый парикмахер, и добродушный шофер - уголовники и что на их совести, вероятно, немало преступлений, включая и так называемые «мокрые» дела. Сутырин это полностью подтвердил.

Пробыв на Туломе два-три дня, мы уехали в Ленинград, но через некоторое время Герман снова ездил к Сутырину и пробыв у него го-

«ПОСТРОЕНА ВРЕДИТЕЛЬСКИ»

раздо дольше. Туломские впечатления в известной мере сказались в написанных вскоре после поездок к Сутырину повестях «Лапшин» и «Жмакин» и во всем том, что Герман впоследствии писал о Дзержинском».

Важные сведения, характеризующие Сутырина и отношения двух творческих личностей. Можно еще добавить, что сын Юрия Германа режиссер Алексей Герман поставил на «Ленфильме» в 1984 году по сценарию Эдуарда Володарского фильм «Мой друг Иван Лапшин».

ГЭС на Туломе вошла в строй 25 января 1937 года. Накануне газеты много писали о ней. Приводили внушительные цифры: вынуто 373 тысячи кубометров скального грунта, 1 миллион 424 тысячи кубометров морены, уложено в насыпи 1 миллион 87 тысяч кубометров земли, залито 138 тысяч кубометров бетона. Можно было прочитать, сколько поглотила ГЭС железа, фибролита, кирпича и других материалов. 5 ноября в «Полярной правде» выступил сам Сутырин. Статья «Оглядываясь назад» написана им, а не кем-то из помощников, потому что не трескучая, как на соседних колонках, слова взвешенные, выверенные, повествование образное. Ведет беседу, как увлеченный рассказчик: «...Был дан наказ - строить быстро,очно, красиво и дешево. Наш Туломский - опыт показывает, что так строить можно». Отмечает проектировщиков, которые превзошли западных коллег, относительно высокий уровень механизации работ, хотя ручного труда хватало, согласованность участков, старания рядовых тружеников, хотя нигде не упоминает, что они оставались подневольными людьми. Говорит, что помогали продуманные сроки: конечные и промежуточные, дальние и близкие. И - редкость для того времени - ни разу не упомянут Иосиф Виссарионович Сталин; любая, даже куда менее значительная стройка, и та связывалась с его именем. А здесь - нет. Не нашлось места и для обязательных политических штампов того времени: «воодушевленные решениями», «горячо одобряя политику», «сверяя курс».

Правительственная комиссия приняла все строительные работы на станции с оценкой «отлично». Туломский лагерь намеревались перебросить на Угличскую ГЭС на Волге. Собирался туда и Сутырин, но помешали обстоятельства. В автобиографии он рассказывает об этом так: «В начале 1937 года, когда начались массовые аресты, я стал недосчитываться многих из моих близких друзей. Вскоре бюро Беломорско-Балтийского райкома, членом коего я был, исключило меня из партии за «близкую дружескую связь с врагами народа (в первую

очередь, с Ягодой. - С. Д.) и покровительствование контрреволюционным элементам из числа заключенных».

Владимир Андреевич уехал в Москву, полагая там добиться справедливости. Но не мог устроиться даже на работу - ни на какую. Друзья посоветовали исчезнуть на некоторое время из столицы, и недавний руководитель большой стройки поселился в Подмосковье, жил полулегально - раскрашивал женские косынки, делал абажуры для висячих и настольных ламп.

Только с помощью отчаянных людей из Московского горкома партии через три года получил должность начальника стройконторы в тресте Водоканалстрой в столице. Во время войны контору превратили в специализированную воинскую часть. Строил бомбоубежища в Кремле, на Старой площади, возводил оборонительные сооружения под Москвой.

О публикациях не могло быть и речи - исключенным из партии по политическим мотивам мест в книгоиздательских планах и на страницах газет не отводилось.

Я уже немало знал о туляцкой жизни Сутырина и о случившемся с ним потом. Оставалась белым пятном его предшествующая жизнь. И в очередной свой отпуск я отправился в Москву. Прежде всего заглянул в Центральный музей литературы и искусства. И не ошибся - именно туда родственники Сутырина передали большую часть его архива. С волнением перебирал документы многолетней давности, особенно написанные его собственной рукой, фотографии. Черты человека проступали, будто на экране, как после настройки объектива.

Родился в 1902 году, 12 июня, в Царицыне на Волге. Отец был земским врачом, мать - народная учительница. Глава семьи умер рано, и мальчишка с младшей сестрой большей частью жил у бабушки. В бурном семнадцатом окончил реальное училище. На последних курсах увлекся идеями революционного кружка, да так, что отказался от мечты об инженерном образовании и пошел на юридический факультет в Саратовский университет. Там почти сразу оказался в руководстве Союза революционного студенчества.

Но недолго учился, вместе с другими юрфаковцами ушел в Красную Армию. Направили его в газету «Солдат революции», которая в то время выходила в его родном Царицыне. Вместе с редакцией и отступавшими красными частями прошагал до Саратова, а оттуда в обратном направлении гнался за своими соотечественниками-белогвардейцами по Саратовской губернии и Дону. Но в Сальских степях свалил

сыпной тиф, и еле живого его опять привезли в Царицын. Там выхаживали мать и сестра.

После лечения бледный, изможденный, отыскал свою дивизию аж в Азербайджане. Там, помня об его университетском, хотя и едва начавшемся образовании, сделали из него заместителя начальника информационного отдела дивизии, потом начальника армейской партшколы, а вскоре и начальника политотдела дивизии.

Военных он представлял в 1921 году и на X съезде ВКП(б), куда избрали делегатом. Мандат он получил за номером 39. Больше всего его интересовало общение на самом высоком уровне: слушал И. В. Сталина, К. Е. Ворошилова, С. М. Кирова, А. И. Микояна, в перерывах встречался с Н. И. Бухарином, Я. Б. Гамарником, Л. Б. Каменевым, М. В. Фрунзе. На ликвидацию Кронштадтского мятежа, куда бросили 185 делегатов, в том числе и одного из первых редакторов «Полярной правды» Ф. С. Чумбарова-Лучинского, не попал. Не то остался бы, возможно, как и Федор Степанович, на кронштадтском льду. Судьба благосклонно отмерила ему более длинную полоску жизни.

Из Москвы направился в Тифлис, куда к тому времени переехал реввоенсовет армии. Там назначили заместителем начальника политотдела армии (чуть ли не брежневская должность в годы Великой Отечественной войны).

Приглядывался к нему уже известный в то время «гражданин кавказской национальности» Серго Орджоникидзе и добился перевода в Закавказский крайком ВКП(б). Владимир Андреевич возглавил отдел печати. Именно там снова почувствовал себя на своем месте: создавал газеты на языках Азербайджана, Грузии, Армении, продвигал в печать художественные произведения местных авторов, переводы классической русской литературы на языки народов Закавказья. Писал сам. В 1928 году вышла его книга «Пролетарская литература и национальный вопрос», в 1930-м - «Воскресшие из мертвых. Литературная полемика».

. Это заметила даже далекая от окраин Москва, и, едва обозначилась Российская ассоциация пролетарских писателей, на первом ее съезде избрали Сутырина Владимира Андреевича... генеральным секретарем РАППа. Если бы там числился только один Владимир Маяковский (кроме него значились знаменитости того времени Александр Афиноге-

нов, Леопольд Авербах, Владимир Киршон и многие другие), можно было бы гордиться, что «на д Маяковским ходит». Владимир Владимирович, постепенно отходивший от РАППа за его стремление руководить даже литературным процессом, как-то публично заметил о Сутырине: «самый порядочный в РАППе».

Когда образовалось Союзкино, Сутырина - туда... Он оказался свидетелем расцвета российской кинематографии: рождались талантливые режиссеры, артисты, операторы, появлялась звуковая техника, снимались прекрасные фильмы, которые и сегодня смотрятся с интересом уже другими поколениями.

Казалось бы, что еще человеку надо. «Но все же через несколько лет я почувствовал, - написал он в своей биографии в 1977 году, - что нахожусь где-то в стороне от жизни, бьющей ключом, от строительства первенцев пятилетки, от глубоких перемен, происходящих в деревне, появилась настоятельная потребность хоть на время с головой окунуться в эту кипучую жизнь. Случай, связанный с окончанием строительства Беломорского канала, дал мне возможность это осуществить по просьбе тогдашнего председателя ОГПУ Ягоды, с которым я был знаком, и ЦК освободил меня от работы в кино и я поехал на строительную работу сначала в район Беломорстроя, а несколько позже - на Кольский полуостров, строить Нижнетуломскую ГЭС».

Остальное мы уже знаем. Можно лишь добавить, что только в 1957 году Сутырина восстановили в партии, а в конце шестидесятых годов избрали даже первым секретарем парткома... Московского отделения Союза писателей СССР. А в кинематограф он вернулся десятком лет раньше, в конце 1945-го, главным редактором Мосфильма. Затем пришел в кинокомиссию Союза писателей СССР, которая соединила, связала два его призвания - литературу и кино.

Владимир Андреевич умер в 1985-м на 84-м году жизни. Похоронен на Донском кладбище в Москве. У него был сын Борис, но его уже тоже нет. У Бориса остались сын и две дочери - внук и внучки Владимира Андреевича.

Большинство документов наследники Сутырина, как уже говорилось, передали в архивы. Но бережно хранят большую фотографию, где Владимир Андреевич, еще молодой и с тремя шпалами, стоит рядом со знаменитыми полярниками Шмидтом и Кренкелем. В московской квартире одной из наследниц висит на стене картина-вышивка «Стро-

«ПОСТРОЕНА ВРЕДИТЕЛЬСКИ»

ительство Туломской ГЭС», подаренная начальнику стройки подневольной труженицей, бывшей чешской подданной, волею судьбы оказавшейся в наших краях.

Многое в истории Сутырина еще не ясно. Почему он, например, не попытался написать сценарий или другую крупную вещь о строительстве Туломской ГЭС? Ведь он и ехал сюда за новыми темами и творческими планами? Почему ни разу не побывал в послевоенные годы на Кольском полуострове? И как это ему удалось жить полулегально под Москвой не один год в ежовские времена, когда все и повсюду тщательно просвечивались?

Но пока на этом поставим точку.

«Я - НЕ МЕНЬШЕВИК»

Долгое время для белорусских писателей, историков, документалистов оставался неизвестным мурманский период жизни моего земляка Ивана Михайловича Баранкевича. Меня, белоруса и давнего мурманчанина, попросили помочь в поисках. И я еще раз заглянул в те документы, которыми уже много лет занимаюсь, работая в комиссии по восстановлению прав жертв политических репрессий...

Уголовно-следственное дело шестидесятилетней давности. Все бумаги подшиты, все на месте.

Постановление от 27 сентября 1939 года на арест Баранкевича Ивана Михайловича, с обоснованием оперуполномоченного 2-го отдела УНКВД по Мурманской области. Тот «нашел», что «Баранкевич И.М. сохранил свою меньшевистскую идеологию». В кругу знакомых рассказывал: мы не можем сегодня судить, какую форму примет коммунистическое общество и во что выльется; европейские страны фашизируются, и говорить о победе пролетариата, тем более - мировой революции, преждевременно; Второй Интернационал в Европе - руководящая сила, Третий существенной роли не играет, за ним мало кто идет; но оба будут сметены, образуется единое социал-демократическое движение - Георгий Димитров в докладе на 2-м Конгрессе Коминтерна наметил эти пути; у В. И. Ленина были ошибки в суждениях об империализме...

Оперуполномоченный, хотя явно слабоват в орфографии, судя по протоколу, в политике, похоже, подкован: записать такое и почти не напутать - надо кое-что знать и уметь. Вывод он делает однозначный: подвергнуть злоумышленника-меньшевика обыску и аресту. Его мнение скрепляют подписи двух вышестоящих энкавэдэшников.

Ордер номер 34 на арест от 27.09.1939 года.

Протокол обыска: изъяты паспорт ЛС № 756609, переписка (несколько писем и открыток), две папки (с рукописями и газетными вырезками), записная книжка, пять книг, в том числе о процессе антисоветского троцкистского центра (опер не преминет упомянуть: с карандашными пометками на странице 115 против фамилий Бухарина, Зиновьева и Рыкова).

Анкета. Родился в 1888 году в Быховском уезде Могилевской губернии, белорус. Экономист, литератор, педагог. На момент ареста работал бухгалтером в Мурманской конторе Союзкинопроката. Женат. Жена Эльфрида Иосифовна, учительница, сын Аполлон - 18 лет,

дочери Нонна - 25 лет, Юлия - 16, Сильва - 12, Татьяна - 1 год и 8 месяцев. (Имена написаны неразборчиво, могут быть ошибки.) Член РСДРП с 1903 года, в партии меньшевиков - с 1907-го по 1917-й. В 1906-м арестовывался царскими властями за организацию крестьянского восстания, бежал из-под стражи. В 1917-м служил в Красной Армии в Воронеже. В 1931-м Ленинградским ГПУ выслан на 3 года в Среднюю Азию, освобожден досрочно. В Мурманске проживает по адресу: пр. Сталина, дом 45, квартира 9.

Отпечатки пальцев и в целом кисти руки.

Фотографии в анфас и в профиль...

И, наконец, первый допрос - 28 сентября.

Следователь мягок, почти тактичен.

- Расскажите о вашей трудовой деятельности.

- До 13 лет с родителями жил в деревне... - начинает Иван Михайлович. (Взволнован он или спокоен, определить трудно - записи в протоколе делает следователь. Но вряд ли кто мог ровно дышать при такой резкой перемене потребления кислорода.) - Потом работал на кирпичном заводе в Быхове. Вступил в местную организацию РСДРП. С 1907-го в Петербурге, сотрудничал в журналах, в одном из них был секретарем. С 1912-го снова в Белоруссии, в «Вестнике Могилевского земства». С 1914-го в царской армии. После демобилизации - Петроград: журналы «Резец», «Перелом», «Красная панорама». В 1931-м последовала ссылка в Самарканд. Затем работал в Ташкенте. После возвращения в Ленинграде не смог прописаться, хотя там проживала семья, и отправился в Мурманск. Работал в многотиражных газетах, в школах. В 1937-м был безработным. С весны 1938-го учитель в школе для взрослых.

- Образование? - краток и почти бесстрастен следователь.

Иван Михайлович исповедуется и в этом:

- Два класса сельской школы. Самообразование. Курсы при институте. Можно сказать - незаконченное высшее.

- За что были высланы из Ленинграда?

Уже ближе к делу. Без этого можно было подумать, что беседуют два человека, только что познакомившихся.

- Вначале заподозрили в подпольной меньшевистской деятельности, но вскоре обвинение сняли и приписали статью 58-10, «антисоветская пропаганда». После моего заявления на имя Иосифа Виссарионовича Сталина ссылка прекратилась за год до срока.

Следователь промолчал по поводу слова «приписали», возможно, поостерегся рядом упомянутого имени вождя, но в дальнейшем он будет рьяно защищать ленинградских энкавэшников от «клеветы» Баранкевича.

- Почему ушли от большевиков к меньшевикам?

- Попал под их влияние и полагал, что культуртрегерство является основным в революции. Но в 1917-м, после июльского расстрела в Петрограде, порвал с меньшевиками.

Для следователя слово «культуртрегерство» конечно же неведомо, и записывает он его, как воспринимает. Но продолжает свое дело.

- Имеете ли переписку с заграницей?

(Почти как со Швейком: «С кем имеете связь?» - «Со своей служанкой»). Сеть с мелкой ячеей; следователь надеется выудить «золотую рыбку» - международную законспирированную меньшевистскую организацию. Но Иван Михайлович развенчивает его надежды:

- Связей с заграницей не имел и не имею.

Не вышло с забугорьем, может, что-то внутри страны отловить удастся? Следователь интересуется о близких знакомых в СССР.

- Мало. Переписывался с бывшей ученицей Софьей Дарабкиной - отчества не помню и где она сейчас, не знаю; в Мурманске в приятельских отношениях с художником Николаем Степановичем Зефировым и земляком-учителем Василием Ивановичем Гаврюшкиным.

Допрос длился 3 часа 15 минут, закончился в 23.45 и не дал ничего обвинению. Поэтому следующую «беседу» 1 октября следователь начинает с новой надеждой на успех:

- Расскажите подробнее, почему вы ушли от большевиков к меньшевикам?

- Я уже говорил, что после поражения революции 1905 года попал под сильное влияние видных меньшевиков... - Иван Михайлович называет имена Екатерины Дмитриевны Кусковой, Сергея Николаевича Прокоповича, Ивана Петровича Румянцева и других идеологов, главным образом, экономизма. - Будучи аграрником, изучив опыт крестьянских восстаний в Быховском и Оршанском уездах, я разуверился в революционности крестьянства и пришел к выводу, что в социал-демократическом движении в ближайшее время важнее «малые дела»: кооперация, кассы взаимопомощи и так далее. Особенно привлекала кооперативная теория, которая, как мне казалось, имела большие возможности, и я занялся литературно-журнальной деятельностью по этим проблемам.

Теория следователя занимает мало, ему подавай конкретность.

- Какое участие принимали в борьбе против большевиков после разрыва с ними?

- Дискутировал на маевках и студенческих сходках. Но в печати не выступал. Высказался однажды против в 1907 году, по поводу выборов во 2-ю Госдуму.

- С кем из бывших меньшевиков поддерживали связи после октября 1917 года?

Связи, связи! - может, тут ниточка к заговору?

- Ни с кем. Случались на бытовом уровне в 1918 году в Петрограде с Алексеем Шумовым и Рудольфом Быховским, а в Могилеве два года работал с другом детства Александром Базило. Все.

- Кто такой Димитровский и как с ним познакомились?

- В поезде по пути на отдых в Самарканд в 1938 году. Потом посылками обменялись: он мне сухие фрукты прислал, а я ему копченую рыбу из Мурманска отправил.

Опять нет связей, организации.

- За что вас исключили из Союза крестьянских писателей?

- Выступил против литфронтовцев. Исключили за день до ареста и ссылки.

Следователь пытается воздействовать на чувства:

- Скажите честно, вы сохранили свои меньшевистские убеждения?

- Считаю, что их у меня нет.

- Но следствию известно, что в кругу знакомых вы систематически распространяли контрреволюционные взгляды...

Ивану Михайловичу становится понятно, что беседа «двух умных людей» кончилась, ему не оправдаться и ничего не доказать. Слабый здоровьем - еще до ареста не раз и тяжело болел, - он попросил прервать допрос, который уже длился 3 часа 10 минут, и вызвать тюремного врача.

Десять дней приходил в себя. А следователь не терял времени даром. Допросил свидетелей. Их оказалось всего двое: учитель Аркадий Тимофеевич Веревкин и руководитель драмкружка Георгий Андреевич Тимофеев.

Веревкина Иван Михайлович немного знал, тот еще раньше откатал на него в горком комсомола «телегу», которая начиналась необыкновенно любопытно: «В Мурманске, на проспекте Ленина, 45, в квартире 9 проживает некоторое лицо под фамилией Баранкевич...»

Почти каждое слово вынул Веревкин из своей «телеги» на допросе. Швырнул вдобавок сказанную Баракевичем якобы «крамольную» фразу: «Если фашизм победит в Испании, вопросы революции в Европе отодвинутся». Потом, на очной ставке, выяснится, какой это беспринципный и морально распущенный человек.

С Тимофеевым знаком еще меньше, того, конечно, «уговорили» заявить, что Баракевич меньшевиков называл настоящей рабочей партией, что большевики взяли власть случайно, а учение Ленина для него не революционно, что Горький писатель - ничего себе, а драматург никудышный...

В дело подшиваются заказные статьи из журналов и газет о Баракевиче-меньшевике, антисоветчике, противнике коллективизации, появившиеся уже после его ареста. Истребованная «телега» Веревкина в горкоме комсомола тоже прискрипела сюда.

И вот - протокол об окончании следствия. Без очных ставок. Без упоминания, когда, где, в присутствии кого Баракевич вел антисоветскую пропаганду. Иван Михайлович еще не оправился от болезни и 19 ноября отказался подписывать этот «документ», потребовал медицинское заключение о своем здоровье.

Заключение медиков имеется в деле: тяжело болен - инвалид. Теперь уже не узнать, пытали его или нет. Я не сомневаюсь, что мордовали, потому что ни один упрямец не избежал такой участи. Да и фотографии, хранящиеся в конверте личного дела, разительно отличаются: на сделанных в первый день ареста - одухотворенное лицо писателя, мыслителя, человека творческой профессии; на следующих снимках - зэк, хотя, чувствуется, и не сломленный, но страшно исхудавший, растративший много энергии. И болезнь, охватившая стальным обручем грудь, - оттуда, из подвалов...

Баракевича направляют в Новгород, в психиатрическую тюремную больницу. Там «конференция» (консилиум) врачей признает его... совершенно здоровым и - не нуждающимся в лечении. Жестокая несправедливость окончательно выбивает Ивана Михайловича из колеи, как рассохшуюся телегу, и он совершает... побег. Пойман, снова в камере-палате. Из Новгорода в Мурманск летит секретной почтой бумага: заберите своего арестанта-пациента.

19 октября 1940 года возобновляются допросы. Можно представить, каково было выдерживать их изможденному, изуродованному морально и физически человеку. Но мозг его работает еще четко.

- Когда порвали связь с меньшевиками?
- Я уже отвечал на этот вопрос.
- С кем из меньшевиков были знакомы?
- Знал почти всех видных деятелей этого движения, особенно из газеты «Товарищ», журнала «Современный мир», издательства «Знание».

Ни одной фамилии!

- С кем из журналистов-меньшевиков были конкретно связаны?

На этот вопрос Баракевич отвечать отказывается.

Следующий допрос - 28 ноября.

- Вы обвиняйтесь в контрреволюционной агитации...

- После 1917 года ни в какой агитации не участвовал.

- Вели пропаганду среди свои знакомых.

Баракевич переходит в наступление:

- Укажите - когда, где, в присутствии кого.

- Свидетель Веревкин утверждает - восхваляли Второй Интернационал.

- Так он действительно пользовался авторитетом.

В ответ на отказ предоставить очную ставку с Веревкиным не подписал протокол.

Наконец, 29 ноября очная ставка. Как она проходила, по протоколу не определить, здесь только прежние показания Веревкина и Тимофеева. Но рядом подшита четвертушка листа - акт: Баракевич во время очной ставки «оскорблял» Веревкина, утверждал, что его «дело» придумали авантюристы, и от подписи вновь, в который раз, отказался. Позднее в одном документе Иван Михайлович добавил: ему не дали возможности задать ни единого вопроса ни Веревкину, ни Тимофееву.

Допросы идут почти ежедневно, с нарушением всяких норм. Например, 27 ноября начинается словесная пытка в 0.50 и заканчивается в 2 часа 5 минут ночи. Но пожилой, измордованный человек не отступает от своих убеждений, не хитрит и не ловчit, чтобы облегчить свою участь.

- Чем коллективизировать село с такими ужасающими искривлениями, не лучше ли совсем было не делать этого?

- Да, участвовал в съезде бывших меньшевиков в Гомеле в 1925 году, но ведь - бывших! Речь там не шла о воскрешении умершей партии.

Иногда даже шутит:

- Не состоял я ни в какой ни подпольной, ни в надпольной организации...

Бараневич просит предоставить ему Процессуальный кодекс, чтобы самому защищать свои права, пригласить в качестве свидетеля защиты художника Зефирова. Думаю, что Николай Степанович Зефиров понимал, чем рисковал, но порядочность ему не изменила - он пришел к следователю НКВД и камня на камне не оставил от показаний Веревкина и Тимофеева.

И тем не менее обвинительное заключение смастерили. Вот его основные моменты, почти дословные:

- в 1907-1917 годах входил в партию меньшевиков;
- в 1925 году выступал на съезде бывших меньшевиков в Гомеле;
- как член Союза крестьянских писателей проявлял народническо-кулацкую идеологию;
- выступал против коллективизации;
- восхвалял меньшевиков;
- вел антисоветскую пропаганду среди заключенных (!) в тюрьме;
- в собственноручных показаниях изложил враждебные Советской власти взгляды.

Я прочитал эти собственноручные показания. В камере ему не позволяли держать перо и бумагу, писал он мелким почерком школьным пером типа «рондо», окуная его в чернильницу, на обеих сторонах листа в кабинете следователя много дней. Набралось 44 страницы (в перепечатке на машинке - 66). Это уникальный документ. Если его удастся когда-либо вызволить из архива, можно опубликовать как повесть, как крик души не виновного ни в чем и не сломленного ничем человека, как «Репортаж с петлей на шее» чеха Юлиуса Фучика.

Дело направляется в Особое совещание (ОСО) НКВД в Москву. Сомневаюсь, что вместе с ним уходили в советскую столицу и собственноручные показания. Если бы их там кто-то прочитал, то Бараневич не остался бы за решеткой ни единого дня. Но 28 мая 1941 года ему заочно определили 8 лет лагерей (со снисхождением-зачетом со дня ареста, то есть с 28 сентября 1939 года). 1 год и 8 месяцев он уже отбыл...

В лагере пробыл чуть больше года, умер в Карагандинской области 27 июня 1942 года. В деле есть справка «оттуда». Сообщение надо проверять - хорошо известно, что на тысячи убитых заключенных составлялись липовые справки о смерти по болезни.

Хочу не первый раз отдать должное нынешним чекистам Мурманской области. Проверяли заново дела шестидесятилетней давности они

удивительно внимательно. Следователям Баранкевича дали убийственную характеристику и сделали вывод, что вина Ивана Михайловича Баранкевича абсолютно ничем не доказана. Под этим документом стоят подписи следователя, начальника следственного отделения и тогдашнего начальника управления КГБ по Мурманской области Г. В. Пипия (он, кстати, был консультантом сериала «Семнадцать мгновений весны»).

Мурманский областной суд 28 октября 1982 года поставил последнюю точку в этом деле - полностью реабилитировал Баранкевича Ивана Михайловича как не совершившего тех преступлений, которые ему приписали ретивые дознаватели.

* * *

Думаю, этот строго документальный рассказ восполнит долгое время отсутствовавшую страницу из книги-судьбы белорусского писателя.

И - д о б а л ю: еще 304 жителя Беларуси репрессированы в 30-е годы в Мурманской области. С судьбой каждого из них, как и Баранкевича Ивана Михайловича, я тоже соприкоснулся - благодаря документам. Не просто пережить трагические судьбы, хотя и неизвестных людей и на расстоянии. Оттого, наверно, и сердце пошаливает.

ЛАГЕРНАЯ КНИГА

1

На лестничной площадке одного из домов на улице Братьев Васильевых, отыскав нужную квартиру, я не сразу нажал кнопку звонка. Оставалось до назначенного времени около четырех минут - хотелось быть точным, а заодно привести свои мысли в порядок. Я шел к ленинградцу, писателю, которому полвека назад удалось вырваться с Соловков.

Никто еще не создал поименного списка литераторов, прошедших страшные лагеря в 1923-1939 годах или оставшихся в островных безымянных могилах. В моем перечне, просмотренном и дополненном Дмитрием Сергеевичем Лихачевым и работниками Государственного архива Карелии, более двухсот фамилий. Но то лишь малая часть талантов - поэтов, писателей, журналистов, которых удалось вырвать из забвения.

На Соловецкой земле, где я незадолго до того побывал, казалось, камни и деревья, леса и озера - у стен Кремля и на Секирной горе, на Анзере и Заячьих островах, в ритм ожившим колоколам называли их имена. Андрей Бабюк, Анна Баркова, Борис Вахтин, Марк Вороный, Алексей Гастев, Михаил Дорошин, Мир-Якуб Дулатов, Юрий Казарновский, Владимир Кемецкий, Антон Крушельницкий, Михаил Кулиш, Николай Литвин, Валериан Пидлюгильный, Валериан Полищук... Русские, украинцы, белорусы, казахи, удмурты... Одних этапы приводили на далекие острова уже известными читающим людям, другие лишь за дубовыми дверями монастырских келий пробовали перо. Иные, выжив, глубоко загоняли внутрь себя унижения и обиды и молчали о пережитом. Некоторые вырывались за рубеж, писали там. Мы презирали их, не прочитав ни строчки, и только в конце восьмидесятых - начале девяностых годов начинали понимать, что не так уж они были не правы - вместе с другой зарубежной литературой пробивались на родину со своими «крамольными» произведениями бывшие соловецкие узники. Быть может, возьмем когда-нибудь в руки и трехтомник Михаила Розанова «Соловецкий концлагерь в монастыре», который с конца семидесятых годов читала Америка, и книгу А. С. Мальсагова «Остров крови и смерти», повергшую в смятение Лондон еще в 1926 году, как познакомились уже с повестями «Соловецкие фактории» того

же Розанова, «Соловецкие острова» - Геннадия Андреева (Хомякова), «Неугасимая лампада» Бориса Ширяева. Возвращаются из забытья наши внутренние эмигранты - стихи Владимира Кемецкого, Василия Мыски, Александра Панкратова, Олекса Слисаренко, проза Олега Волкова, некогда изданные и потом запрещенные.

К одному из бывших соловчан я и шел - к Анатолию Ефимовичу Горелову.

2

Подвижный, торопкий, Горелов у двери опережает жену, протягивает руку, не спешит убирать ее назад, вглядывается в лицо. Не верится, что ему уже 86 лет.

Устраиваемся в гостиной. Рабочий кабинет писателя остается таинством, неприкасаемым для непосвященных: все там имеет смысл и не должно нарушать установленного хозяином порядка. Вспоминаем Хибины.

- В 1932-м я оказался там со многими ленинградцами и москвичами, - вспоминает мой собеседник. - Работал в газете с Львом Ошаниным. Молодыми были, горячими. Палатки в холода - ни почем. Высланным, раскулаченным больше доставалось, их из вагонов прямо на снег выгружали...

Горелов напрягается, начинает запинаться, будто не хватает ему воздуха.

- Ему нельзя долго говорить, - объясняет Роза Рафаиловна. - Все пережитое сказалось. Я буду помогать - знаю каждую страницу его жизни, даже тех месяцев и лет, когда мы оказывались насильно оторванными друг от друга.

Член Союза писателей СССР со дня его основания, участник первого - горьковского - съезда, Горелов становится одним из руководителей ленинградских литераторов. О громадном доверии к нему можно судить по тому, что в то время в городе на Неве, как, впрочем, и в любое другое, были могучие творческие силы, достаточно вспомнить Константина Федина, Ольгу Форш.

- Как оказалась ваша семья в оппозиции советскому строю? - пытаюсь я приблизиться к главной теме нашего разговора.

- Ни в какой оппозиции мы никогда не состояли, - голос Розы Рафаиловны становится резким, хлестким. Она подозрительно-жестко косится на меня. Ситуацию разряжает Горелов.

- Доносы сгубили. Валили, как из канализации: кто на комнату зарился, кто на должность. Арестовали меня 11 марта 1937 года...

- Были мы в гостях у моих родителей, - снова вплетается в ткань беседы голос Розы Рафаиловны. - Возвращаемся - машина у подъезда. Чего бы ради? Но спокойно поднялись по лестнице. Стали открывать дверь, а к нам несколько серьезных мужчин: «Горелов?» - «Горелов». - «Пройдемте в квартиру, вот ордер на обыск и арест». - Обыскали все. Многое забрали. Книг больше всего жалко - библиотеку мы любовно подбирали. Комнаты опечатали. Анатолия Ефимовича увезли, а я, не чувствуя под собой ног, кинулась в райком. Секретарь угрюмо бросил: «Разберутся». Через два месяца он же мне сообщил, что Горелову дали десять лет, и отпивал меня после обморока. Потом и его арестовали. Мы не знали тогда, что приказ об аресте одного из руководителей ленинградских писателей отдал Ежов, а Маленков начертал на нем своей рукой: «Согласовано с ЦК».

- Анатолий Ефимович, - спрашиваю, - вы, наверно, один из немногих, если не единственный из литераторов, прошедших лагеря, кто не написал об этом?

- Как не написал? - снова начинает волноваться и заикаться Горелов.
- А в «Звезде» в 1989 году?

Читал я тот документальный рассказ, «Сосед по камере» называется. Он поразил меня. Написанный человеком более чем пожилым, почти немощным, рассказ вобрал в себя невероятно много мыслей и чувств. Соседом по камере в ту мартовскую ночь, с воскресенья на понедельник, оказался у Горелова старый большевик Николай Кузьмич Беляков, член партии с 1907 года, удивительной судьбы человек. Тверской крестьянин, питерский рабочий-металлист, в первую мировую - полный Георгиевский кавалер и редактор «Солдатской правды», в гражданскую - командующий армией в Нижнем Поволжье, член советской делегации на брест-литовских переговорах с немцами; после смерти Свердлова называл его Ленин в числе претендентов на пост председателя ВЦИКа. «Если вы допустите, - говорил он Горелову, - что вы попали в советское учреждение и вас допрашивает следователь-коммунист, то вы дур-р-ак!.. Он замучает вас, постарается сломать. На то он и наемный убийца, чтобы глумиться над большевиками, проворонившими время контрреволюции...»

Писатель Горелов эти слова Белякова приводит в рассказе как цитату, ручаясь за их точность, хотя делать записи в то время у него

не имелось возможности. Выручала феноменальная память: он никогда не записывал телефоны, все нужные номера помнил наизусть.

Вел дело Горелова следователь Петр Георгиевич Смирнов. Когда после войны еще раз вознамерятся отправить Горелова на отсидку, появится другой следователь, Байгородин. Превосходная память поможет Горелову сопоставить поступки обоих энкавэдэшников и прийти к выводу, что уравнивали их, несмотря на более чем десятилетний разрыв во времени, независимость от нравственных обязательств, глумление над естественными для нормального человека понятиями - добротой, честью, совестью, правдой, справедливостью.

Беляков разъяснял Горелову, что в стране репрессированы в первую очередь известные люди, пользовавшиеся уважением Ленина, проверенные в подполье, в царских тюрьмах. Что реальная власть переместилась к карательным органам - ни один секретарь обкома не чувствует себя уверенным; Ленин лишь терпел необходимость ВЧК и дождался возможности урезать ее функции. Только смерть помешала ему и в партии навести порядок, подчинить партаппарат коммунистам.

Ни до, ни после Горелов не встречал человека, который бы устанавливал такую крепкую логическую, почти философскую связь явлений и событий. Все, что происходило потом, он проверял Беляковым: как бы тот расценил, как поступил, как повел себя...

3

Розу Рафаиловну выслали из Ленинграда спустя три месяца. Накануне вызвали в милицию.

- Ваш муж участвовал в убийстве Кирова!
- Что вы такое говорите?
- Чтобы через двое суток ноги в Ленинграде не было!

Документы оформляли в спешке, и она сумела оставить у своих родителей двухлетнего сына, который тоже числился ссылочным.

По указу Берия о высылке родственников арестованных ленинградцев набрали целый эшелон жен «врагов народа».

- Когда я добралась до Емца в Архангельской области, - продолжала свой рассказ Роза Рафаиловна, - в местном НКВД пустили слух, что я жена Тухачевского. Других пыток не требовалось, даже ребятишки проходу не давали. А потом еще слушок: мы - не мы, а высланные ленинградские проститутки. Ни в одну избу не пускали, после нас

улицу подметали, жили в шалашах, без работы, без еды. Вечерами, пытаясь согреться на холодной и сырой земле, я мучительно выбирала профессию сыну, чтобы оградить его от бед, постигших нас, - от политики. Инженер - много общается с людьми; писатель - боже сохрани, одного на семью хватит; врач - вон сколько их по лагерям да по пересылкам. Как-то осенило: к нам на канал Грибоедова приходил трубочист, за спиной - ведерко с метелкой, буркнет что-то - и на крышу. Вот она, профессия для сына! Что еще честному человеку надо? В ту ночь стылая земля показалась теплее, и я забылась почти нормальным человеческим сном.

Колонию женщин-ссыльных составляли в основном труженицы ленинградских предприятий и организаций. Многие нешибко грамотные, и я часто писала за них заявления и другие бумаги. Как-то сидит передо мной такая вот бедолага, про мужа рассказывает. Не пил, не бил, за что арестован - не знает. Дали, как и многим, десять лет. Профессия? Трубочист в ЖЭКе... Что такое?! Я не ослышалась? «Профессию повторите, пожалуйста!» - почти кричу. - «Трубочист в ЖЭКе», - не понимая моего срыва, моргает та. Я осознала каждой клеточкой своего существа, что жизнь моя зашла в тупик, выхода из которого нет, и решила свести с ней счеты. В таких условиях только слабый остается, сильный - уходит. Пошла к реке, ступила в воду. Один шаг, другой. Не холодно и не страшно, все чувства атрофировались. И тут будто молния пронзила: что подумает, когда вырастет, сын? Смалодушничала? Бросила? Я поняла, что ошибаюсь: сильный - борется с невзгодами, слабый - уходит. Надо жить, во что бы то ни стало бороться за себя, за Анатолия Ефимовича, за сына. Я же молодая, тридцатилетняя женщина!..

Пошла к коменданту: «Вы обязаны дать мне работу». - «Я ничем вам не обязан». - «Вы должны дать мне работу». - Не устоял он перед моей решимостью, направил в лесосплавную контору. Вскоре деревенские стали приглашать меня жить к себе - увидели, как могу работать.

Дикая, неуютная жизнь стала чуть-чуть налаживаться. Но этой семье суждено было еще немало испить из горькой чаши.

По новому указу Берия об аресте жен репрессированных, Розу Рафайловну тоже взяли под стражу. Добродушный следователь предложил самой выбрать обвинение: антисоветская агитация или вредительство в морском судостроении, где она трудилась последнее время. Выбрала агитацию и получила за нее пять лет лагерей.

Горелов в то время на Соловках начал отсчитывать десятилетний срок. Но друзья, несмотря на опасности, хлопотали за него. И ленинградское правосудие затребовало его к себе. Было очевидно, что вины за ним никакой нет, но и выпускать на волю «врага народа» просто так как-то ни к чему. Пошли на компромисс, разделили срок поровну: одну часть скостили, а другую оставили за Гореловым. И отправили в лагерь.

Спасибо, как говорится, и на этом.

А Роза Рафаиловна попала в лагерь, который строил железную дорогу от старинного северного города Вельска на Воркуту. Мимо отделения в Айкино, где она работала, шли этапы на северо-восток. Каким-то подсознательным, внутренним чувством она верила, что ее муж пройдет в одной из таких колонн. Конечно, это было маловероятно, дорог в лагеря стелилось множество, но она верила.

До чего же был потрясен Горелов, когда после выгрузки из трюма парохода на пристани увидел надпись: «Айкино». Он понял, что находится в том месте, где и его жена. Как дать знать о себе? Собрал несколько лоскутков от папиросных мундштуков. В них уместил слова: «Р. Р. Гореловой. Анатолий здесь».

Бумажки разбрасывал по дороге, и тысячи ног затаптывали их в песок. Еще этап прошел мимо Айкино. Один из зэков, работавший вместе с Розой Рафаиловной, увидел торчавшую из песка бумажку и тут же передал ее по назначению.

Роза Рафаиловна приложила много усилий, чтобы задержать Горелова на территории лагеря. Этап уже был далеко, но с помощью друзей и добрых людей из начальства Анатолия Ефимовича оставили на одном из отдаленных лагпунктов.

Роза Рафаиловна работала старшим экономистом и заместителем начальника финчасти, имела пропуск на разные лагпункты. Стала эпизодически встречаться с мужем. Прежде всего, она старалась убедить его держаться, крепиться, чтобы не сломался, выстоял. Люди творческие очень хрупки: сильные, могучие в мире высоких помыслов, они беззащитны перед житейскими невзгодами.

Но он уже освоился, ушел в двойную работу: днем исправно выполнял обязанности прораба, а вечером, ночью устраивался в укромном уголке и на обороте использованных бланков, накладных писал рассказы о русских писателях. Под рукой не имелось ни единого справочного издания. Негде и не у кого было что-то уточнить. Все извлекал из глубинных тайников своей памяти - гигантскую, непосильную рабо-

ту выполнял его мозг. Но это была и его броня: глубокое погружение в себя прикрывало душу и тело от обид, мук и унижений. Одно тревожило - попадают ли разрозненные листки на волю, порядочный ли человек вохровец, взявшийся их выносить, или такой же негодяй, как и другие. Когда узнал, что все доходит в Москву к сестре, стал работать еще неистовее.

Дни, месяцы складывались в годы. Тридцать восьмой, тридцать девятый, сороковой, сорок первый... В войну сжались, сгорбились, взвалив на плечи больше, чем могли выдержать, даже за колючей проволокой старались помогать Родине.

В сорок втором кончался срок. Но в войну из лагерей не выпускали (этих людей стали называть пересидчиками), и ничего в жизни Горелова не изменилось. Спасала, отвлекала от тяжелых дум по-прежнему литература, в ней он находил утешение и отраду.

- На этой почве временами у нас даже портились отношения с Анатолием Ефимовичем, - припоминает Роза Рафаиловна. - Я ему про последние события, а он мне - про Пушкина. Я про что-нибудь другое, а он - про Бунина: «Если не буду писать, забуду русскую литературу».

Выйдя после войны из лагеря, Горелов первым делом помчался в Москву сдавать книгу. Он рисковал, не полагалось с 58-й статьей бывать в столице, мог схлопотать новый срок (статья 39 о нарушении режима). Когда принес диковинную рукопись из тысяч разноцветных бумажных лоскутков, сбежались посмотреть на нее все, кто был на месте.

Роза Рафаиловна еще находилась на Севере. Ее тоже выпустили, но «закрепили» за лагерем, держали на привязи, на поводке...

Вскоре снова, по прежним обвинениям, стали арестовывать ранее осужденных по знаменитой статье. В сорок девятом дошла очередь до Горелова. «Повторника» взяли в Вычегодском, где в то время находилась жена. К тому времени издательство уже подготовило книгу Горелова «Подвиг русской литературы» объемом более четырехсот страниц. Давно разошлись четвертое и пятое ее издания, а я держал в руках то, первое, с волнением раскрывал страницы, пытаясь представить, как они рождались из клочков бумаги, исписанных карандашом...

Определили на этот раз Горелову бессрочную ссылку в Красноярский край. Оказался, правда, на самом его юге. Что оставалось делать писателю? Жить. Горелов взвалил на себя обязанности зоотехника, хотя раньше не работал в сельском хозяйстве. Пытливый, острый ум,

ЛАГЕРНАЯ КНИГА

невероятная работоспособность помогли ему быстро разобраться в основах нового дела, и он скоро вывел хозяйство в передовые в районе, а потом и в обширном крае. Недавнего зэка, ссыльного, выдвинули даже на ВДНХ. Но поехали, конечно, другие.

Освободили Горелова только после смерти Сталина. Роза Рафайловна окончательно рассчиталась с ГУЛАГом в 1955 году - через 12 лет после срока.

У Горелова одна за другой выходят книги: «Тропою совести», «Гроза над соловьевым садом». Его занимают судьбы русских литераторов, им он посвятил «Очерки о русских писателях», «Три судьбы» (Бунин, Сухово-Кобылин, Тютчев) и другие книги.

... Я покидал дом у киностудии «Ленфильм» со смешанным чувством: величайшего уважения к этим людям, к их трудолюбию, стойкости, выдержке, любви друг к другу и интеллигентности. И с обидой на страну, на людей: как же не бережем мы таланты, не потому ли трясет и лихорадит нас годами и десятилетиями, что так долго унижали и губили данное богом, природой?..

Не могу не добавить, что сын Гореловых вырос достойным человеком. Выбрал профессию, которую некогда в ссылке отвергла для него мать - стал врачом, и его ценят коллеги, любят пациенты.

Творческие профессии - с людьми, на людях (время другое!) - избрали внука и внучка - врач и искусствовед.

В предисловии к «Соседу по камере» в журнале «Звезда» о Горелове было сказано: «Творческий путь писателя... его биография похожи на вымысел - трудно поверить, что вопреки обстоятельствам человек может именно так жить на протяжении десятилетий».

Может, оказывается.

СУДЬБА ГЕРОЯ

Любопытно перелистывать подшивки старых газет. Не только окунешься в другую эпоху, пропитываешься иным духом, но и обязательно натолкнешься на что-то удивительное.

В «Полярной правде» 1928 года, за 16 февраля, прочитал, что работнику Мурманского депо Михаилу Иосифовичу Станкевичу 1 мая 1922 года присвоено звание Героя Труда. Вот тебе раз! Еще до образования Союза ССР, звание Героя Социалистического Труда было установлено лишь в 1938 году.

Перелистал последующие газеты, но о Станкевиче ни строчки - как будто такие звания присваивались ежедневно.

Стал смотреть другие издания. И в одном из номеров газеты «Комсомолец Заполярья», уже куда более позднего выпуска, отыскал несколько строчек о коллективе, в котором трудился Станкевич, и о нем самом. Он поступил в паровозные мастерские железнодорожной станции Мурманск в 1898 году, а в 1915-м, перешел в депо. Жил на Ручьевой. Учил будущих машинистов паровоза.

Корреспондент отыскал нескольких его воспитанников, беседовал с ними. Они не подвели своего учителя. Павел Андревич Кузьмин стал инициатором движения тяжеловесных поездов на Мурманской железной дороге, почетным железнодорожником. Иван Иванович Мартынов руководил экипажем восстановительного поезда. Михаил Михайлович Арзамасцев тоже стал почетным железнодорожником. Они тепло отзывались о своем учителе, но дальнейшей его судьбы никто не знал.

Газета обращалась с просьбой откликнуться тех, кто знал Станкевича. Я пролистал подшивку от апреля, когда была помещена эта информация, до конца года, но продолжения темы там не последовало. Лишь мельком проскользнуло, что Станкевич в тридцатые годы был репрессирован.

Вот оно что.

Тогда журналисту не под силу было проникнуть в архивы, поинтересоваться, за что и как человек пострадал. Теперь дело другое, и я внимательно листаю уголовно-следственное дело № 46066 по обвинению Станкевича Михаила Иосифовича.

Родился он 6 сентября 1875 года в городе Горки Могилевской губернии, белорус, образование низшее. В Мурманске с 1915 года (в «Полярной правде» сказано - с 1898-го), приехал на строительство желез-

ной дороги. Затем работал техником вагонного депо станции Мурманск. Проживал не на Ручьевой, как отмечено в молодежной газете, а в доме номер 6 по Горному проезду.

Обыскан и арестован в соответствии с ордером № 35567 по статье 58 тогдашнего Уголовного кодекса, пункты 7 «подрыв экономики страны в контрреволюционных целях» и 10 «антисоветская пропаганда и агитация, направленные на свержение, подрыв или ослабление Советской власти». Наказание по этим пунктам - вплоть до расстрела или лишения гражданства и высылки из страны.

Прежде чем предъявить конкретные обвинения, следователь стремится убедить себя и свое начальство, какой Станкевич поганый человек: происхождение - из дворян, следовательно, даже не попутчик, а враг; до революции в Могилеве служил чиновником в земельном управлении, то есть прежнему режиму; во время оккупации Мурманска интервентами оставался в городе, возможно, даже помогал врагу; в Новгороде имеет три каменных дома...

В депо отвечал за котлонадзор, и там чего не натворил. Обслуживал технику преступно-небрежно: предохранительные клапаны не запломбировал, осмотр манометров просрочил, котлы давно не промывал, книги учета состояния приборов вел небрежно...

В недалекие наши времена за такие «производственные упущения» с работы вряд ли уволили бы, а тут - уголовное дело.

Но самое поразительное, что через несколько допросов собственной рукой Михаил Иосифович напишет, по сути, смертный приговор самому себе: «...будучи изобличен во лжи, я вынужден признать, что... сознательно довел последнее (котловое хозяйство. - С. Д.) до положения прямой угрозы взрывов котлов... Сознательно не промывал котлы, не проверял манометры».

Конечно же это писалось под диктовку, потому что нормальный человек не скажет по собственной воле о себе «будучи изобличен», даже если и собирается в чем-то признаться. Потому что в будничной жизни эти слова витают где-то далеко от него, он их не слышит и не ощущает их леденящего дыхания; возможно, он и видел где-либо такое словосочетание, но отложилось оно в таком неактивном словарном запаснике, что вытащить их можно было только особыми усилиями.

Но и котлы с манометрами - еще не все.

«Был связан с врагом народа Белевичем». Кто такой Белевич и как Станкевич был с ним связан, в деле ни слова.

«Рассказывал анекдоты на бытовые и антисоветские темы». А это, делает следователь вывод, контрреволюционная пропаганда. Найдись сегодня такие следователи, половину населения страны пересажали бы за анекдоты.

«Враждебно относился к национальным меньшинствам». Следователь не поясняет, в чем выражалась эта враждебность, скорее всего, это те же анекдоты, только про евреев, армян, чукчей, которые мы и сегодня с упоением рассказываем друг другу, добавляя при этом еще веселые побасенки про «новых русских» и «новых нерусских».

Свидетель Евгений Николаевич Бирюков слово в слово повторяет текст обвинений, сочиняемых следователем, будто сам и произнести ничего не может: «Станкевич говорил, что Советская власть не обеспечивает обещанного, что в СССР продолжается эксплуатация, что выборы в Верховный Совет - комедия; высказывал также террористические намерения...»

Другой свидетель, Гурий Валентинович Тихонов: «Станкевич не интересуется текущей политикой, политически неблагонадежен».

Нельзя не заметить, что в начале допросов арестант расписывается на каждой странице «своих» показаний, а в последующем - только на первой, да и подпись его становится не похожей на прежние - какой-то незамысловатый крючок.

Ни разу не сказано в протоколах допроса, где, когда, перед кем, в какое время вел Станкевич антисоветскую пропаганду, кому рассказывал злокозненные анекдоты. Нет ни единого акта о нарушении правил эксплуатации котлового хозяйства. Тем не менее 15 января 1938 года подписывается обвинительное заключение, куда переносятся все названные выше домыслы. Дело направляется в Особую тройку УНКВД по Ленинградской области. Там 20 марта выносится приговор...

Жена Станкевича Анна Константиновна ничего не знает о судьбе мужа с момента его ареста. Не ведает о том, что ее мужа давно уже нет в живых, его расстреляли еще 9 апреля 1938 года. И пишет письма, заявления в местное и Ленинградское управления НКВД. Молчание. После обращения к наркому внутренних дел Лаврентию Берия ее вызывают (23 мая 1939 года) в управление НКВД по Мурманской области и сообщают, что Михаил Иосифович приговорен к десяти годам заключения «без права переписки». Анна Константиновна обращается к Сталину. Наконец, ржавый маховик сделал первые обороты.

Из прокуратуры Кировской железной дороги, которая располагалась в Петрозаводске, сообщили, что начата проверка дела.

Транспортная прокуратура приводит убедительные доводы: показания обвиняемого и свидетелей неконкретны, противоречивы, бездоказательны. Станкевич никакой не дворянин, его отец был огородником при учебной сельхозферме в городе Горки, а мать - мещанка. Из Новгорода подшивается в дело документ о том, что никаких домов в этом городе Станкевич не имел и не имеет. Характеристики с места работы только положительные. Его хвалил лично даже Анастас Микоян.

Прокуратура передопрашивает свидетелей. Они говорят прямо противоположное тому, что записано в протоколах допросов.

- Почему вы тогда говорили одно, а сегодня - другое? - спрашивает прокурор у Евгения Николаевича Бирюкова.

- Я ничего не говорил. Следователь положил лист бумаги и потребовал подписать. Я не прочитал в нем ни строчки.

Прекрасно характеризовали своего товарища Андрей Андреевич Кузьмин, Арсений Титович Смоляк, Гурий Валентинович Тихонов и другие, около десяти человек.

Но... удивительно! - транспортная прокуратура сделала совершенно неожиданный вывод: Станкевич Михаил Иосифович осужден... обоснованно (?!). Мотив один - обвиняемый признавался в своих «преступлениях»...

Сегодня мы хорошо знаем, как добывались такие признания. •

Суть, видимо, в другом. Прокуроры, скорее всего, видели, в отличие от жены Станкевича, вклеенный листок с размашистой подписью небезызвестного старшего лейтенанта госбезопасности Поликарпова, коменданта Ленинградского управления НКВД со словами о том, что приговор приведен в исполнение (он расстрелял тысячи людей и позднее сам прихлопнул себя, предварительно обвязав голову полотенцем, чтобы ее содержимое не очень разлетелось по комнате). Или, по крайней мере, точно знали, что случилось со Станкевичем. Признать, что человек убит безосновательно, и они не посмели, и для стражей закона это было смерти подобно. Поэтому безопаснее и спокойнее подтвердить решение Особой тройки. Тем более что изменить что-либо в судьбе человека было уже невозможно.

Но не это меня больше всего поразило в деле № 46066. Сфабрикованных дел начитался я немало. Обескуражило, потрясло, что ни на

одной странице следственных и прокурорских бумаг ни разу не произвучало, что Станкевич Михаил Иосифович - Герой Труда, один из первых, если не самый первый, на Мурмане.

Что же за люди у нас правили бал, которым было наплевать на все заслуги человека?

К сожалению, сегодня многое из прошлого возвращается. Я не имею в виду репрессии. Где наши Герои Труда, которыми мы еще совсем недавно гордились, не голодно ли и холодно они живут - не скажет сегодня никто. На вершины власти и признания поднимаются совсем другие люди.

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

В несколько коротких строчек мурманской Книги памяти жертв политических репрессий вместилась судьба этого человека. «Кузнецов-Кашин Павел Иванович, 1918, д. Таrasово Вельского района Архангельской области, русский. Журналист; г. Мурманск, ул. Перовской, д. 36, кв. 10. Арестован 9.10.1950, ст. 58-1а-10 УК. Осужден 3.03.1951 Военным трибуналом войск МВД Мурманской области, 25 лет ИТЛ. Реабилитирован 16.04.1990 Верховным судом РСФСР».

Книга давно уже на руках у многих людей, в целом дает представление о несправедливостях 30-х годов. Пришло время вникнуть в каждое имя - понять, осознать, почему такое происходило в любом конкретном случае. Что запихивало невиновных людей за колючую проволоку? Ведь за спиной каждого из 6604 занесенных в Книгу памяти жителей области не маячили непосредственно Иосиф Виссарионович Сталин и Николай Иванович Ежов - над ними нависала тень кого-то из более близкого собственного окружения.

В опубликованной в одном из февральских номеров «Полярки» статье «Как Ленина в Мурманске судили» рассказывалось, как трудолюбивого и старательного парня «заложил» родной трудовой коллектив: за невольно допущенный производственный брак его сообща и дружно признали вредителем. От такого ярлыка до ареста тропинка оказалась узкой и короткой. К чести тогдашней фемиды, она разобралась в сути дела и отметила, что оно основано на обычательских разговорах и предположениях третьих лиц, и освободила «вредителя» в зале суда.

Что же с Кузнецовым-Кашиным стряслось?

Статьи Уголовного кодекса более чем серьезны. 58-1а «измена Родине: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу». Высшая мера наказания с конфискацией всего имущества. 58-10 «антисоветская пропаганда»...

Ордер на его арест выдал прокурор 1 сентября 1950 года. В ту же ночь, с 23.30 до часу ночи, в квартире сделали обыск. Изъяли при аресте медали «За оборону Советского Заполярья», «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Награды были заслуженными. Павел Иванович воевал, с 1942 по 1944 год командовал взводом в гаубичном артиллерийском полку на Кестеньгском и Мурманском направлениях, затем на других

фронтах. Отобрали трудовую книжку, два бланка анкеты для получения паспорта моряка - чистый и заполненный образец. Обнаружили в квартире 16 старообрядческих икон, гравюру на бронзе, 2 церковные книги «на славянском языке» (на старославянском, конечно) в кожаном переплете. Но их не стали изымать, так как принадлежали жене Фаине Павловне.

Следователь не разбирался, в силу своей невысокой грамотности, в прародительском языке. Зато дотошно описал портрет арестованного: рост низкий, волосы темно-русые, глаза голубые, лицо круглое, нос прямой, губы толстые, заметил татуировки: на левой руке - якорь, на правой - голову женщины.

Обстоятельно изложил его биографию, не забывая отметить негативное. Окончил в 1934 году Вельский лесной техникум, получил специальность техника сплава леса. Но обосновался не на водах, а в районной газете «Вельский лесоруб»: корректором, литературным сотрудником, редактором. В ноябре 1936-го осужден за хулиганство (поколотил прямо в цехе пьяного печатника, сорвавшего выпуск газеты). Через два года возвратился в редакцию. С начала войны - комиссар рабочего батальона, строившего оборонительные укрепления под Кандалакшей. С 1942-го в армии. Начал рядовым. В Кировске закончил школу младших лейтенантов. С 1947-го в Мурманском радиокомитете. Замещал даже председателя. Затем газета железнодорожников «Заполярный гудок», и с 1949-го до самого ареста - начальник Мурманского областного архива, входившего тогда непосредственно в систему МВД. С 1940 года в партии. За кордон не путешествовал. Жена Фаина Павловна, 1916 года рождения, из Грязовецкого района Вологодской области, русская, кочегар в ДУ-8 Мурманска. Двухлетний сын Валентин.

Следователь не упустил возможности поинтересоваться, откуда фамилия, как у Миклухо-Маклая или Немировича-Данченко. Арестант объяснил, как было: при регистрации брака к своей «Кашин» впереди приставил фамилию жены, не возбранялось, и получилось красивое литературное имя, которое ожидало талантливых произведений, чтобы покрасоваться над ними.

И вот - обвинение, малолитературное - без образных выражений и красивых слов. Процитируем часть его дословно. «Антисоветски настроен, в связи с чем имеет намерение изменить Родине - эмигрировать в Америку. С этой целью принимал практические действия, пытался

устроиться на пароход загранплавания «Сталинабад», с которого за границей имел в виду уйти и не возвратиться в Советский Союз. По прибытии в Америку имеет намерение заняться литературной деятельностью, в частности, написать книгу под заголовком «Своими глазами». Кроме того, намерен выступать по радио «Голос Америки». Свои изменнические настроения пытался внушить окружающим его лицам и склонял их к совместному переходу за границу».

Через несколько дней, после первых допросов, добавлено: «Намеревался для буржуазных издательств писать очерки, рассказы, публицистические статьи и брошюры антисоветского направления с извращением в них советской действительности».

Как-то все это не вязалось с прошлой жизнью Кузнецова-Кашина: русский человек, не из бывших мироедов, участник войны - и вдруг без пяти минут перебежчик. Но в протоколах допросов, даже самых первых, следуют признания. Такое редко бывало. Обычно, даже оглушенные несправедливостью, люди долго ни в чем не признавались, так как не знали и не чувствовали за собой вины. Только после долгих и умелых, по известным методам, допросов соглашались со всем. А тут вдруг сразу и во всем. Кое-что разъяснил сам Павел Иванович на первом же заседании суда. Там он смело и решительно заявил:

«Я отказываюсь от своих показаний, данных мной на предварительном следствии, ибо такие записи со слов свидетелей и приписаны мне». И не отступал от этого до конца. Даже адвокат, осторожничавший не без оснований в ходе процесса, проникся отвагой подзащитного и потребовал убрать из дела статью 58-1а, то есть измену Родине, оставить только антисоветскую пропаганду. Но ничто не помогло.

Как же стало известно о намерениях будущего перебежчика? Да просто. Он страдал недостатком, который и сегодня считают достоинством многие, - любил выпить, а потом - поболтать, прихвастинуть. Однажды по пьянке потерял паспорт и сберкнижку, в другой раз очнулся в больнице. В один из вечеров у него в гостях оказались коллеги-журналисты из двух мурманских газет, один был с женой, да заглянула молодая симпатичная соседка. Кутили долго, основательно.

Не хмелевшая жена гостя-журналиста давно косилась краем глаза на чистый бланк анкеты для получения паспорта моряка, лежавший на окне, и, наконец, не выдержала:

- В моря, никак, намерился?

- Да, а оттуда, понимаешь, махну на чужие берега... У нас - что за жизнь, а там сколько платят - знаешь?..

Тут бы ему прикрыть рот, но в стаканы все наливали, и он уже не мог остановить поток своего красноречия. Его слушатели с патриотическим ужасом узнавали, что Кузнецов-Кашин давненько публикуется в иностранных газетах (хотя ни в одной ни строчки никогда не появлялось), что уже получал из-за границы переводы в долларах, что статьи его подписывают там псевдонимами Бельгин, Славский и прочими-прочими...

Похмельным утром обнаружил, что один бланк анкеты исчез, но полагал, что тот завался среди бумаг. Встретился с ним потом только у следователя.

Доноса коллег и выкраденного бланка оказалось достаточно, чтобы упечь человека на 25 лет. Конечно, напрашаются наивные вопросы. Разве следователь и судьи не знали, что чистый бланк анкеты - не преступление. Чтобы получить паспорт моряка, нужно очень многое: справки, характеристики, «компетентные органы» собирают и подошлют разноцветные бумажки с ответами из тех мест, где жил и работал - по каждому пункту в трудовой книжке. Проверят все поступившие сообщения от своих людей. Тем более, бланки не были крадеными, их выдавали в отделе кадров одного из флотов, что подтвердили на суде.

Никто не объяснял и не пытался, почему в приговоре страной обетованной, куда намеревался смыться перебежчик, называлась уже не Америка, а Англия.

Нам не понять логику тех дней. Как не поймут и нас будущие поколения - почему мы с такой легкостью разрушили государство, которое создавали отцы, деды и прадеды столетиями, почему потеряли Балтийское и Черное море, Крым и Кавказ, почему девять русских областей отдали Казахстану. Почему с серединой 90-х годов великая страна не поступательно идет вперед, а пятится в угоду Западу назад...

Суд не только отмерил Кузнецову-Кашину «на полную катушку», но и лишил его воинского звания «лейтенант», орденов и медалей, гражданских прав еще на пять лет после отбытия наказания. Участвовать в выборах он мог только ближе к горбачевским временам, пропуская в лагерях эпохи Маленкова, Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко. Отбывал наказание наш коллега в ИТЛ на станции Оленья, затем в Зашейке, потом в Каргопольлаге.

Но судьба к нему была милостивой. После смерти И. В. Сталина забрезжил рассвет. 3 февраля 1954 года он пишет жалобу Г. М. Маленкову, тогдашнему главе Советского правительства. Здесь он уже

ПОСЛЕДНЯЯ ЖЕРТВА

не осторожничает, говоря, почему подписывал признательные показания. Их добивались водворением в штрафной изолятор. Когда жаловался прокурору, тот неизменно отвечал одинаково: «Признавайся, и пытать перестанут». Жалобы в вышестоящие инстанции не пересыпались.

6 февраля пишет в Военную коллегию Верховного суда РСФСР: шантажом, измором добивались от него признаний. Дает грамотную характеристику тогдашнему суду: по его мнению, тот, «потеряв свою самостоятельность, обусловленную Конституцией СССР, оказался исполнителем не воли Закона, а воли нарушителей законов».

21 марта еще одно послание, на этот раз Прокурору СССР. Многое здесь повторяется, но одна фраза примечательна: «Вряд ли у нас остались еще такие леса, где нет колючей проволоки».

Юристы из прокуратур Архангельской области, Северного военно-гого округа, которые занимались пересмотром дела Кузнецова-Кашина, разыскали всех, кто писал на него доносы, и снова попросили их лично изложить на бумаге коварные замыслы изменника родины. Как разнятся те, 1950 года, и эти строчки одних и тех же людей. Там - убийственные характеристики, здесь «не помню», «мне показалось», «помнилось», «вряд ли у него были замыслы бежать за границу», «по пьянке все мы любим болтать».

Любопытно, что в адрес этих людей не сделано, по крайней мере письменно, никаких замечаний. Возможно, потому, что они полагали, что таким образом выполняют свой долг.

А Кузнецова-Кашина Павла Ивановича, как и тысячи других граждан бывшего нашего Союза, пострадавших ни за что, сначала освободили из заключения, а потом и реабилитировали.

И следы его потерялись. Вроде бы он подался в Днепродзержинск на Украину, потом мелькнул в белорусском городе Солигорске. Любопытно было бы самого его послушать обо всей этой истории.

Но и без его рассказа ясен еще один источник тех наших бед - доносы коллег и товарищей по работе.

ТРОЙКА

Выносили суровые приговоры северянам внесудебные Тройки НКВД ленинградские и мурманские, Северного флота и войск НКВД на Кольском полуострове и всякие другие. Но, соприкасаясь с документами тех лет, нельзя было не ужасаться Тройкой НКВД Карелии: что ни приговор, то ВМН - высшая мера наказания. В то время Кандалакша и прилегающие территории относились к этой республике. На реке Ниве строились электростанции, начали возводить алюминиевый завод, и Тройки методично расправлялись с «врагами» и здесь.

По должности в Тройку НКВД Карелии, как и любой другой области или республики, входили начальник НКВД, первый секретарь обкома и прокурор. Но кто конкретно? Что это были за люди? Откуда они? Какова их судьба? Я попросил карельских мемориальцев помочь мне разобраться в этом, и они постепенно собрали и передали целое «досье». А недавно получил книгу бывшего полковника милиции Ивана Ивановича Чухина «Карелия - 37...» (к сожалению, автор уже не увидел ее), в которой тоже нашел немало интересовавшего меня. И вот что выяснилось.

В Карелии с 7 августа 1937 года действовала Тройка НКВД, а с 17 сентября 1938 года - Особая тройка для срочного рассмотрения материалов и завершения дел. Если на первом заседании рассматривались преступления уголовников - воров, бандитов, грабителей, то уже со второго Тройка занималась практически только «антисоветским элементом».

Обвиняемые при рассмотрении их дел не присутствовали, большей частью даже не знали, когда, где, кем и как предрешена их судьба. Тройки иногда присуждали к ВМН людей и не арестованных.

Карелия получила «лимит» на репрессирование по первой категории (расстрел) 2800 человек плюс 800 по Беломорканалу. Но там старались, и реальные цифры едва ли не в три раза выше: 7721 человек приговорен к ВМН.

НКВД СССР приказал прекратить работу Троек с 15 апреля 1938 года, а в Карелии после этого провели еще четыре заседания и сотни людей отправили на тот свет, последнее - 10 ноября 1938 года. Всего в республике Тройка, судя по протоколам, заседала 46 раз и рассмотрела 8428 дел, - в среднем около 185 дел за один присест. Ни один суд в мире никогда не достигал подобной массовости.

В основном шла борьба с финским, немецким, польским, английским, латвийским, эстонским, шведским, японским, турецким и французским шпионажем.

В Кандалакшском районе репрессировали 417 человек. Главный удар карательной десницы почувствовали строители Нивских ГЭС, в основном, бывшие крестьяне, выселенные сюда из разных мест в ходе коллективизации. Только в поселке Нивастрой арестовали 220 человек. На втором месте по масштабам - Кандалакша. Там взяли (вместе с красноармейцами дислоцировавшегося 54-го артиллерийского полка и 120-го стрелкового батальона) 11 человек. В Черной Речке и Ковде обнаружили контрреволюционные группы одинаковой численности - по 20 человек. Более 90 процентов арестованных расстреляны.

Мы говорим, что в случившемся виновата система. Ну, а люди, которые творили зло на местах? Они что - безвольные, бездумные, беспомощные, бессильные? Ничего не могли сделать против? Или не хотели? Эти мысли меня давно занимают, и я пытаюсь разобраться в своих публикациях, какова роль трудовых коллективов в таких делах («Как Ленина в Мурманске судили») и товарищей по службе, которые доносили на своих коллег («Последняя жертва»). Многие ломались на первых же допросах, но были и стойкие люди, мне приходилось писать о них - художнике Бекряшеве («Художники из Красноборска»), писателе Баракевиче («Я - не меньшевик»).

И вот теперь непосредственно о тех, кто отправлял людей на смерть.

Возглавлял Тройку и председательствовал на первых ее 28-ми заседаниях Карл Яковлевич Тенисон, майор госбезопасности, нарком НКВД Карелии. Он родился в 1897 году в Латвии, «ходил в школу три зимы», как писал в автобиографии. В годы первой мировой - на фронте, рядовой латышского стрелкового полка. Тиф, ранение. С 1918-го большевик. Попадает в военную разведку и ведет нелегальную работу в Латвии. Поднимается по чекистской лестнице: начальник агентуры погранчасти, контрразведывательного отдела, оперсектора. С 1934-го возглавляет милицию Белоруссии. Затем некоторое время работал в Сибири, и, наконец, Карелия. Его подписи стоят под приговорами более чем четырем тысячам репрессированных.

В январе 1938-го Карла Яковlevича вызывают в Москву и направляют на хозяйственную работу. В то время у советских властей уже пропало доверие к бывшим латышским стрелкам. 28 апреля - арест.

В тот же день собственноручно написал признание о работе в латвийской охранке. Вскоре признался и в контрреволюционной деятельности в Карелии. (Его еще обвиняли в том же и по Белоруссии.) Суда не дождался, 10 сентября 1938 года умер в больнице Бутырской тюрьмы «при явлениях сердечной недостаточности».

Прокуратура СССР в 1956 году сняла с Тенисона обвинения в измене Родине и контрреволюционной деятельности, но в остальном не реабилитировала.

Его сменил 12 февраля 1938 года на посту наркома Карелии (и руководителя Тройки, разумеется) украинец полковник Степан Тарасович Матузенко. Родился в 1900 году в семье церковного псаломщика. Окончил церковно-приходскую школу и два класса духовного училища. Прибавив года, ушел на первую мировую войну. Был ранен, тяжело болел. В Киеве, занятом войсками гетмана Скоропадского, пошел писарем в хозчасть его армии. Воевал в составе Красной Армии, попал в плен к врангелевцам. Затем становится секретным осведомителем ЧК. Заканчивает пограничную школу, служит в Средней Азии, в Ленинграде. В 1937-м принимает Ораниенбаумский погранотряд.

В Карелии начал с чистки рядов НКВД. Руководил Тройкой с 36-го по 46-е заседание и все время Особой тройкой, которые сообща репрессировали около 5 тысяч человек. Избирался депутатом Верховных Советов РСФСР и Карелии. Но и это не помогло ему. 28 декабря 1938 года арест, затем этапирование в Москву, Лубянка. Почти полгода не признавал своей вины, кроме сокрытия социального происхождения, службы у гетмана и нахождения в плену у врангелевцев. Затем сознался во всем, в чем обвиняли, даже в шпионаже в пользу английской разведки. Однако перед Военной коллегией Верховного суда категорически отказался от показаний на следствии. Но ему не поверили и расстреляли.

Вторым членом Тройки с 1-го по 10-е заседание был Михаил Николаевич Никольский, секретарь Карельского обкома ВКП(б).

Родился в 1902 году в Петровском районе республики. По образованию учитель. Служил в армии, затем на партийной работе - секретарь райкома, горкома, второй секретарь обкома. Его подписи под протоколами о репрессиях более тысячи человек. Дальнейшая судьба - та же: арест, обвинения в измене Родине, подготовке вооруженного восстания, терроризме. В день суда 18 мая 1938 года расстрелян.

Никольского сменил 26 сентября 1937 года на посту первого секретаря и в Тройке Николай Иванович Иванов. Он 1896 года рождения, из Подмосковья. Окончил церковно-приходское училище и два курса комвуза. Был комиссаром продотряда, затем на партработе в Средней Азии, Рязани, Ленинграде. Подписывал документы Тройки с 16-го по 42-е заседание, которые репрессировали около 6 тысяч человек. Вместе с Тенисоном и Матузенко требовал у Москвы дополнительных лимитов на ВМН. В июне 1938-го неожиданно снят и отзван в Москву, дальнейшая судьба неизвестна.

После Иванова парторганизацию Карелии возглавил 32-летний ленинградский выдвиженец Геннадий Николаевич Куприянов. У него не много было знаний и опыта (три года комвуза и два года партработы). С 28 июня 1938 года Куприянов вошел в Тройку, а затем и в Особую тройку, при нем по их решениям репрессировали более 2300 человек. Находился на этом посту около 12 лет, в том числе все годы Великой Отечественной войны. Однако в январе 1950 года его неожиданно снимают, а 17 марта арестовывают по «Ленинградскому делу». Предъявлялись ему обвинения и личного плана: приписки, нескромность, распущенность, пьянство, изготовление за госсчет собственных портретов и скульптур. На следствии Геннадий Николаевич назвал 37 «троцкистов» республики, в том числе Юрия Владимировича Андропова. 16 января 1952 года его приговорили к 25 годам лишения свободы. Сидеть бы ему долго, но последовавшие события (смерть И. В. Сталина, хрущевская «оттепель») помогли: в 1954 срок снизили до 10 лет, а в 1956 и вовсе помиловали со снятием судимости.

Пережил всех наркомов и партийных представителей в Тройках прокурор республики Георгий Степанович Михайлович. Это одна из самых таинственных фигур. Карельским мемориальцам в местных архивах даже его биографических данных отыскать не удалось, кроме того, что он 1890 года рождения, образование имел низшее, ленинградский выдвиженец. Не оказалось и его анкеты депутата Верховного Совета республики 1938 года. Но известно, что его главным девизом в работе было стремление «доводить штирих недоверия до конца». В 1939-м и он снят с должности и убыл из республики, дальнейшая судьба его неизвестна.

Вот эти люди и вершили дела в Тройках.

Ни одного жителя Кандалакши и района, осужденного ими, в том числе на смертную казнь, они и в глаза не видели.

По приговорам Тройки НКВД Карелии непосредственно в Кандалакше были расстреляны: 19 октября 1937 года - 39 человек, 20 октября - 11 (исполнитель Кузнецов), 6 октября 1938 года - 17, 17 октября - 5 (исполнители Коновалов, Быстров). (Хорошо бы местным краеведам отыскать эти места.) Других арестованных вывозили в Карелию и там приводили в исполнение приговоры Троек.

Какими бы горькими ни были страницы истории, вырывать их из книги жизни недопустимо. Мы должны все знать и о Тройках.

СИСТЕМА ИТЛ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

БЕЛОМОРСКО-БАЛТИЙСКИЙ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ
(Белбалтлаг, ББЛ), организован 16.11.1931 на базе Соловецкого ИТЛ. Дислоцировался в Медвежьегорске и Надвоицах. Кроме обеспечения работ на Беломорско-Балтийском водном пути, строил объекты и в Мурманской области: Нижнетуломскую ГЭС, Мончегорский никелевый комбинат и железнодорожную ветку от станции Оленья к будущему городу Мончегорску. Действовал Беломорско-Балтийский райком ВКП(б), издавалась газета «Сталинская трасса». Предполагалось заселить прилегающие к каналу территории трудпоселенцами, вести разведку и добывать полезных ископаемых, строить канал Кандалакша-Мурманск. В разное время было занято до 100 тыс. заключенных. Закрыт 18.09.1941 в связи с начавшейся Великой Отечественной войной.

БЕЛОРЕЧЕНСКИЙ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ, организован 3.08.1951. Располагался на станции Апатиты Мурманской области. Предназначался для строительства Кировского химического завода и г. Кировска, выполнения дорожно-строительных, погрузочно-разгрузочных, сельскохозяйственных и мелиоративных работ, а также работ в песчаных и каменных карьерах. Наибольшая численность заключенных - 6127 человек (1.01.1953). 29.04.1953 в состав лагеря включен ИТЛ комбината «Апатит». Начальники: Полтава В. И., Кухтиков А. Д., Самоходов К. Ф., Ижик И. В. Закрыт 20.07.1953.

ЗАИМАНДРОВСКИЙ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ (Заимандровское строительство и ИТЛ, Заимандровлаг), организован 17.10.1940. Располагался на станции Оленья Кировской железной дороги. Предназначался для строительства Заимандровского (Оленегорского) железного рудника. Первая партия заключенных прибыла 6.02.1941. Наибольшая численность заключенных - 1349 человек (1.07.1941). Начальник - Баканович (имя, отчество неизвестны). Датой закрытия считается 28.06.1941 (в связи с начавшейся Великой Отечественной войной), однако до 15.08.1941 проводились оборонные работы, лишь затем началась окончательная консервация.

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ И АЛЛУАЙВСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО (Аллуайвстрой). Действовал с 26.04.1941. Располагался в пос. Ильма Ловозерского района. Лагерь предназначался для строительства Аллуайвского феррониобиевого комбината. Точная численность заключенных неизвестна. Закрыт 28.06.1941 в связи с начавшейся Великой Отечественной войной. К 1.07.1941 эвакуировано 2 тыс. человек, 24.09.1941 последние 157 переданы на строительство другого объекта.

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ И ЕНСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО, организован 23.12.1940. Располагался в пос. Ковдор (ныне город) Мурманской

СИСТЕМА ИТЛ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

области. Предназначался для строительства горнорудных предприятий на Енском месторождении железных руд, разработки карьеров, лесозаготовок, деревообработки, производства кирпича и т. д. Наибольшая численность заключенных - 1228 человек (15.06.1941). Начальник - Люблин С. Н. Закрыт 28.06.1941 в связи с начавшейся Великой Отечественной войной.

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ И СТРОИТЕЛЬСТВО-105, организован 19.01.1940. Располагался на станции Кандалакша, затем в пос. Алакуртти. Предназначался для строительства железнодорожной линии Ручьи Карельские - Алакуртти, Куолоярви (железнодорожной линии № 105). Наибольшая численность заключенных - 58 198 (май 1940). Начальники: Афанасьев Г. Д., Орловский И.И. Закрыт 30.01.1941 (реорганизован в ИТЛ и Строительство-106).

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ И СТРОИТЕЛЬСТВО-106, организован 30.01.1941 на базе ИТЛ и Строительства-105. Располагался на станции Пинозеро Кировской железной дороги. Предназначался для строительства железнодорожной линии к Енскому месторождению (железнодорожная линия № 106 ст. Пинозеро - Уполокиша - Ковдорово), достройки железнодорожной линии № 105. Наибольшая численность заключенных - 34 702 (1.02.1941). Начальник - Орловский И. И. Закрыт 28.06.1941 в связи с начавшейся Великой Отечественной войной.

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ И СТРОИТЕЛЬСТВО-509, организован 25.08.1951. Располагался на станциях Апатиты, Титан, в районе г. Кировска. Предназначался для строительства железной дороги Апатиты-Кейвы-Поной (с ответвлением к бухте Иоканьга) и железной дороги Умбозеро-Лесной, лесозаготовок, деревообработки, производства стройматериалов, сооружения военно-морских баз в бухтах Поной и Иоканьга. Первые 500 заключенных прибыли из Печорлага. Наибольшая численность - 4856 человек (1.01.1953). Начальники: Мельник И. Г., Свиридов А. С., Ефимов Н. Л. Относительно небольшая численность заключенных на значительной по протяженности стройке объясняется тем, что большинство работ выполнялось военно-строительными частями. В 1951 г. там имелось уже 5 батальонов ВСЧ, к 1952 г. должны были прибыть еще четыре. Закрыт 29.04.1953 (передан в состав Белореченского ИТЛ, одновременно туда передан ИТЛ комбината «Апатит»).

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ И СТРОИТЕЛЬСТВО-511, организован 24.04.1951. Располагался в организационный период в Мурманске, затем в пос. Мурмаши. Предназначался для строительства железной дороги Кица-Печенга-Линахамари, железнодорожной ветки широкой колеи к аэродромам BBC Северного флота Килпъяvr и Луостари (8-10 км каждая), строительных и дорожных, земляных и карьерных работ, лесозаготовок. Начальники: Цвелодуб Б. И., Сретенский А. С. Относительно небольшая численность заключенных - наибольшая 5318 человек на 1.01.1953 - объяснялась тем, что строительство северного участка железной дороги, примыкающего к государственной границе с Норвегией, от перехода через реку Западная Лица до Линахамари осуществлялось силами 5 военно-строительных батальонов. Закрыт 29.04.1953 (передан в отдел исправительно-трудовых колоний Мурманской области).

СИСТЕМА ИТЛ НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ КОМБИНАТА «АПАТИТ» (Управление исправительно-трудовых лагерей и комбината «Апатит»; Исправительно-трудовой лагерь и Строительство комбината «Апатит»; Исправительно-трудовой лагерь при строительстве комбината «Апатит»), организован 27.05.1950 на базе ИТК-6. Располагался в г. Кировске. Предназначался для обслуживания комбината «Апатит»: добычи апатита на руднике им. С. М. Кирова, строительства Юкспоррского рудника, туннелей в Кукисумчорре и Юкспориоке, кирпичного завода комбината на станции Шонгуй, лесозаготовок в районах станций Лоухи и Энгозеро в Карелии. Наибольшая численность заключенных - 10 436 человек (1.01.1952). Начальники в разное время: Драбкин Е. И., Селезнев М. И., Васин К. Д., Кухтиков А. Д., Самоходов К. Ф. Закрыт (включен в Белореченский) 29.04.1953.

КАНДАЛАКШСКИЙ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ (ИТЛ и Строительство Кандалакшского алюминиевого завода, Кандалакшстрой), организован 15.11.1940 (выделен из Мончегорлага). Предназначался для строительства Кандалакшского алюминиевого завода, алюминиевого завода по производству термическим способом, Кольского глиноземного завода и Нивских ГЭС. Наибольшая численность заключенных - 14 001 человек (15.06.1941). Начальник - Бойков И.П. Закрыт 28.06.1941 в связи с начавшейся Великой Отечественной войной.

КОЛЬСКИЙ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ И СТРОИТЕЛЬСТВО-33 (Кольлаг, Управление Кольского ИТЛ и колоний УНКВД по Мурманской области), организован 3.10.1939 во исполнение постановления СНК СССР от 20.07.1939. Располагался в Мурманске. Предназначался для «особого железнодорожного строительства в районе Кольского полуострова, Зеленого Мыса и губы Ваенга», объектов 41 и 65 в Мурманской области. Наибольшая численность заключенных - 7679 человек (1.07.1940). Начальник - Гаврилов В. В. Закрыт (передан в ведение Строительства-106 и ИТЛ) 7.02.1941.

МОНЧЕГОРСКИЙ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ И СТРОИТЕЛЬСТВО КОМБИНАТА «СЕВЕРОНИКЕЛЬ», организован 14.01.1940. Располагался на станции Оленья Мурманской области (п/я 276). Предназначался для строительства Мончегорского никелевого комбината и Кандалакшского алюминиевого завода. Наибольшая численность заключенных - 14 375 человек (1.01.1941). Начальник - Царевский М. М. Архивы уничтожены.

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

СААМЫ, КОМИ, НЕНЦЫ

АНТОНОВ Анатолий Федорович, 1918, с. Семиостровье Ловозерского района Мурманской области, саам. Колхоз «Арик», колхозник; с. Варзино Мурманской области. Арестован 29.05.38, ст. 58-10-11 УК. Осужден 10.10.38 Особым совещанием при НКВД СССР, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 4.10.58 Военным трибуналом Северного военного округа.

АНТОНОВ Федор Терентьевич, 1884, с. Семиостровье Ловозерского района Мурманской области, саам. Понойский оленесовхоз, оленевод; с. Каневка Ловозерского района Мурманской области. Арестован 27.04.38, ст. 58-6-10-11 УК. Осужден 8.07.40 Мурманским областным судом, 5 лет ИТЛ. Реабилитирован 26.02.90 Верховным судом РСФСР.

АНУФРИЕВ Илья Михайлович, 1910, с. Ловозero Мурманской области, коми. Оленеводческий колхоз, пастух; с. Краснощелье Ловозерского района Мурманской области. Арестован 28.04.39, ст. 58-10 УК. Осужден 2.09.40 Особым совещанием при НКВД СССР, 8 лет ИТЛ. Реабилитирован 27.04.89 Прокуратурой Мурманской области.

АНУФРИЕВ Михаил Васильевич, 1893, д. Диюр Печорского района Республики Коми, коми. Колхоз «Тундра», финотдел, заведующий; с. Ловозero Мурманской области. Арестован 8.05.38, ст. 17-58, 58-8-10-11 УК. Осужден 13.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 21.11.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 15.01.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

АРТИЕВ Александр Иванович, 1881, с. Чальмны-Варрэ Ловозерского района Мурманской области, коми. Умбский лесокомбинат, рабочий; с. Чальмны-Варрэ Ловозерского района Мурманской области. Арестован 8.04.33, ст. 58-7-10 УК. Осужден 26.05.33 Тройкой постоянного представительства ОГПУ Ленинградского военного округа, 3 года ссылки. Реабилитирован 2.12.57 Мурманским областным судом.

АРТИЕВ Александр Иванович, 1882, Печорский район Республики Коми, коми. Без определенных занятий; с. Чальмны-Варрэ Ловозерского района Мурманской области. Арестован 16.03.38, ст. 58-2-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой НКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 22.10.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

АРТИЕВ Викентий Иванович, 1887, д. Мохча Печорского района Республики Коми, коми. Крестьянин-единоличник; с. Ловозero Мурманской области. Арес-

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

тован 10.03.38, ст. 19, 58-2-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Особым совещанием при НКВД СССР, ВМН. Расстрелян 22.10.38. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

АРТИЕВ Иван Иванович, 1881, с. Усть-Цильма Республики Коми, коми. Колхоз «Красная тундра», столяр; с. Чальмны-Варрэ Ловозерского района Мурманской области. Арестован 12.04.30, ст. 58-10-11 УК. Дело прекращено 28.06.30 Мурманским окружным отделом ОГПУ, освобожден. Повторно арестован 13.03.38, ст. 19, 58-2-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД Ленинградского военного округа, ВМН. Расстрелян 22.10.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

АРТИЕВ Федор Иванович, 1894, с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области, коми. Оленевод-единоличник; с. Чальмны-Варрэ Ловозерского района Мурманской области. Арестован 10.04.30, ст. 58-10-11 УК. Дело прекращено 28.06.30 Мурманским окружным отделом ОГПУ, освобожден.

АРТИЕВ Федор Платонович, 1903, с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области, коми. Оленевод-единоличник; с. Краснощелье Ловозерского района Мурманской области. Арестован 28.07.41, ст. 58-10 УК. Дело прекращено 6.10.41 УНКВД по Мурманской области, освобожден.

АРХИПОВ Игнатий Архипович, 1894, станция Хибины Кировской железной дороги, саам. Хибинская судоверфь, плотник; пос. Экостров Кировского района Мурманской области. Арестован 4.04.34, ст. 58-6 УК. Дело прекращено 19.04.34 Мурманским окружным отделом ОГПУ, освобожден. Повторно арестован 1.10.37, ст. 58-6-10-11 УК. Осужден 17.01.38 Комиссией НКВД и Прокурора СССР, ВМН. Расстрелян 24.01.38. Реабилитирован 6.10.59 Военным трибуналом Северного военного округа.

АРХИПОВ Леонтий Клементьевич, 1887, с. Имандра Кировского района Мурманской области, саам. Зашейковский лесокомбинат, рыбак рыболовецкой бригады; г. Мончегорск Мурманской области, пос. Монча, дом. лесокомбината. Арестован 6.07.41, ст. 58-6 УК. Дело прекращено 13.08.41 УНКВД по Мурманской области, освобожден.

БАРХАТОВ Иван Семенович, 1905, пос. Зашиек Кировского района Мурманской области, саам. Оленевод-единоличник; пос. Зашиек Кировского района Мурманской области. Арестован 1.08.37, ст. 58-1а-10-11 УК. Осужден 17.10.37 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 21.10.37. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 11.09.58 Военным трибуналом Северного военного округа.

БАРХАТОВ Федор Ильич, 1907, станция Пулозеро Кировской железной дороги, саам. Колхоз «Красное Пулозеро», оленевод; с. Пулозеро Кольского района Мурманской области. Арестован 1.07.40, ст. 58-10 УК. Осужден 19.08.40 Особым совещанием при НКВД СССР, 5 лет ИТЛ. Реабилитирован 21.04.89 Прокуратурой Мурманской области.

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

БОГДАНОВ Василий Михайлович, 1884, г. Ухта Республики Коми, коми. Кустарь-сапожник; пос. Лапландия Кольского района Мурманской области. Арестован 8.06.40, ст. 58-10 УК. Осужден 2.09.40 Особым совещанием при НКВД СССР, 5 лет ИТЛ. Реабилитирован 23.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

ВАЛЕЕВ Степан Феоктистович, 1898, пос. Канин Печорского района Республики Коми, ненец. Оленеводческий совхоз, оленевод; с. Каневка Саамского (Ловозерского) района Мурманской области. Арестован 18.03.38, ст. 58-10 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

ГАЛТИН Андрей Романович, 1889, д. Малая Волоковая Печенгского района Мурманской области, саам. Колхоз «Рая Каластая», рыбак; с. Озерко Полярного района Мурманской области. Арестован 5.08.37, ст. 58-1а-6 УК. Осужден 19.09.37 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 21.09.37. Реабилитирован 21.04.89 Прокуратурой Мурманской области.

ГЕРАСИМОВ Александр Григорьевич, 1912, с. Рестикиент Кольского района Мурманской области, саам. Ловозерская средняя школа, учитель; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 30.03.38, ст. 58-2-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

ГЕРАСИМОВ Андриан Иванович, 1907, с. Рестикиент Кольского района Мурманской области, саам. Кольское охотничье хозяйство Лензаготпушнини, заведующий; г. Мурманск, ул. Восстания, д. 12. Арестован 27.03.38, ст. 58-2-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

ГЕРАСИМОВ Егор Филиппович, 1909, с. Рестикиент Кольского района Мурманской области, саам. Колхоз «Восмус», плотник; с. Восмус Кольского района Мурманской области. Арестован 5.06.40, ст. 58-10 УК. Осужден 19.08.40 Особым совещанием при НКВД СССР, 5 лет ИТЛ. Реабилитирован 12.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

ГЕРАСИМОВ Ипат Федотович, 1887, с. Рестикиент Кольского района Мурманской области, саам. Колхоз «Нотозерский», оленевод; д. Падун Кольского района Мурманской области. Арестован 28.03.38, ст. 58-6-11 УК. Осужден 20.07.38 Комиссией НКВД и Прокурора СССР, ВМН. Расстрелян 28.07.38. Реабилитирован 20.03.61 Военным трибуналом Ленинградского военного округа.

ГЕРАСИМОВ Макар Михайлович, 1909, с. Нотозеро Кольского района Мурманской области, саам. Колхоз «Юркино», оленевод; д. Юркино Кольского района Мурманской области. Арестован 26.02.38, ст. 58-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 12.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

ГЕРАСИМОВ Никон Петрович, 1910, с. Рестикиент Кольского района Мурманской области, саам. Ловозерский райисполком, заведующий сектором

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

кадров; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 10.03.38, ст. 58-6-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 22.10.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

ГЕРАСИМОВ Сергей Савватеевич, 1887, с. Рестикиент Кольского района Мурманской области, саам. Единоличное хозяйство, рыбак; с. Рестикиент Кольского района Мурманской области. Арестован 16.12.37, ст. 58-6 УК. Осужден 17.01.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 27.01.38. Реабилитирован 18.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

ГЕРАСИМОВА Акулина Петровна, 1883, с. Колгозеро Кольского района Мурманской области, саамка. Колхоз «Восмус», колхозница; с. Восмус Кольского района Мурманской области. Арестована 5.06.34, ст. 58-10 УК. Осуждена 19.08.40 Особым совещанием при НКВД СССР, 5 лет ИТЛ. Реабилитирована 26.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

ГЛУХИХ Дмитрий Самсонович, 1910, пос. Гирвас-Озеро Кировского района Мурманской области, саам. Рыбак-охотник; пос. Гирвас-Озеро Кировского района Мурманской области. Арестован 25.06.38, ст. 58-6 УК. Осужден 10.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 21.11.38. Место захоронения - г. Мурманск. Реабилитирован 28.04.89 Прокуратурой Мурманской области.

ГЛУХИХ Михаил Семенович, 1916, пос. Гирвас-Озеро Кировского района Мурманской области, саам. Рыбак-оленевод, единоличник; пос. Гирвас-Озеро Кировского района Мурманской области. Арестован 26.06.38, ст. 58-6-10 УК. Осужден 3.11.38 Тройкой УНКВД по Мурманской области, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 27.02.39 УНКВД по Мурманской области.

ДМИТРИЕВ Семен Павлович, 1891, погост Кильдинский Кольского района Мурманской области, саам. Крестьянин-оленевод; с. Воронье Ловозерского района Мурманской области. Арестован 25.02.38, ст. 58-2-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 22.10.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

ДРУЖЕНКОВ Иван Андреевич, 1901, с. Поной Саамского (Ловозерского) района Мурманской области, саам. Колхоз «Север», рыбак-колхозник; с. Поной Ловозерского района Мурманской области. Арестован 18.03.38, ст. 19-58-2-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

ЗАХАРОВ Александр Васильевич, 1876, с. Семиостровье Ловозерского района Мурманской области, саам. Колхоз «Арсйок», оленевод-рыбак; с. Варзино Саамского (Ловозерского) района Мурманской области. Арестован 5.09.37, ст. 58-10 УК. Осужден 19.10.37 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 22.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

ЗАХАРОВ Алексей Матвеевич, 1882, с. Варзино Саамского (Ловозерского) района Мурманской области, саам. Колхоз «Арсйок», рыбак; с. Варзино Саамского (Ловозерского) района Мурманской области. Арестован 24.09.37, ст. 58-10 УК. Осужден 15.12.37 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 26.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

ЗАХАРОВ Антон Прокопьевич, 1897, с. Воронье Ловозерского района Мурманской области, саам. Колхоз «Доброволец», оленевод; с. Воронье Ловозерского района Мурманской области. Арестован 30.04.33, ст. 58-7 УК. Дело прекращено 10.09.33 Мурманским окружным отделом ОГПУ, освобожден.

ЗАХАРОВ Константин Петрович, 1914, с. Семиостровье Ловозерского района Мурманской области, саам. Пастух-оленевод; с. Семиостровье Ловозерского района Мурманской области. Арестован 20.04.33, ст. 58-7 УК. Дело прекращено 10.09.33 Мурманским окружным отделом ОГПУ, освобожден.

ЗАХАРОВ Моисей Андреевич, 1897, с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области, саам. Пастух-оленевод; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 24.04.33, ст. 58-7 УК. Дело прекращено 10.09.33 Мурманским окружным отделом ОГПУ, освобожден.

ЗАХАРОВ Федор Егорович, 1904, с. Семиостровье Ловозерского района Мурманской области, саам. Колхоз «Арсйок», председатель; с. Варзино Саамского (Ловозерского) района Мурманской области. Арестован 4.09.38, ст. 58-10 УК. Осужден 3.06.40 Особым совещанием при НКВД СССР, 5 лет ИТЛ. Реабилитирован 4.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

КАНЕВ Гаврил Гавrilovich, 1902, с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области, коми. Колхоз «Тундра», завхоз; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 18.05.38, ст. 58-2-10-11 УК. Осужден 18.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 21.11.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 15.01.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

КАНЕВ Григорий Гавrilovich, 1889, с. Голово Республики Коми, коми. Колхоз «Тундра», оленевод; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 8.03.38, ст. 58-2-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 22.10.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

КАНЕВ Евгений Васильевич, 1887, с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области, коми. Колхоз «Тундра», оленевод; с. Ловозеро Мурманской области. Арестован 8.03.38, ст. 58-2-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

КАНЕВ Егор Васильевич, 1887, с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области, коми. Оленевод-колхозник; с. Чальмны-Варрэ (Ивановка) Ловозерского района Мурманской области. Арестован 16.03.38, ст. 19, 58-2-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

КАНЕВ Яков Николаевич, 1891, д. Баюр Печорского района Республики Коми, коми. Понойский оленеводческий совхоз, оленевод; с. Каневка Саамского (Ловозерского) района Мурманской области. Арестован 18.03.38, ст. 58-10 УК. Дело прекращено 15.06.39 Верховным судом РСФСР, оправдан.

КАЮКОВ Сергей Никанорович, 1886, с. Кандалакша Кандалакшского района Мурманской области, коми. Колхоз им. Сталина, рыбак; г. Кандалакша Мурманской области. Арестован 6.04.38, ст. 58-2-7-10 УК. Осужден 14.04.38 Тройкой НКВД Карелии, ВМН. Расстрелян 8.05.38. Реабилитирован 15.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

КИПРИЯНОВ Аким Иванович, 1904, Финляндия, саам. Колхоз «Восмус», оленевод; с. Восмус Кольского района Мурманской области. Арестован 11.06.40, ст. 58-6 УК. Осужден 19.08.40 Военным трибуналом Северного военного округа, 15 лет ИТЛ. Реабилитирован 14.06.92 Прокуратурой Мурманской области.

КИПРИЯНОВ Василий Федорович, 1888 (по другим данным - 1896), д. Чарвазеро Кольского района Мурманской области, саам. Колхоз «Лутто», оленевод; д. Чарвазеро Кольского района Мурманской области. Арестован 20.03.33, ст. 58-10, ст. 121 УК. Осужден 15.04.33 Тройкой ОГПУ Ленинградского военного округа, 5 лет ИТЛ. Реабилитирован 26.07.89 Прокуратурой Мурманской области. Повторно арестован, работая председателем колхоза «Лутто», 14.02.37, ст. 58-6-11 УК. Осужден 20.07.38 Комиссией НКВД и Прокурора СССР, ВМН. Расстрелян 28.07.38. Реабилитирован 20.03.61 Военным трибуналом Ленинградского военного округа.

КИПРИЯНОВ Иван Иванович, 1878 (по другим данным - 1882), д. Чарвазеро Кольского района Мурманской области, саам. Охотник-рыбак, единоличник; д. Чарвазеро Кольского района Мурманской области. Арестован 20.03.33, ст. 58-10 УК. Дело прекращено 31.10.34 Мурманским окружным отделом НКВД, освобожден. Повторно арестован, работая в колхозе «Лутто» оленеводом (проживал там же), 15.03.38, ст. 58-6-11 УК. Осужден 20.07.38 Комиссией НКВД и Прокурора СССР, ВМН. Расстрелян 28.07.38. Реабилитирован 20.03.61 Военным трибуналом Ленинградского военного округа.

КИРИЛЛОВ Андрей Егорович, 1905 (по другим данным - 1911), с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области, саам. Колхоз «Тундра», оленевод; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области, ул. Советская, д. 23. Арестован 14.02.41, ст. 58-10 УК. Осужден 29.03.41 Мурманским областным судом, 6 лет ИТЛ. Реабилитирован 25.07.90 Верховным судом РСФСР.

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

КОБЕЛЕВ Алексей Петрович, с. Пулозеро Кольского района Мурманской области, саам. Оленевод-рыбак; с. Пулозеро Кольского района Мурманской области. Арестован в 1930, ст. 58-9-10-11 УК. Осужден Тройкой ОГПУ Ленинградского военного округа, 5 лет ИТЛ. Повторно арестован после побега из-под стражи в 1940. Добровольно ушел на фронт из мест заключения. Остаток срока заключения отбывал после войны. Реабилитирован.

КОБЕЛЕВ Василий Петрович, с. Пулозеро Кольского района Мурманской области, саам. Оленевод-рыбак; с. Пулозеро Кольского района Мурманской области. Арестован в 1930, ст. 58-9-10 УК. Осужден Тройкой ОГПУ Ленинградского военного округа, ссылка. Реабилитирован.

КОБЕЛЕВ Даниил Леонтьевич, с. Пулозеро Кольского района Мурманской области, саам. Оленевод-рыбак; с. Пулозеро Кольского района Мурманской области. Арестован в 1930, ст. 58-9-10 УК. Дело прекращено ОГПУ Ленинградского военного округа в связи со смертью подследственного. Реабилитирован.

КОБЕЛЕВ Дмитрий Андреевич, 1890, с. Ловозеро Мурманской области, саам. Колхоз «Тундра», оленевод; с. Ловозеро Мурманской области. Арестован 3.08.41, ст. 58-10 УК. Осужден 26.12.41 Военным трибуналом войск НКВД Мурманской области, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 5.08.92 Прокуратурой Мурманской области.

КОБЕЛЕВ Леонтий Яковлевич, с. Пулозеро Кольского района Мурманской области, саам. Оленевод-рыбак; с. Пулозеро Кольского района Мурманской области. Арестован в 1930, ст. 58-9-10 УК. Дело прекращено ОГПУ Ленинградского военного округа в связи со смертью подследственного.

КОБЕЛЕВ Михаил Яковлевич, с. Пулозеро Кольского района Мурманской области, саам. Оленевод-рыбак; с. Пулозеро Кольского района Мурманской области. Арестован в 1930, ст. 58-9-10 УК. Осужден Тройкой ОГПУ Ленинградского военного округа, ссылка. Реабилитирован.

КОЛИГИН Александр Иванович, 1889, г. Сыктывкар Республики Коми, коми. Терский райлессоюз, бухгалтер; пос. Умба Терского района Мурманской области. Арестован 31.03.37, ст. 58-10 УК. Осужден 4.10.37 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 9.10.37. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован.

КОСТЫЛЕВА Агафья Савватеевна, 1882, с. Рестикент Кольского района Мурманской области, саамка. Рыбачка-единоличница; с. Рестикент Кольского района Мурманской области. Арестована 3.04.38, ст. 58-6-11 УК. Осуждена 20.07.38 Комиссией НКВД и Прокурора СССР, ВМН. Расстреляна 28.07.38. Реабилитирована 20.03.61 Военным трибуналом Ленинградского военного округа.

КУЗЬМИН Изосим Иванович, 1917, с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области, саам. Колхоз «Тундра», оленевод; с. Ловозеро Ловозерского

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

района Мурманской области, ул. Советская, д. 33. Арестован 17.05.41, ст. 58-10 УК. Дело прекращено 13.08.41 УНКВД по Мурманской области, освобожден.

ЛЕЖНЕВ Иван Андреевич, 1895, д. Западная Лица Полярного района Мурманской области, саам. Колхоз «Рая Каластая», капитан мотобота; с. Озерко Полярного района Мурманской области. Арестован 23.04.38, ст. 58-6 УК. Осужден 10.11.38 Особым совещанием при НКВД СССР, ВМН. Расстрелян. Реабилитирован 31.10.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

ЛОГИНОВ Яков Семенович, 1900, д. Казань Летского (Прилужского) района Республики Коми, коми. Зашийковский лесокомбинат, счетчик; пос. Защеек Кировского района Мурманской области, д. 28, кв. 9. Арестован 8.03.40, ст. 58-10 УК. Осужден 3.06.40 Особым совещанием при НКВД СССР, 3 года ИТЛ. Реабилитирован 26.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

ЛУКИН Никифор Романович, 1920, д. Мотовский погост Полярного района Мурманской области, саам. Колхоз «Восмус», оленевод; д. Восмус Кольского района Мурманской области. Арестован 22.06.40, ст. 58-6-12 УК. Осужден 19.08.40 Особым совещанием при НКВД СССР, 8 лет ИТЛ. Реабилитирован 26.04.89 Прокуратурой Мурманской области.

МАТРЕХИН Александр Васильевич, 1909, с. Иоканьга Саамского (Ловозерского) района Мурманской области, саам. Колхоз «Аvt-Варрэ», оленевод; с. Иоканьга Саамского (Ловозерского) района Мурманской области. Арестован 20.03.38, ст. 58-2-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 22.10.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

МАТРЕХИН Александр Семенович, 1910, с. Иоканьга Саамского района Мурманской области, саам. Колхоз «Арсйок», рыбак; с. Варзино Саамского (Ловозерского) района Мурманской области. Арестован 4.09.38, ст. 58-10-11 УК. Дело прекращено 19.09.39 УНКВД по Мурманской области, освобожден.

МАТРЕХИН Алексей Лукич, 1895, с. Иоканьга Саамского района Мурманской области, саам. Колхоз «Аvt-Варрэ», оленевод; с. Иоканьга Саамского (Ловозерского) района Мурманской области. Арестован 22.03.38, ст. 58-2-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 22.10.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

МАТРЕХИН Алексей Яковлевич, 1906, с. Сосновка Саамского района Мурманской области, саам. Колхоз «Путь оленя», пастух-оленевод; с. Сосновка Саамского (Ловозерского) района Мурманской области. Арестован 20.08.38, ст. 58-8-10-11 УК. Дело рассмотрено 27.06.39 Мурманским областным судом.

МАТРЕХИН Дмитрий Леонтьевич, 1888, с. Каменка Ловозерского района Мурманской области, саам. Колхоз «Арсйок», оленевод; с. Варзино Саамского (Ловозерского) района Мурманской области. Арестован 20.08.38, ст. 58-8-10-11 УК. Дело рассмотрено 27.06.39 Мурманским областным судом.

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

возерского) района Мурманской области. Арестован 14.09.37, ст. 58-10 УК. Осужден 31.10.37 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 23.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

МАТРЕХИН Егор Леонтьевич, 1895, с. Каменка Ловозерского района Мурманской области, саам. Колхоз «Арсйок», оленевод; с. Варзино Саамского (Ловозерского) района Мурманской области. Арестован 24.09.37, ст. 58-10 УК. Осужден 31.10.37 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 21.04.89 Прокуратурой Мурманской области.

МАТРЕХИН Иван Васильевич, 1902, с. Иоканьга Саамского (Ловозерского) района Мурманской области, саам. Колхоз «Авт-Варрэ», рыбак-оленевод; с. Иоканьга Саамского (Ловозерского) района Мурманской области. Арестован 18.06.38, ст. 58-10-11 УК. Осужден 10.10.38 Тройкой УНКВД по Мурманской области, ВМН. Растрелян 21.11.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 4.10.58 Военным трибуналом Северного военного округа.

МАТРЕХИН Кирилл Иванович, 1898, с. Поной Саамского района Мурманской области, саам. Колхоз «Север», рыбак; с. Поной Саамского (Ловозерского) района Мурманской области. Арестован 23.11.37, ст. 58-6-10 УК. Осужден 10.01.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 18.01.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 18.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

МАТРЕХИН Никита Терентьевич, 1900, с. Иоканьга Саамского района Мурманской области, саам. Колхоз «Авт-Варрэ», председатель; с. Иоканьга Саамского (Ловозерского) района Мурманской области. Арестован 28.05.38, ст. 58-10-11 УК. Осужден 10.10.38 Особым совещанием при УНКВД по Мурманской области, ВМН. Растрелян 21.11.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 4.10.58 Военным трибуналом Северного военного округа.

МАТРЕХИН Прокопий Степанович, 1903, с. Иоканьга Саамского района Мурманской области, саам. Колхоз «Авт-Варрэ», оленевод; с. Иоканьга Саамского (Ловозерского) района Мурманской области. Арестован 23.08.38, ст. 58-7-10-11 УК. Осужден 29.11.38 Мурманским областным судом, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 10.05.39 Верховным судом РСФСР. Повторно арестован, работая и проживая там же, 17.06.40, ст. 58-10 УК. Осужден 19.08.40 Особым совещанием при НКВД СССР, 3 года ИТЛ. Реабилитирован 4.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

МАТРЕХИН Яков Алексеевич, 1892, с. Поной Саамского (Ловозерского) района Мурманской области, саам. Баржа № 52080, матрос; пос. Гремиха (г. Островной) Мурманской области. Арестован 14.04.46, ст. 58-10 УК. Осужден 27.07.46 Военным трибуналом Мурманского гарнизона Северного флота, 6 лет ИТЛ. Реабилитирован 21.03.90 Мурманским областным судом.

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

МОШНИКОВ Алексей Максимович, 1909, пос. Ниванкуль Кольского района Мурманской области, саам. Колхоз «Ниванкуль», председатель; пос. Ниванкуль Кольского района Мурманской области. Арестован 4.08.37, ст. 58-10 УК. Осужден 1.09.37 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 9.09.37. Реабилитирован 18.04.89 Прокуратурой Мурманской области.

МОШНИКОВ Василий Кириллович, 1874, пос. Рестикент Кольского района Мурманской области, саам. Пенсионер; пос. Рестикент Кольского района Мурманской области. Арестован 5.06.40, ст. 58-6-10 УК. Осужден 13.08.40 Особым совещанием при НКВД СССР, 5 лет ИТЛ. Реабилитирован 24.06.59 Мурманским областным судом.

МОШНИКОВ Григорий Максимович, 1888, д. Юркино Кольского района Мурманской области, саам. Колхоз «Юркино», старший оленевод; д. Юркино Кольского района Мурманской области. Арестован 26.02.38, ст. 58-2-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

МОШНИКОВ Константин Григорьевич, 1914, д. Юркино Кольского района Мурманской области, саам. Колхоз «Юркино», оленевод; д. Юркино Кольского района Мурманской области. Арестован 26.02.38, ст. 58-2-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

МОШНИКОВ Михаил Кириллович, 1878, пос. Рестикент Кольского района Мурманской области, саам. Оленевод-рыбак; пос. Рестикент Кольского района Мурманской области. Арестован 10.04.38, ст. 58-6-11 УК. Осужден 20.07.38 Комиссией НКВД и Прокурора СССР, ВМН. Расстрелян 28.07.38. Реабилитирован 20.03.61 Военным трибуналом Ленинградского военного округа.

МОШНИКОВ Федот Тимофеевич, 1888, пос. Рестикент Кольского района Мурманской области, саам. Колхоз «Восмус», оленевод; д. Восмус Кольского района Мурманской области. Арестован 19.03.42, ст. 19, 58-1а, ст. 58-10 УК. Осужден 16.06.43 Особым совещанием при НКВД СССР, 8 лет ИТЛ. Реабилитирован 10.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

ОСИПОВ Андрей Степанович, 1885, пос. Рестикент Кольского района Мурманской области, саам. Рыбак-единоличник; пос. Рестикент Кольского района Мурманской области. Арестован 27.03.38, ст. 58-6 УК. Осужден 20.07.38 Комиссией НКВД и Прокурора СССР, ВМН. Расстрелян 28.07.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 20.03.61 Военным трибуналом Ленинградского военного округа.

ОСИПОВ Ефим Яковлевич, 1889, д. Юркино Кольского района Мурманской области, саам. Колхоз «Юркино», оленевод; д. Юркино Кольского района Мурманской области. Арестован 28.02.38, ст. 58-6-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

ОСИПОВ Иван Кузьмич, 1900, пос. Бабино Кировского района Мурманской области, саам. Рыбак-оленевод, единоличник; пос. Бабино Кировского района Мурманской области. Арестован 1.08.37, ст. 58-10 УК. Осужден 22.08.37 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 22.08.37. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 6.04.89 Прокуратурой Мурманской области.

ОСИПОВ Николай Степанович, 1902, пос. Гирвас-Озеро Кировского района Мурманской области, саам. Рыбак-оленевод, единоличник; пос. Гирвас-Озеро Кировского района Мурманской области. Арестован 26.06.38, ст. 58-6-10 УК. Осужден 10.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 21.11.38. Реабилитирован 10.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

ОСИПОВ Прокопий Степанович, 1888, пос. Гирвас-Озеро Кировского района Мурманской области, саам. Рыбак-оленевод, единоличник; пос. Гирвас-Озеро Кировского района Мурманской области. Арестован 20.06.38, ст. 58-6-10 УК. Осужден 10.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 21.11.38. Реабилитирован 10.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

ОСИПОВ Семен Яковлевич, 1881, хутор Рипасалма Кольского района Мурманской области, саам. Колхоз «Лутто», оленевод; хутор Рипасалма Кольского района Мурманской области. Арестован 5.06.38, ст. 58-6 УК. Осужден 10.10.38 Тройкой УНКВД по Мурманской области, ВМН. Расстрелян 21.11.38. Реабилитирован 27.04.89 Прокуратурой Мурманской области.

ОСИПОВ Фадей Дмитриевич, 1889, пос. Гирвас-Озеро Кировского района Мурманской области, саам. Оленевод-единоличник; пос. Гирвас-Озеро Кировского района Мурманской области. Арестован 5.08.37, ст. 58-6 УК. Осужден 8.09.37 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 9.09.37. Реабилитирован 20.04.89 Прокуратурой Мурманской области.

ОСИПОВ Яков Иванович, 1911, д. Юркино Кольского района Мурманской области, саам. Народный суд Полярного района Мурманской области, судья; г. Мурманск, ул. Полярные Зори, д. 37, кв. 8. Арестован 10.03.38, ст. 58-2-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 22.10.38. Реабилитирован 4.05.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

ОСИПОВА Анна Андреевна, 1915, с. Рестикиент Кольского района Мурманской области, саамка. Колхоз «Юркино», школьный интернат, прачка; д. Юркино Кольского района Мурманской области. Арестована 5.06.40, ст. 58-10 УК. Осуждена 13.08.40 Особым совещанием при НКВД СССР, 5 лет ИТЛ. Реабилитирована 30.04.89 Прокуратурой Мурманской области.

ОСИПОВА Евдокия Ивановна, 1884, с. Рестикиент Кольского района Мурманской области, саамка. Колхоз «Восмус», оленевод; с. Рестикиент Кольского района Мурманской области. Арестована 3.06.40, ст. 58-10 УК. Осуждена 19.08.40 Особым совещанием при НКВД СССР, 5 лет ИТЛ. Реабилитирована 25.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

РАСПУТИН Владимир Михайлович, 1908, с. Ловозеро Мурманской области, коми. Мурманский оленеводческий совхоз, пастух; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 11.03.33, ст. 58-7-10 УК. Осужден 26.05.33 Тройкой ОГПУ Ленинградского военного округа, 2 года лишения свободы условно. Реабилитирован 2.12.57 Мурманским областным судом.

РОЧЕВ Абрам Поликарпович, 1894, с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области, коми. Колхоз «Тундра», оленевод; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 30.05.38, ст. 58-8-10-11 УК. Осужден 21.11.38 Тройкой УНКВД по Мурманской области, ВМН. Расстрелян 21.11.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 15.01.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

РОЧЕВ Андриан Феонович, 1896, с. Ивановка Ловозерского района Мурманской области, коми. Оленевод-колхозник; с. Ивановка Ловозерского района Мурманской области. Арестован 10.04.30, ст. 58-10-11 УК. Дело прекращено 28.06.30 Мурманским окружным отделом ОГПУ, освобожден.

РОЧЕВ Иван Пегасьевич, 1882, д. Бакур Печорского района Республики Коми, коми. Колхоз «Тундра», столяр; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 13.03.38, ст. 58-10-11 УК. Дело прекращено 15.06.39 УНКВД по Мурманской области, освобожден.

РОЧЕВ Филипп Архипович, 1892, с. Мохча Печорского района Республики Коми, коми. Колхоз «Тундра», оленевод; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 18.05.38, ст. 58-8-10-11 УК. Осужден 21.11.38 Тройкой УНКВД по Мурманской области, ВМН. Расстрелян 21.11.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 15.01.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

РОЧЕВ Яков Дмитриевич, 1861, д. Бакур Печорского района Республики Коми, коми. Колхоз «Тундра», столяр; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 21.10.30, ст. 58-10 УК. Дело прекращено 26.03.31 Мурманским окружным отделом ОГПУ, освобожден.

СЕЛИВАНОВ Алексей Игнатьевич, 1886, с. Воронье Ловозерского района Мурманской области, саам. Оленевод; с. Воронье Ловозерского района Мурманской области. Арестован 13.03.38, ст. 58-10-11 УК. Осужден 3.06.40 Особым совещанием при НКВД СССР, 5 лет ИТЛ. Реабилитирован 25.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

СЕМЕНОВ Яков Иванович, 1887, с. Юркино Кольского района Мурманской области, саам. Колхоз «Лутто», оленевод; д. Юркино Кольского района Мурманской области. Арестован 5.06.40, ст. 58-6 УК. Осужден 13.08.40 Особым совещанием при НКВД СССР, 8 лет ИТЛ. Реабилитирован 27.04.89 Прокуратурой Мурманской области.

СЕМЯШКИН Михаил Маркович, 1890, погост Мотовский (Зимняя Мотовка) Полярного района Мурманской области, саам. Колхоз «Тундра», колхозник;

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

с. Большая Западная Лица Полярного (Кольского) района Мурманской области. Арестован 7.08.37, ст. 58-1а УК. Осужден 23.08.37 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 24.08.37. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 6.02.60 Военным трибуналом Северного военного округа.

СЕРГИН Афанасий Анисимович, 1894, с. Бабино Кировского района Мурманской области, саам. Пограничная база Уполакша, рабочий; с. Бабино Кировского района Мурманской области. Арестован 3.07.40, ст. 58-10 УК. Дело прекращено 7.06.41 УНКВД по Мурманской области, освобожден.

СЕРГИН Семен Ларионович, 1874, с. Бабино Кировского района Мурманской области, саам. Рыбак-единоличник; с. Бабино Кировского района Мурманской области. Арестован 1.08.37, ст. 58-10 УК. Осужден 22.08.37 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 22.08.37. Реабилитирован 7.04.89 Прокуратурой Мурманской области.

СНАУЛА Андрей Егорович, 1897, с. Озерко Полярного района Мурманской области, саам. Колхоз «Рая Каластая», рыбак; с. Озерко Полярного района Мурманской области. Арестован 11.10.37, ст. 58-6 УК. Осужден 10.01.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 22.01.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 31.10.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

СНАУЛА Ганс Егорович, 1909, с. Озерко Полярного района Мурманской области, саам. Колхоз «Рая Каластая», рыбак; с. Озерко Полярного района Мурманской области. Арестован 11.11.37, ст. 58-6 УК. Осужден 31.12.37 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 1.03.58 Военным трибуналом Северного военного округа.

СНАУЛА Егор Андреевич, 1865, Норвегия, саам. Колхоз «Рая Каластая», рыбак; с. Озерко Полярного района Мурманской области. Арестован 11.10.37, ст. 58-6 УК. Осужден 10.01.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 22.01.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 31.10.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

СНАУЛА Егор Егорович, 1900, с. Озерко Полярного района Мурманской области, саам. Колхоз «Рая Каластая», капитан мотобота; с. Озерко Полярного района Мурманской области. Арестован 11.10.37, ст. 58-6 УК. Осужден 10.01.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 22.01.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 31.10.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

СНАУЛА Матвей Егорович, 1906, с. Озерко Полярного района Мурманской области, финн. Колхоз «Рая Каластая», рыбак; с. Озерко Полярного района Мурманской области. Арестован 11.10.37, ст. 58-6 УК. Осужден 10.01.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 22.01.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 31.10.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

СНАУЛА Николай Егорович, 1904, с. Озерко Полярного района Мурманской области, саам. Колхоз «Рая Каластая», рыбак; с. Озерко Полярного района Мурманской области. Арестован 11.10.37, ст. 58-6 УК. Осужден 10.01.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 22.01.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 31.10.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

СНАУЛА Юрий Егорович, 1913, с. Озерко Полярного района Мурманской области, саам. Колхоз «Рая Каластая», рыбак; с. Озерко Полярного района Мурманской области. Арестован 21.11.37, ст. 58-6 УК. Осужден 31.12.37 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, 8 лет ИТЛ. Реабилитирован 1.03.58 Военным трибуналом Северного военного округа.

СОРВАНОВ Дмитрий Иванович, 1898, с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области, саам. Совхоз «Тундра», оленевод; с. Ловозеро Мурманской области. Арестован 17.07.41, ст. 58-10 УК. Осужден 24.09.41 Мурманским областным судом, 5 лет ИТЛ. Реабилитирован 4.06.92 Прокуратурой Российской Федерации.

СОРВАНОВ Павел Петрович, 1909, с. Экостров Кольско-Лопарской волости (Кировский район Мурманской области), саам. Частный возчик на оленах; пос. Хибины Кировского района Мурманской области. Арестован 10.03.38, ст. 58-6-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 22.10.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 18.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

СОРВАНОВ Петр Васильевич, 1884, с. Умбозеро Кольско-Лопарской волости (Мончегорский район Мурманской области), саам. Частный возчик на оленах; г. Мончегорск Мурманской области. Арестован 10.03.38, ст. 58-6-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 22.10.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 18.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

СТАКАНОВ Александр Карпович, 1884, с. Титовка Полярного (Кольского) района Мурманской области, саам. Колхоз «Тундра», колхозник; с. Большая Западная Лица Полярного района Мурманской области. Арестован 13.08.37, ст. 58-1а УК. Осужден 23.08.37 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 24.08.37. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 6.02.60 Военным трибуналом Северного военного округа.

СТАКАНОВ Михаил Александрович, 1918, с. Мотовский погост Полярного района Мурманской области, саам. Колхоз «Восмус», оленевод; д. Восмус Кольского района Мурманской области. Арестован 8.07.40, ст. 58-6 УК. Осужден 26.11.40 Особым совещанием при НКВД СССР, 8 лет ИТЛ. Реабилитирован 18.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

ТЕРЕНТЬЕВ Арсений Семенович, 1868, Печорский район Республики Коми, коми. Оленевод-единоличник; с. Ивановка Ловозерского района Мурманской

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

области. Арестован 10.04.30, ст. 58-10-11 УК. Дело прекращено 28.06.39 Мурманским окружным отделом НКВД, освобожден.

ТЕРЕНТЬЕВ Василий Васильевич, 1898, с. Бакур Печорского (Ижемского) района Республики Коми, коми. Ловозерский рыбкооператив, член правления; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 19.05.38, ст. 58-8-10-11 УК. Осужден 2.11.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 21.11.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 15.01.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

ТЕРЕНТЬЕВ Константин Яковлевич, 1887, с. Ловозеро Мурманской области коми. Колхоз «Тундра», оленевод; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 3.06.38, ст. 58-6-10-11 УК. Осужден 13.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 21.10.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 28.07.89 Прокуратурой Мурманской области.

ТЕРЕНТЬЕВ Михаил Васильевич, коми. Колхоз «Тундра», оленевод; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 12.06.38, ст. 58-6-10-11 УК. Осужден 13.10.38 Тройкой НКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 21.10.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 18.04.89 Прокуратурой Мурманской области.

ТЕРЕНТЬЕВ Михаил Филиппович, 1905, коми. Ловозерский райисполком, делопроизводитель; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 3.07.38, ст. 58-6-10-11 УК. Осужден 13.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 23.10.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 18.04.89 Прокуратурой Мурманской области.

ТУРКАЧЕВ Яков Николаевич, 1917, с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области, ненец. Крестьянин-единоличник; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 13.03.38, ст. 58-9-10-11, ст. 19-58-2 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

ФЕДОТОВ Алексей Александрович, 1911, с. Западная Лица Полярного района Мурманской области, саам. Колхоз «Восмус», оленевод; д. Восмус Кольского района Мурманской области. Арестован 10.06.40, ст. 58-6 УК. Осужден 26.11.40 Особым совещанием при НКВД СССР, 8 лет ИТЛ. Реабилитирован 18.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

ФЕДОТОВ Алексей Степанович, саам. Колхоз «Тундра», колхозник; с. Западная Лица Полярного (Кольского) района Мурманской области. Арестован (дата неизвестна), ст. 58-6 УК. Осужден (кем, когда и на какой срок неизвестно, дальнейшая судьба А. С. Федотова также неизвестна).

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

ФЕФЕЛОВ Григорий Иванович, 1884, с. Воронье Ловозерского района Мурманской области, саам. Колхоз «Доброволец», сторож; с. Воронье Ловозерского района Мурманской области. Арестован 15.09.41, ст. 58-10 УК. Осужден 12.11.41 Военным трибуналом войск НКВД Мурманской области, 7 лет ИТЛ. Реабилитирован 14.09.92 Прокуратурой Мурманской области.

ФЕФЕЛОВ Павел Иванович, 1877, с. Воронье Ловозерского района Мурманской области, саам. Колхоз «Доброволец», колхозник; с. Воронье Ловозерского района Мурманской области. Арестован 25.02.38, ст. 58-10-11 УК. Дело рассмотрено 8.03.40 Верховным судом СССР, оправдан.

ФИЛИППОВ Алексей Иванович, 1872, д. Диюр Печорского района Республики Коми, коми. Колхоз «Тундра», оленевод; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 18.05.38, ст. 58-8-10-11 УК. Осужден 18.11.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 21.11.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 15.01.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

ФИЛИППОВ Диомид Петрович, 1901, д. Диюр Печорского района Республики Коми, коми. Колхоз «Тундра», оленевод; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 12.08.41, ст. 58-10 УК. Осужден 3.09.41 Мурманским областным судом, 6 лет ИТЛ. Реабилитирован 19.06.91 Верховным судом РСФСР.

ФИЛИППОВ Серапион Степанович, 1899, д. Диюр Печорского района Республики Коми, коми. Оленевод-единоличник; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 8.03.38, ст. 58-10-11 УК. Дело рассмотрено 15.06.39 Верховным судом РСФСР, оправдан, освобожден.

ФИЛИППОВ Федор Ефимович, 1883, д. Усть-Ижма Печорского района Республики Коми, коми. Оленевод-единоличник; с. Краснощелье Ловозерского района Мурманской области. Арестован 19.04.31, ст. 58-10 УК. Осужден 18.06.31 Тройкой ОГПУ Ленинградского военного округа, 3 года ИТЛ. Реабилитирован 23.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

ХАТАНЗЕЙ Аким Васильевич, 1886, с. Коломицкое Печорского района Республики Коми, ненец. Оленеводческий совхоз «Тундра», пастух; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 14.03.33, ст. 58-7-10 УК. Осужден 26.05.33 Тройкой ОГПУ Ленинградского военного округа, 2 года лишения свободы условно. Реабилитирован 2.12.57 Мурманским областным судом.

ХАТАНЗЕЙ Василий Егорович, 1894, с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области, ненец. Оленевод-единоличник; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 27.03.38, ст. 58-10-11 УК. Дело рассмотрено 15.06.39 Верховным судом РСФСР, оправдан.

ХАТАНЗЕЙ Степан Андреевич, 1901, д. Няжа Печорского района Республики Коми, ненец. Мурманский оленеводческий совхоз, пастух; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 29.03.33, ст. 58-7-10 УК. Осужден

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

ден 26.05.33 Тройкой ОГПУ Ленинградского военного округа, 3 года ИТЛ. Реабилитирован 2.12.57 Мурманским областным судом.

ЧАПОРОВ Иван Григорьевич, 1881, пос. Зимняя Мотовка Полярного района Мурманской области, саам. Колхоз «Тундра», рыбак; с. Большая Западная Лица Полярного (Кольского) района Мурманской области. Арестован 9.08.37, ст. 58-1а УК. Осужден 23.08.37 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 24.08.37. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 6.02.60 Военным трибуналом Северного военного округа.

ЧАПОРОВ Иван Иванович, 1917, с. Мотовский погост Полярного района Мурманской области, саам. Колхоз «Восмус», оленевод; д. Восмус Кольского района Мурманской области. Арестован 8.07.40, ст. 58-6 УК. Осужден 26.11.40 Особым совещанием при НКВД СССР, 8 лет ИТЛ. Реабилитирован 18.05.89 Прокуратурой Мурманской области.

ЧАПОРОВ Петр Григорьевич, 1888, пос. Зимняя Мотовка Полярного района Мурманской области, саам. Колхоз «Тундра», оленевод-рыбак; с. Западная Лица Полярного (Кольского) района Мурманской области. Арестован 13.08.37, ст. 58-6 УК. Осужден 22.08.37 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 24.08.37. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 6.02.60 Военным трибуналом Северного военного округа.

ЧАПОРОВ Петр Григорьевич (младший), 1894, пос. Зимняя Мотовка Полярного района Мурманской области, саам. Колхоз «Тундра», оленевод; с. Большая Западная Лица Полярного (Кольского) района Мурманской области. Арестован 9.08.37, ст. 58-1а УК. Осужден 23.08.37 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 24.08.37. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 6.02.60 Военным трибуналом Северного военного округа.

ЧАПОРОВ Федор Петрович (сын Петра младшего), пос. Зимняя Мотовка Полярного района Мурманской области, саам. Колхоз «Тундра», оленевод; с. Большая Западная Лица Полярного (Кольского) района Мурманской области. Арестован 9.08.37, ст. 58-1а УК. Осужден 23.08.37 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 24.08.37. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 6.02.60 Военным трибуналом Северного военного округа.

ЧУПРОВ Михаил Семенович, 1881, с. Бакурино Печорского района Республики Коми, коми. Строительство Семиостровской школы, плотник; с. Семиостровье Ловозерского района Мурманской области. Арестован 20.02.35, ст. 17, 58-8-10 УК. Осужден 20.04.36 Ленинградским областным судом, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 11.08.92 Прокуратурой Мурманской области.

ЧУПРОВ Сергей Васильевич, 1894, с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области, коми. Колхоз «Тундра», оленевод; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 18.05.38, ст. 17, 58-8-10-11 УК.

РЕПРЕССИРОВАННЫЕ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Осужден 17.11.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 21.11.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 15.01.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

ЧУПРОВ Тимофей Васильевич, 1898, д. Бакурино Печорского района Республики Коми, коми. Мурманский оленеводческий совхоз, старший оленевод; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 8.03.33, ст. 58-7-10 УК. Осужден 26.05.33 Тройкой ОГПУ Ленинградского военного округа, 3 года ИТЛ. Реабилитирован 2.12.57 Мурманским областным судом.

ЧУПРОВ Федор Васильевич, 1884, с. Бакурино Печорского района Республики Коми, коми. Оленевод-единоличник; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 13.03.38, ст. 58-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, 10 лет ИТЛ. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

ШЕШУКОВА Александра Ивановна, 1906, д. Искорь Сыктывкарского района Республики Коми, коми. Мурманский городской отдел народного образования, инспектор; г. Мурманск, пр. Сталина, д. 38, кв. 8. Арестована 26.05.38, ст. 58-10-11 УК. Осуждена 24.11.38 Военным трибуналом Ленинградского военного округа, 10 лет ИТЛ. Реабилитирована 21.07.56 Верховным судом СССР.

ЮЛИН Степан Иванович, 1885, с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области, саам. Оленевод-единоличник; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 30.04.33, ст. 58-7 УК. Дело прекращено 17.05.33 Мурманским окружным отделом ОГПУ, освобожден.

ЮРЬЕВ Николай Иванович, 1882, с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области, саам. Крестьянин-единоличник; с. Ловозеро Ловозерского района Мурманской области. Арестован 19.03.38, ст. 58-2-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 22.10.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

ЮШКОВ Иван Михайлович, 1887, с. Семиостровье Мурманской области, саам. Колхоз «Арсйок», рыбак; с. Варзино Саамского (Ловозерского) района Мурманской области. Арестован 4.09.38, ст. 58-10-11 УК. Осужден 29.09.39 Особым совещанием при НКВД СССР, 5 лет ссылки. Реабилитирован 21.04.89 Прокуратурой Мурманской области.

ЯКОВЛЕВ Александр Афанасьевич, 1882, пос. Кильдин Кольского района Мурманской области, саам. Вороненское отделение связи, почтальон; с. Воронье Ловозерского района Мурманской области. Арестован 13.03.38, ст. 19, 58-2-10-11 УК. Осужден 15.10.38 Тройкой УНКВД по Ленинградской области, ВМН. Расстрелян 22.10.38. Место захоронения - г. Ленинград, Левашовское кладбище. Реабилитирован 4.07.57 Военным трибуналом Северного военного округа.

СОДЕРЖАНИЕ

Душенов	3
«Чайка»	13
Президент Саамской республики	23
Как Ленина в Мурманске судили	31
Портрет наркома	34
Коммунисты	40
«Построена вредительски...»	48
«Я - не меньшевик»	56
Лагерная книга	64
Судьба Героя	72
Последняя жертва	77
Тройка	82
Система ИТЛ на Кольском полуострове	87
Репрессированные саамы, коми, ненцы	90

Дащинский Станислав Наумович

ПРЕЗИДЕНТ СААМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Редактор **И. С. Конюшанец**

Компьютерная верстка **Е. В. Платоновой**

Корректор **Л. А. Самцова**

Книга издана при поддержке

ООО «Комсомольская правда» - Арктика»

Сдано в набор 20.10.99. Подписано в печать 05.01.2000 г. Формат 14x19.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ 26.

Мурманское полиграфическое предприятие «Милори».

183789 Мурманск, ул. Шмидта, 23. Тел. 47-31-44.

Лиц. ПЛД 54-13 от 28.12.95 г. Сев.-Зап. регионал. управл. Комитета РФ по печати

Об авторе.

Родился в Белоруссии. На Кольский полуостров привела комсомольская путевка. Работал каменщиком в Оленегорске. Служил в армии. Ходил в море помощником капитана на транспортных судах и плавбазах. Но большую часть жизни отдал журналистике.

Поездил по миру: две зимовки провел на Шпицбергене, бывал на Новой Земле, Сахалине и Курилах, в Северной и Южной Америке, в Африке.

Кандидат исторических наук. Составитель мурманских Книг памяти и Энциклопедии Кольского края, автор около десятка книг по истории и краеведению.

Публикуемые очерки - результат поисков во время работы в должности главного специалиста комиссии по восстановлению прав жертв политических репрессий администрации Мурманской области.